10
ОКТЯБРЬ 2010
ВОКРУГ СВЕТА

БОРИС СТРУГАЦКИЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

Рубикон

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В номере:

Колонка дежурного по номеру **Самуил Лурье**

Истории, образы, фантазии

Людмила Макарова **«Рубикон»**. Повесть
Александр Голубев **«Рекрутер»**. Рассказ
Наталья Егорова, Сергей Байтеряков **«Дело папы Карло»**. Рассказ
Натан Блай **«Реверс»**. Рассказ
Сергей Соловьев **«Ледяные ночи октября»**. Рассказ

Личности, идеи, мысли

Антон Первушин **«В тисках энергетического кризиса»**
Михаил Нехорошев **«Фантастика страстей наших, или фантастика non fiction»**
Сергей Стрельченко **«Укус кактуса, или паразит поневоле»**

Информаторий

Наши авторы

- Полдень XXI век
  -
  - Колонка дежурного по номеру
  - Истории, образы, фантазии
    - Людмила Макарова
    - Александр Голубев
    - Сергей Байтеряков, Наталья Егорова
    - Натан Блай
    - Сергей Соловьев
    -
      - 1. Разговоры с собой
      - 2. Животные и люди
      - 3. Страх в литературе и жизни
      - 4. В город и обратно
      - 5. В поселке
      - 6. Петля Амфисбены
  - Личности, идеи, мысли
    - Антон Первушин

        - Михаил Нехорошев
        - Сергей Стрельченко
    - Подписка
- notes
    - 1

Полдень XXI век

Октябрь (70) 2010

Колонка дежурного по номеру

Вот еще несколько микродоз приемлемо-невероятного. Несколько довольно печальных историй. В которые — по умолчанию — никто из нас не попадет. К счастью. Ведь попасть в такое непонятное значит — пропасть.

Читатель, находясь в безопасности, может еще и еще раз, на примере нескольких персонажей, убедиться: злая воля плохого человека сильней, чем здравый смысл человека хорошего.

Но до последней строки мы болеем за здравый смысл. И надеемся на ничью. То есть сюжетный интерес создается доброй волей. Которая, похоже, только в литературе действует постоянно и безошибочно.

А мистеру Брэдбери нынче стукнуло 90. Он хорошо себя чувствует и лихо управляется с техникой: инвалидной коляской, пишущей машинкой. Говорит, что Бог время от времени все еще подбрасывает ему новые идеи. Книги выходят, фильмы снимаются, слава шумит за окном, как Тихий океан. По радио голливудская актриса исполняет песню собственного сочинения: «Fuck My, Ray Bradbury!» Такое, знаете ли, не каждому и восьмидесятидевятилетнему споют.

Жизнью мистер Брэдбери доволен, а вот политикой президента Обамы — не совсем: какого черта мы топчемся на каком-то там Среднем Востоке, когда не освоены ни Марс, ни даже Луна?

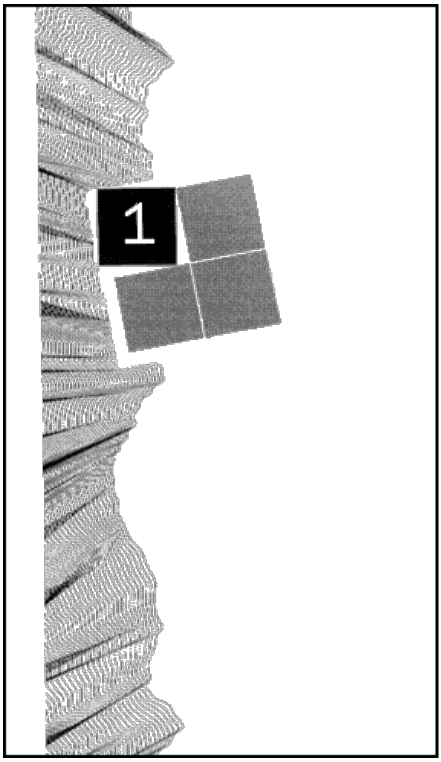
Хотя бы у одного писателя на свете должно же быть все в порядке. Рэй Брэдбери такую удачу заслужил. Он, как никто другой, всегда умел (приятно добавить: и умеет) кого угодно убедить в том, что 1) мир прекрасно бесконечен и что 2) в принципе человек способен чувствовать любовь.

Из этих аксиом, надлежащим образом сближенных, в сюжете как-то само собой выводится, что если уж быть человеком, то лучше — добрым: это не просто красивей, но и умней.

В такое веришь исключительно от волнения. Рэя Брэдбери читают, волнуясь.

Он владеет каким-то секретом: по-видимому, полученным от «Дженет Джонсон, учившей меня писать рассказы, и Сноу Лонгли Хауш, учившей меня поэзии в лос-анджелесской средней школе, очень давно». Хорошая, наверное, школа была.

Самуил Лурье



Истории
Образы
Фантазии

Истории, образы, фантазии

Людмила Макарова
Рубикон

Повесть

Витрина сувенирного магазинчика, оформленная в стиле «беспроигрышный дизайн», соседствовала с худосочными манекенами салона модной одежды. Элегантные пустоглазые красавицы, отпугивающие ценниками на груди большую часть женского населения города, наверняка шептались по ночам, качая гипсовыми головками: «Ах, какая безвкусица… Боже мой, какая аляповатость… Ах, почему нас не поставили рядом с этими восхитительными прозрачными стойками с сотовыми телефонами! Мы все знаем о дорогих сотовых телефонах, которые достают из прелестных сумочек наши милые посетительницы… А вы слышали — дальше по улице есть салон „Духи и ароматы“, какое чудное было бы соседство…»

Но арендодатели не принимали в расчет мнение старых манекенов, переехавших из бывшего «Дома бытовых услуг» и наряженных в стильные пиджаки и блузки с длинными рукавами. Короткие не соответствовали сезону и не прикрывали покалеченные пальцы, отбитые при выезде с распродажи. И потому на витрине соседнего магазина, над которым светилась неоновая вывеска «Сувениры-Подарки», уверенно расположились резные шкатулки, раскачивающиеся маятники, сверкающие золотом украшения — золото скорее всего поддельное, но по цене настоящего, — фарфоровые куклы с миловидными личиками и изогнутые самурайские мечи на багровом бархате…

Таких магазинчиков в торговом районе Ливаровска — великое множество. Сети, раскинутые для доверчивых покупателей, никогда не остаются без добычи: бумажные денежные знаки и мелкие монеты запутываются в прочной паутине кассовых аппаратов, а их бестелесные электронные призраки — в хитроумной системе банковских счетов и переводов.

И в том, что девушка стояла и, раскрыв рот, глазела на яркую витрину под вывеской «Сувениры-Подарки», на первый взгляд не было ничего необычного. Она стояла здесь без движения второй час. Пришла в хмурых осенних сумерках, да так и застыла. С наступлением темноты пошел мелкий дождик — вкрадчивый, въедливый. Поначалу он даже казался по-летнему теплым и

безобидным, но постепенно разозлился на наглую девчонку, не обращавшую на него внимания, и теперь проливал на нее тысячи блестящих капель, призвав на помощь усилившийся ветер. Небольшой фургон, протискиваясь по пешеходной зоне, попал колесом в засорившуюся решетку водослива и плеснул холодной водой. Девочка шевельнулась, сделала несколько шагов вперед, вытянула руки и коснулась мокрого стекла.

Кирилл вышел из кафе, зябко поежился и заспешил к дверям магазина. Совсем еще детские ладошки скользили по стеклу, по мере того как девочка продвигалась вдоль витрины ко входу, не отводя глаз от заворожившего ее зрелища, пока не уперлась худеньким плечом в неожиданное препятствие.

— Не заходи, — сказал Кирилл.

Каждый раз он говорил вначале какую-то ничего не значащую фразу. Или даже несколько фраз. Это никак не вязалось с его профессиональным уровнем и даже вызывало некоторое недоумение начальства, но Кириллу великодушно прощали маленькую слабость.

«Ненавижу свою работу», — подумал Кирилл. Накануне он сдал в «Рубикон» однокурсника Сашку Седлова, с которым когда-то устраивал на факультете музыкальные вечера, и весь вечер цеплялся за фразу «ненавижу свою работу», повторяя ее перед каждой новой рюмкой, чтобы оправдать свое решение напиться.

— Все равно без толку, — вслух пробормотал он, с неудовольствием отметив про себя, что язык слегка заплетается. Вплотную прильнувшее тело девушки напряглось в бесплодной попытке сдвинуть его с места. Кирилл тряхнул головой, как бы сбрасывая с себя алкогольное головокружение. Вдох-выдох… Начали.

— Блеск хрусталя в фонарях такой яркий! — отчетливо произнес он в ухо девочке. Она вздрогнула. На мочке уха качнулись дешевые колечки с бусинками. — Посмотри, как улица сияет. Ослепительный свет, да? Черный провал и серебро огней. И краски, как радуга, видишь?

Девушка перестала упираться в него, постояла, словно к чему-то прислушиваясь, и тихо переспросила:

— Правда яркие?

— Да. Глаза слепит. Я покажу, пойдем.

Она наконец подняла на него глаза. Зрачки расширены, но не сильно. И где-то в глубине читается сохраненный разум. «Наверное, только-только подсадили. Поставщика своего нет, — подумал Кирилл, — по глупости залетела и даже не поняла, что произошло. Любовничек, наверное, небо в алмазах показал, сволочь».

— Послушай меня! Ч-черт…

Кирилл поморщился. Кажется, он здорово набрался. Пока в кабаке сидел — вроде все трезвый был, а как вышел… Пьянь и визуальная наркоманка — сладкая парочка получилась.

Еще сидя за столиком в кафе напротив, Кирилл приметил одинокую хрупкую фигурку, достал сотовый и набрал номер, но в конце улицы замаячила компания подростков, как будто бы тоже глазевшая на витрины. Один из парней махнул в сторону девушки рукой, Кирилл тихо сказал диспетчеру: «Только медицинскую группу, я ее уже беру», заплатил по счету и выскочил на улицу.

— Посмотри на меня! — исправился Кирилл, но было поздно. Взгляд девушки тут же ушел куда-то вбок, и она стала медленно разворачиваться от него к волшебной витрине магазина, нервно вздрагивая и покусывая нижниюю губу, с которой потекла густая слюна. На такие случаи у сотрудников «Рубикона» имелось спецоборудование, но Кирилл не таскал его с собой круглосуточно. И кроме того, визуальные приманки — это для законченных наркоманов, а перед ним — натуральная заблудшая душа. Ей и лечения-то никакого не понадобится. Поговорит пару раз с психологом, неделю понаблюдается и больше никогда не вспомнит о том, что случилось, если снова не влюбится в какого-нибудь полудурка.

Вот если бы он знал имя! Имя иногда решает полдела, но увы. Вводную информацию на случайную клиентку ему никто бы не предоставил, а обыскивать подопечную, на глазах у всей улицы копаться в ее сумочке и выворачивать карманы в поисках документов — это слишком даже для такой человеколюбивой натуры, как Кирилл Гольцов.

— Фейерверк! — страстно шепнул он в маленькое ухо с бусинками и развернул ее к себе за плечи. — Любишь фейерверк, детка?

По лицу девочки, перечеркнутому тонкими мокрыми прядями волос, прошла судорога. Да, она любила фейерверк! Сейчас она любила его больше всего на свете, больше жизни, наверное. Она сладко застонала и закатила глаза.

— Цветы в небе, — прошептала она и доверчиво положила голову на плечо незнакомому мужчине, — фиалки…

— И розы, и магнолии! — он провел рукой по девичьей щеке, холодной и бледной как мрамор. Никакой реакции на прикосновение, естественно, не последовало. — Пойдем со мной, все увидишь. Я покажу тебе цветное небо.

— Цветное небо… — еле слышно повторяла девушка, запинаясь, шагая с ним в обнимку к подъехавшей машине. —

Только не красное, — попросила она, когда Кирилл уже открывал дверь, — красное — страшно.

— Хорошо, дорогая, — легко согласился Кирилл.

Ленька Дашкевич уже втаскивал пассажирку в минивэн, изнутри больше напоминавший скорую помощь.

— Привет, Кир! Где ты ее нашел?

— На улице.

— Оно и видно. Мокрая вся, грязная.

Кирилл уселся на сиденье рядом с водителем.

— Здорово, Кирилл Владимирович. Давненько вместе не работали.

— Привет, Иваныч.

Машина тронулась, закачались игральные кости над лобовым стеклом. С тихим шелестом ритмично заходили дворники. Город за окном поплыл, отражаясь в мокром асфальте.

— Кирилл Владимирович! — раздался сзади требовательный голос нарколога Марии Ивановны.

Хорошая сегодня бригада. Повезло девочке.

— Шок, — сказал Кирилл, — на визуалку со стажем не тянет. Са-авсем не тянет. Видимо, попробовала один раз по глупости, а сейчас рефлексирует. Огоньки-фонарики и все такое, — растягивая слова, пояснил он. — Так, чтобы специально подсадили, — непохоже. Доход не тот. Какой-нибудь элитный мальчик развлекался, наверное…

— Кирюша, что с тобой? — почти сердито спросила из-за спины Мария Ивановна. — Мне твои версии не нужны, оперативникам рассказывай. На талисман переключал?

— Нет. Так уговорил. На фейерверк пошли смотреть. Красное небо… гадость какая, — пробормотал он. — Останови машину, Иваныч, тошнит…

Вслед за коротким визгом тормозов Кирилл вывалился в открытую переднюю дверь на газон.

— Пьяный он вдребезину, — через плечо пояснил водитель. — Давай до дома подбросим, Мариванна. Уснет еще где-нибудь на улице… Как там клиентка, позволяет?

— Да клиентка-то позволяет, — вздохнула Мария Ивановна. — Спроси, он на смене, нет? Может, прокапать?

Водитель повторил вопрос в открытое пассажирское стекло машины. Кирилл, который уже разогнулся и держался рукой за мокрую от дождя дверь, отрицательно качнул головой.

— Ну так залезайте, Кирилл Владимирыч, таксомотор ждет! — поторопил Иваныч.

Утро встретило Кирилла все тем же мелким дождем.

Казалось, он с ночи подкарауливал свою жертву, затаившись где-то над крышами. В такой серости и нормальному-то человеку ярких красок захочется. Неудивительно, что у визуалов сезонные обострения. Аудиалам они еще только предстоят. Как только первый снег укроет землю и они временно оглохнут.

Брошенная вчера прямо у подъезда «тойота» радостно квакнула хозяину, открывая салон. Кирилл включил кондиционер и, стянув плащ, бросил его на заднее сиденье. Водительское стекло сразу же запотело и теперь медленно прояснялось под потоками теплого воздуха. Это плохо. Это значит, что, как советовали в какой-то дурацкой старой оперетте, нельзя приближаться к начальству ближе, чем на шесть с половиной шагов. А ведь пил вчера в хорошем месте дорогую водку… правда, доза великовата оказалось для его непривычного организма, но с постели этот самый организм встал вполне работоспособным. И меньше чем через час, выбравшись из автомобильных пробок, Кирилл Гольцов прибыл к рабочему месту.

Психологический центр «Рубикон» занимал трехэтажную пристройку к спортивно-развлекательному комплексу и с виду выглядел не очень внушительно. Даже надпись «Филиал в г. Ливаровске», расположившаяся под вывеской, не всегда спасала положение. А вот то, что на входе стоял турникет и дежурил охранник, сразу же вызывало доверие у состоятельных клиентов. Хотя с точки зрения психологии — наоборот, должно было повышать тревожность. Кирилл на секунду заскочил в кабинет бросить плащ и тут же помчался на утренний развод. Начальство в лице директора центра Геннадия Викторович Разумовского сухо кивнуло едва не опоздавшему сотруднику.

— Доброе утро всем. Осень наступила, — объявил шеф.

Судя по объему работ, осень в этом году наступила очень резво. Филиал переходил на круглосуточный режим работы уже в конце сентября. Обязательный «разбор полетов» Кирилл не то чтобы совсем проспал, но если бы его кто спросил, о чем только что шла речь, вряд ли он смог бы вразумительно ответить. Наконец Разумовский отпустил всех и оставил только отдел индивидуальной коррекции, насчитывающий в своем составе восемь человек, включая Кирилла.

— Ну что же вы, господа, поближе пересаживайтесь. Разговор нам предстоит серьезный, — сказал Геннадий Викторович в опустевший зал.

«Летучая мышь, — вспомнил Кирилл название оперетты, — шесть с половиной шагов. И жвачку. С ментолом надо было!» —

мысленно сокрушался он, перебираясь на первый ряд кресел актового зала.

— Вы заглядываете на местные форумы, друзья мои?

— Конечно, Геннадий Викторович! — ответила Марта — высокая крашеная блондинка, которая на первый взгляд не производила впечатления специалиста не только в криминальной психологии, но и вообще ни в одной из сфер человеческой деятельности, кроме разве что сексуальных утех. В тех случаях, когда никто еще не понимал, куда клонит начальство, но все чувствовали, что предстоит неприятный разговор, Марта всегда принимала удар на себя. Реализовывала неугасимое желание любой ценой оказываться в центре внимания.

— Но о нашем центре там за вчерашний день информации нет! — Марта простодушно похлопала синими глазами с длинными ресницами. — У меня поиск всю ночь работал.

— Зато есть информация о нашем сотруднике, Марта Валентиновна. Душераздирающий пост о том, как какой-то мужик на глазах у всей «пешеходки» снял малолетку и затолкал ее в подъехавший джип. Кирилл Владимирович, вчера ваша смена во сколько закончилась?

— В 18.00, — чуть хрипло пояснил Кирилл.

— А почему в 21.45 вы вызывали на себя не дежурный экипаж, а медиков?

Коллеги удивленно переглянулись.

— Я… действительно обнаружил на улице девушку в состоянии постнаркотического шока… — откашлявшись, начал Кирилл.

— Вот это и называется медвежья услуга… — Разумовский побарабанил пальцами по столу. — Вы поставили под угрозу деятельность всей службы. Смею вам напомнить, что психолог — не врач. За неоказание помощи больному его никто не посадит. А вот за совращение малолетних — вполне. Что это был за демарш, Кирилл Владимирович? Разве кто-то ставил вам вчера задачу работать на улицах? Да еще *так* работать… В патруль хотите?

— А я не считаю психологов, работающих в составе патрулей, низшей кастой. Я сам там два года отработал! — неожиданно для себя самого огрызнулся Кирилл.

— Превосходно, — нарочито спокойно ответил шеф, — Марта Валентиновна, я попрошу вас оказать коллеге психологическую помощь. Вводная будет у вас в кабинете. Один час. Затем оба приступаете к работе. Данные на клиентов получите в 10.30. Перед тем как приступить к изучению личных дел, внимательно перечитайте устав нашего подразделения. Это уже касается всех, — Разумовский повысил голос. — Вы слышали, что патрули

перешли на круглосуточный график? Нас ждет большой объем работы. Скорее всего, даже в вашем отделе этой осенью правило «один агент — один клиент» не сработает. Готовьтесь, коллеги. Все свободны.

Разумовский встал. Приглушенно захлопали поднимающиеся сиденья, помещение наполнилось шорохом и рабочим гулом голосов.

— Пойдем, Кирюшенька, поболтаем, — сказала Марта, положила руку ему на плечо и заглянула прямо в зрачки.

Кукольно-синие глаза на секунду превратились в два бездонных озера. «Интересно, сколько все-таки ей лет?» — подумал Кирилл. Когда он пришел в «Рубикон», то сразу определил для себя Марту как женщину без возраста. И без IQ.

Первое впечатление оказалось верным. Марта, конечно, была не дурочка, но проигрывала по этому показателю всем коллегам без исключения. Выбор начальства, включившего Марту Валентиновну в группу индивидуальной коррекции, долгое время оставался для Кирилла Гольцова настоящей загадкой. Пока до него не дошло, что Разумовский держал ее здесь отнюдь не за эйнштейновский ум.

В Марте жило первозданное материнство. Она была воплощенным в женщине символом матриархата. Стоило ей взять жертву под локоток — и сопротивляться всепобеждающему обаянию и какой-то первобытной силе, исходящей от этой женщины, даже пытаться не стоило. Рука Марты как бы невзначай скользнула с плеча Кирилла на грудь, задержалась там на секунду и… «Как она это делает»? — подумал Кирилл, у которого теплый отпечаток женской руки горел где-то в области грудины. Марта уже подхватила с подлокотника соседнего кресла папку и прошла вперед. Она безумно любила короткие юбки. К коротким юбкам, кроме блузок и кофточек, как правило прилагался пиджак, не застегивавшийся на роскошной груди. Да и на менее роскошной талии тоже не застегивавшийся. Разве что на одну пуговицу — среднюю, и то только до обеда.

— Ну что, музыку включим? — обворожительно улыбнулась Марта, открыв свой кабинет и перешагнув порог.

— Нет! — Кирилл спохватился и понизил голос. — Не надо. Так поговорим.

— Тогда садись на мое место, за стол, а я кофе сварю.

Музыки Гольцов давеча наслушался на работе до одури. Она непрерывно лилась из приманки, подстраиваясь под тембр его голоса. Кстати, наркологи, у которых жаргонное словечко «приманка» никак не увязывалось с понятием врачебной этики, упорно называли генератор помех талисманом.

Из восьми сотрудников Отдела индивидуальной коррекции музыкальным слухом и приятным голосом обладали все восемь. Это было одним из обязательных условий. Но играл вместе с Санькой Седловым на студенческих вечерах только его бывший однокурсник Кирилл Гольцов. Клиент Саша был аудиалом и воспринимал мир скорее в звучании, чем в красках и ощущениях, на чем и погорел. К тому времени, когда Кирилл и два оперативника вошли в квартиру, Саша с воткнутым в уши плеером сидел у себя дома в полной отключке, смотрел перед собой невидящими глазами и готов был уже скончаться от передоза звукового наркотика, который сладким ядом капал и капал в уши музыканта. Кирилл провозился с Санькой несколько часов, прежде чем с рук на руки передал бригаде наркологов. Оперативники занялись плеером. Клиентов обычно программировали на повторный добровольный визит, и Кирилл даже думать не хотел о том, что будет врать Саньке Седлову в глаза, когда тот неожиданно для себя запишется к нему на прием через несколько дней.

Кирилл стряхнул неприятные воспоминания и поднял глаза. А Марта-то его спровоцировала!

— Ты получила вводную на меня еще вчера, Марта? — спросил он.

— Ну конечно, — тут же подтвердила она, — какой ты… Взял и сразу догадался! Но все равно, Кирюшенька, ум чувствам не помеха.

Марта уже колдовала около кофеварки, аппарат шипел и булькал, распространяя по кабинету дразнящий запах.

— Мне Разумовский вчера около одиннадцати позвонил и все по электронке сбросил. Переживаешь? — доверчиво спросила она и поставила на стол кружку кофе. — Пей. Очень вкусный: сладкий и много сливок. М-м-м… — она облизнулась и мечтательно подняла глаза к потолку, как будто там был написан благословенный рецепт приготовления этого божественного напитка. Кирилл терпеть не мог сладкий кофе. Он всегда пил его без молока. И уж тем более без сливок. Но от того, как Марта облизнулась, ему вдруг ужасно захотелось горячего, тягуче-сладкого и жирного месива, которое она называла «кофе». Он протянул руку. Он почти вожделел эту гадость. Вот… В этом вся Марта.

— А ты как думаешь? — риторически спросил Кирилл и с неподдельным удовольствием отхлебнул из кружки. — Мы ж с ним вместе учились.

— А ты не переживай, — посоветовала Марта. — Что он тебе: кум, сват, брат? Мало ли кто с кем девчонок в институте на

гитарные переборы подманивал.

Кирилл невольно улыбнулся и сделал еще глоток. Здесь, в кабинете у Марты, все еще ощущая на груди тепло женской руки, он мог выхлебать содержимое кружки целиком и добавки попросить.

— Ищи причину. Ты же психолог, — вдруг серьезно сказала Марта, — тебя вчера на утреннем разводе не узнать было. И совсем тут дело не в твоем музыканте, на которого ты вводную позже прочитал! И девочка эта… Ну чего ты к ней полез пьяный? Приехала бы бригада, увезла незаметно.

— Марусь, она там два часа стояла! Под дождем. Одна на пешеходке. Парни какие-то рядом терлись. Если бы я чуть раньше внимание обратил…

— Кирюш! — чуть поморщившись, перебила собеседница. — Тебе кофе не нравится?

— Очень нравится, Марта, — серьезно сказал Кирилл.

— Тогда почему ты меня совсем не слушаешь? Я так старалась! Ищи причину. Мне можешь не говорить. Для себя хотя бы найди, договорились?

Марта приблизилась, уселась в кресло для клиентов и навалилась грудью на стол:

— Какой ты, Кирилл, все-таки симпатичный, — игриво протянула она, подперев щеку одной рукой, а другой поправляя бретельку лифчика прямо сквозь ткань блузки. — Все четыре года, что ты здесь работаешь, я думаю: закрутить с тобой служебный роман или нет…

Она так и сказала: «Я думаю». Мнение второй стороны не принималось в расчет. К чему затрачивать лишние усилия, когда она в любой момент могла подать себя любому мужчине, как кружку сладкого кофе со сливками, будь этот мужчина хоть трижды психолог, гипнолог и кандидат наук. Что может противопоставить он первобытной магии? У природы женское начало — так мир устроен.

— Марта, сколько клиентов ты позавчера отработала? — спросил Кирилл.

— Штук пять, наверное, — Марта задумчиво накручивала на палец белокурый локон, — да. Точно пять.

— Нас надо рассекретить, — сказал Кирилл.

— Что-о? — переспросила Марта и выпрямилась.

— Это причина, — пояснил он, — ты же сама сказала: ищи причину. За четыре года отдел разросся до восьми человек, перешел на круглосуточный график, а статистика все равно отрицательная. Количество клиентов растет. Мы работаем вхолостую. Нужно предать все это огласке, к чертовой матери!

Нужна какая-то государственная программа…

— Да мы и есть государственная программа! — перебила его Марта. — О наркотиках знали все и всегда. Сколько с ними боролись в открытую, и что? — она выпрямилась. — Ничего. Пока не разработали универсальный наноблок и не начали поголовные принудительные прививки, ни одна государственная программа с ними не справилась. Даже в Германии попытки легализовать их ни к чему не привели!

— В Голландии, — машинально поправил Кирилл.

— Кирюш, — Марта вздохнула, — у тебя горе от ума. Есть такое хорошее житейское правило: живи одним днем.

— Советуешь? — улыбнулся Кирилл.

— Советую, — решительно подтвердила Марта.

— А это против правил!

— А я знаю!

— Фу, какая ты непрофессиональная, Марусечка, — фыркнул Кирилл, — разве психолог имеет право давать прямые советы клиентам?

— Во-первых, все мы тут уже давным-давно непонятно кто: то ли психологи, то ли спецагенты. А во-вторых, лично я своим — всегда даю. Только Разумовскому не говори, а то я тебя вкусным кофием больше поить не буду, — и она лукаво подмигнула синим глазом.

Кирилл вышел в коридор, зашел к себе, включил компьютер и сообразил, что все еще улыбается. Психологическую помощь ему все-таки оказали, но пить теперь хотелось еще сильнее, чем на утреннем разводе. «Спецагент, — хмыкнул он про себя, запивая кофе минералкой, — да уж». Спецагентом Кирилл Владимирович Гольцов мечтал стать разве что в раннем детстве. Но детство кончилось, Гольцов, насмотревшись на отца и убоявшись участи инженера, поступил на факультет психологии местного университета и с головой окунулся в студенческую жизнь. Диплом был уже на носу, а Кирилл еще и не начинал задумываться о жизненных перспективах и потому имел все шансы устроиться на работу в сто двадцать последнюю школу Заречного района, если бы однажды вечером не пил пиво в хорошей компании. Большинство в ней составляли именно психологи — будущие и настоящие — и всяческие прочие гуманитарии. Был даже один настоящий поэт — лысый и бородатый дядька в неопрятном свитере, но он быстро напился и прилег в углу на диванчике. Если он какие стихи и читал — то Кирилл этот знаковый момент пропустил, потому что целовался на балконе с Лизкой Лебедевой. Когда они вернулись в комнату, кто-то включил телевизор. Дело было накануне выборов, и в

ящике наперебой рекламировали себя и свои партии серьезные люди с серьезными деньгами, вложенными в рекламную кампанию. Разговор завела Лизка, в прошлом году закончившая факультет «Реклама и коммуникации». Раскрасневшаяся от поцелуев, ужасно красивая и вдохновенная, она принялась блистать знаниями, комментируя все ошибки политтехнологов, какие только смогла найти в роликах: от точки съемки до сочетания цвета галстука с цветом рубашки кандидата. Кирилл, тоже раскрасневшийся от поцелуев, не мог уступить ей пальму первенства. Мысленно он уже лежал с гражданкой Лебедевой в постели, и кто тут главный, для него даже вопроса не вставало. А потому он в ответ разнес ролик с точки зрения использования манипулятивных технологий, тем самым отодвинув рекламу и все, что с ней связано, на второй план. Спорили до тех пор, пока Кирилл не составил объективный портрет личности и на пальцах не объяснил всем присутствующим, что за человек перед ними находится и как и на чем его могут подловить проклятые конкуренты, если только захотят. И никакой рекламный плакат или слоган тут не поможет. Лизка Лебедева обиженно замолчала, надула губки и отдалась ему вся без остатка. Но сначала к Кириллу подошел невзрачный парень и вручил визитку «Рубикона».

— Тут у нас в городе новый центр открывается, — сказал он, — если интересно — сходи на собеседование.

Парня этого Кирилл в жизни больше не видел — и первые полгода был твердо уверен, что работает в самом обычном психологическом центре, пока Разумовский постепенно не ввел его в курс дела и лично не провел экскурсию по гаражу и двум подземным этажам здания. У Кирилла захватило дух от всего сразу: неожиданности открытия, крутизны заведения и великой цели, ради которой оно создано, и еще через некоторое время он поехал на специализацию в Москву. Здесь-то он и узнал, сколь призрачной была победа над наркотиками, помпезно отмечавшаяся десятый год подряд в день принятия закона «О всеобщей принудительной иммунизации населения Российской Федерации антинаркотической вакциной наноблок».

Население, которое так старательно пытались защитить власти, в первые же часы после правительственного заявления разграбило все табачные и пивные ларьки и мелкие магазинчики. У крупных супермаркетов заранее выставили наряды милиции. В последующие месяцы разразился экономический кризис и настоящий алкогольный бум с погромами, очередями и массовыми попойками, потому что поползли слухи, что блок работает и против водки тоже, но довольно быстро выяснилось,

что с водкой все в порядке, и страсти постепенно улеглись.

Тем не менее сосед Кирилла дядя Коля, живший на первом этаже и вечно стрелявший пятнашку на боярышник («Дело-то, вишь, не к молодости. В аптеку пошел, а денег нет! Слышь, Владимирыч, ты того, выручи, а?»), вдруг женился на работнице шоферской столовой того автопарка, где когда-то работал слесарем, пока его не выгнали за пьянку. На вопрос: «Как же это ты, дядя Коля, отважился?» — он философски заметил: «Ну если не водка, то хоть баба! Слышь, Владимирыч, а ты того, часом не знаешь, какие документы на биржу нужны»? Кирилл решил для себя, что это все-таки совпадение, потому как сам он состояние алкогольного опьянения испытывал неоднократно. Этот факт после разговора с дядей Колей гражданин Гольцов специально проверял, никаких несоответствий не выявил, но отметил, что порядка на улицах стало больше, а алкашей меньше. Впрочем, чего не померещится выпившему человеку. Кому как не психологу знать, как искажается мировосприятие…

Из Москвы Кирилл тогда вернулся тихий и задумчивый. Раньше он никогда и не слыхивал о таком понятии, как «спрос на зависимость». А спрос этот мало того что в обществе был, он еще и десятикратно возрос. После принятия закона специально созданные комиссии не переставая боролись сначала с казино, потом с видеоигроманией, потом — с экстремальным спортом и адреналиновой зависимостью, сектантством, нимфоманией и так до бесконечности, но все это были цветочки, до тех пор пока один из российских наркобаронов всерьез не задумался, что масштаб не тот и нужен другой подход. Он-то и заменил на службе у наркомафии науку химическую на науку психологическую вкупе с высокими технологиями. И в первый же год получил такую прибыль, что убить его пытались раз двадцать, и в конце концов убили и даже пышные похороны организовали, после чего бизнес завертелся с субсветовой скоростью. Теперь «психологическая» наркомания постепенно сползала из богатых слоев общества в средний класс и сдавала свои позиции «элитарного развлечения». И Кирилл последнее время все чаще чувствовал себя героем дешевого приключенческого романа, который отбивается от врагов на узкой винтовой лестнице замка, постепенно отступая ступень за ступенью. И когда он дойдет до самого верха, ему останется только сигануть со сторожевой башни вниз головой.

— Здравствуйте, Кирилл Владимирович. Это Порубов. Группа готова.

— Привет, Олег. Ты тоже на сутки? — очнулся Кирилл и торопливо дернул мышкой, прогнав заставку. Он забыл о вводной на клиента, едва успев прочитать несколько первых строчек.

Кирилл торопливо глотал куски информации.

«Таисия Петровна Торопова. 38 лет. Домохозяйка. Образование среднее специальное — Торговый техникум. Замужем. Муж… — абзац прыгнул вверх. — Черт, кто там у нас муж? Ладно, не важно. Муж с деньгами, понятное дело».

— Нет. Я до 15.00. У меня со вчерашнего дня сутки. Дальше с вами Влад Немцов.

«Так-так… увлекалась рисованием. Ага! Художественную школу не закончила. Платная студия дизайна одежды… Не закончила. Ясно с тобой все, подруга».

— План действий, адрес? — спросил Кирилл.

— Все есть. Медгруппа на связи. Только вас ждем.

— Отлично. Я спускаюсь.

Кирилл рывком открыл ящик стола, схватил плеер, наладонник и черный блестящий диск на цепочке. Рассовав плеер с наладонником по карманам, он закрыл кабинет, засунул болтавшийся на шее диск под дорогую рубашку и торопливо сбежал вниз по лестнице, затягивая узел галстука. Одну из пуговиц рубашки Кирилл на работе не застегивал никогда. И достаточно было запустить руку под пиджак, как медальон тут же привычно прыгал в ладонь, на прикосновение срабатывал замок цепочки, и приманка оказывалась в руках. За эту приверженность традициям оперативники иногда за глаза называли Гольцова Магистром. Кличка Кирилла вполне устраивала. Марту, например, еще не так называли: черный диск визуальной приманки у нее был вмонтирован в пудреницу.

В гараже стоял под парами обычный милицейский уазик с мигалкой. Порубов был в штатском. А водитель и его помощник — в милицейской форме. Брови Кирилла в изумлении поползли верх.

— Это еще что такое?!

— Чудеса маскировки, Кирилл Владимирович, — усмехнулся Порубов, — садитесь. Это, конечно, не наш минивэн, но доедем, ручаюсь!

— Олег, мне это точно не мерещится? — спросил Кирилл, устраиваясь на переднем сиденье.

— Точно.

— Тогда рассказывай.

— Рассказываю. Это не наша разработка, Кирилл Владимирович. Кража со взломом там была, у этой самой Тороповой. Парень в форточку залез, пошел по квартире, а хозяйка-то дома! Ну тот струхнул — и обратно в окно. С пригорода парнишка, неопытный. А там внизу как раз менты проходили. Он от них, они — за ним. Поймали, а он в шоке,

трясется весь и небылицы им плетет. Говорит: хозяйка квартиры — ведьма, голая по квартире на крыльях, как у бабочки, летает, еле ноги унес. Заявления от нее так и не дождались, а менты парня взяли только потому, что он от них побежал. Из какого окна вылез — никто не видел. Адрес он сам назвал, вещей никаких краденых при нем нет: десять рублей и дырка в кармане. Решили, что псих, и отпустили. Но кто-то из руководства нашему начальству догадался позвонить. И мы теперь туда едем как бы на кражу со взломом. Как бы из райотдела.

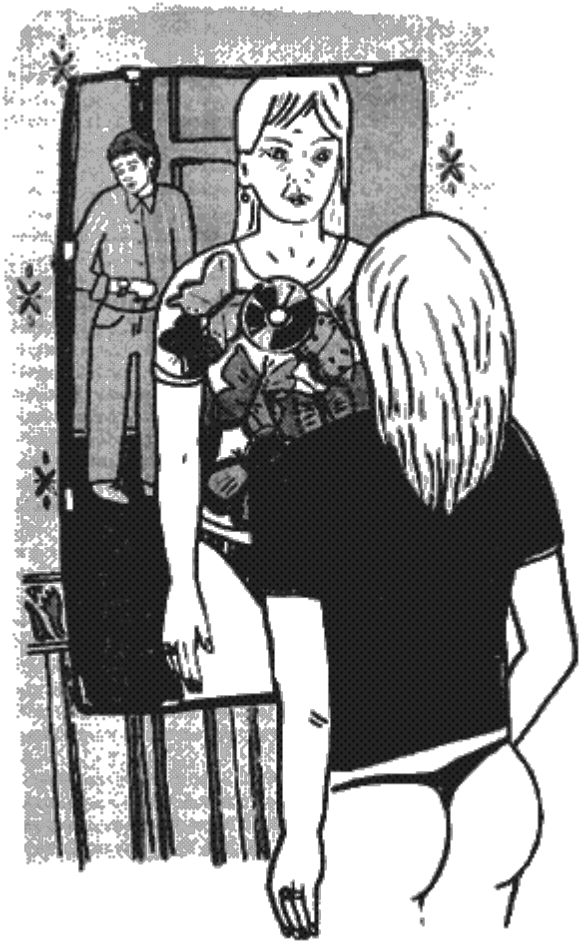
Кирилл присвистнул. С таким поворотом событий он еще ни разу не сталкивался. И это было второе случайное обнаружение клиента меньше чем за сутки. А Разумовский еще о каких-то показателях говорил с утра. Где те показатели, когда тут форменная чума на улицах!

— А я тогда кто? — спросил он.

— Да хоть кто… Эксперт, — предложил Порубов.

— Пойдет, — кивнул Кирилл.

Через пятнадцать минут он уже поднимался по пустому подъезду девятиэтажки. Консьерж на входе что-то пролепетал относительно того, что квартиры все под сигнализацией, вневедомственная не приезжала, а мимо него посторонние не проходили, но спорить с представителями власти не посмел и, встретившись с тяжелым взглядом Порубова, ткнувшего ему в нос удостоверение, охотно остался на посту. Квартиру открыли быстро и бесшумно. Оперативники привычно замерли у входной двери. Гольцов, оценив евроремонт как «видали и покруче», пересек прихожую, заглянул в гостиную и остановился на пороге спальни. Пахло как в туалете. Не в общественном, конечно, но все же… Таисия Петровна стояла перед зеркалом в стрингах и футболочке. Неопытному глазу могло показаться, что стояла совершенно неподвижно, но Кирилл знал, что если поставить камеру на сутки, а потом прокрутить запись в ускоренном темпе, будет заметно, как женщина поворачивается перед зеркалом и медленно моргает.



— Хорошо выглядишь, Таисия Петровна, для своих тридцати восьми, — вслух сказал Кирилл, уставившись на подтянутые загорелые ягодицы с едва наметившимися признаками целлюлита.

— Олег, тут надолго, передоз! — крикнул он в коридор. — Родственнички не нагрянут?

— Нет. Муж в Москве, сын в Европе, — отозвался Порубов.

— Хорошо. В спальню не входить. При осмотре квартиры — особое внимание на одежду. У нас «статуэтка». Визуалка.

— Ясно, Кирилл Владимирович.

Кирилл обошел замершую женщину, выудил из-за пазухи диск, прилепил на зеркало, немного опустил вниз и проверил направление взгляда подопечной. На футболке переливались красками разноцветные бабочки. Как живые. Просто чудо, а не бабочки, особенно если учесть, что в каждую встроен микрочип,

действующий на зрительный нерв. И другой микрочип, действующий непосредственно на зону коры головного мозга, отвечающую за обработку зрительной информации. И еще один… А может, и с десяток вспомогательных. Диск на зеркале просветлел и замигал цветными сигналами в вводном режиме. Кирилл взглянул на часы, снял пиджак, вынул из карманов наладонник и плеер, бросил все это вместе с галстуком на двуспальную кровать, застеленную блестящим парчовым покрывалом, и приоткрыл окно.

«Как же тебя мама называла: Ася, Тася или Тая? Вечно у меня проблема с именами»!

— Тася, — наугад позвал он, — ты только посмотри, какие у бабочек крылья!

Еще минут двадцать пять он нес восторженным голосом чушь про бабочек, описывая каждую блестящую чешуйку и каждый блик света, преломлявшегося в них. И к моменту, когда на приманке ритмично замелькали по кругу краски спектра, Таисия Петровна начала медленно прикрывать глаза в знак согласия на каждую его фразу.

— Красный! — сказал Кирилл, который стоял перед клиенткой, прислонившись спиной к зеркалу. Приманка за правым плечом превратилась в рубиновый пылающий глаз. Таисия Петровна еле заметно дрогнула. Реакция на слова есть. Но пока — это только реакция на те слова, которые описывают все, что связано непосредственно со зрением. Если бы Кирилл сейчас сказал ей слово «мелодия», на которое позавчера повелся Сашка Седлов, реакции бы никакой не последовало. Но, как говорится, процесс пошел. Его слышат, пройдет еще полчаса, и, даст бог, с ним заговорят.

— Желтый!

На зеркале зажглось маленькое солнце.

И так по кругу, до бесконечности, о каждом цвете, с примерами, доступными полуотключенному сознанию клиентки, пока что-то ее не зацепит и не выдернет из забытья.

Порубов молча возник на пороге. Кирилл, не прерывая разговора, показал ему большой палец. «Все в порядке, один час». Оперативник исчез, Кирилл услышал, как он бубнит в коридоре, вызывая к этому времени врачебную бригаду. Раньше — не имеет смысла. Когда «Рубикон» только-только создавался, тактика была именно такой: сначала нарколог с капельницами, все остальные потом. Получив на выходе нескольких законченных идиотов, руководство уверовало, что старые методики неприменимы в борьбе с новым врагом, и сменило тактику. И Кирилл с коллегами и ребятами из отряда особого назначения оказался на

передовой.

Они с Тасей придумали уже целую коллекцию женской одежды и даже остановили свой выбор на нескольких известных манекенщицах, которые будут ее демонстрировать в Париже, когда Таисия Петровна Торопова призналась, что очень устала, извинилась перед Кириллом Владимировичем и вдруг ошалело обвела глазами комнату. Ее затрясло, лицо исказила гримаса ужаса, ноги подкосились, и, подхваченная сзади фельдшером, она повалилась на кровать.

— Майку мне! — Олег Порубов ворвался в комнату. — Майку не рвать!

— Ты чего, Олег? — спросил фельдшер, кивнув на цветной комочек ткани, валявшийся на полу. — Забирай.

— Знаю я вас, — пробурчал Порубов, — навтыкаете капельниц так, что потом вещдок не снять, только резать.

Кирилл снял с зеркала приманку, сжал в руке и отошел к окну. Открыв раму во всю ширь, он высунул голову под дождь.

— Кирилл Владимирович, поехали! — донеслось из коридора.

Гольцов молча надел галстук, пиджак, рассовал приманки по карманам и аккуратно притворил окно. Заставить себя посмотреться в это зеркало он даже и не думал: пригладил руками влажные волосы и шагнул на лестничную клетку вслед за Олегом. Через несколько минут Тася очнется, выслушает историю о том, как вызвала «скорую», успела открыть дверь и упала в обморок. На следующий день она наверняка побежит к семейному врачу, который не найдет никакой патологии, а еще через несколько дней придет к Кириллу в психологический центр «Рубикон».

— Куда теперь? — спросил Кирилл, снова усаживаясь на сиденье уазика.

— В магазин, Кирилл Владимирович, — усмехнулся Олег, — подождете пять минут? Я проверю, чтоб машину два раза не гонять…

— Конечно.

— Магазинчик в нашей базе уже один раз светился, но тогда ничего не нашли. Проедь вперед до поворота, — бросил он водителю у невзрачного подвальчика с надписью «Косметика. Парфюмерия. Одежда».

— Я быстро.

Олег переложил считывающее устройство, замаскированное под сотовый телефон, в нагрудный карман куртки и выскочил из машины. Его помощник на заднем сиденье развернул анализатор, похожий на громоздкий ноутбук. Кирилл запросил у диспетчера

новый адрес и получил приглашение вернуться в офис. В городе пока было спокойно, но, судя по тому, как началась смена, ничего хорошего ближе к ночи ждать не приходилось. Оперативники обязательно что-нибудь накопают.

«А воришка-то ярко выраженный визуал, — подумал Гольцов. — Похлеще, чем наша Тася. Что он там видел? Отражение рисунка футболки в зеркале и полуголую тетку, столбом застывшую посреди спальни. А ментам рассказывал, что она, как бабочка, по квартире летает. Это его с отражения так вставило… Ни хрена ж себе! С фантазией парнишка. Если б он из своего пригорода — да прямиком в модельный бизнес… Получился бы второй Армани. Ну или в кино, на худой конец. Спилбергом быть, наверное, тоже не так плохо… Лишь бы тебя, парень, поставщик раньше не нашел. Вот уж точно, бедность — не порок».

Кирилл составил отчет, пообедал, потрепался с Надеждой — второй женщиной в их отделе индивидуальной коррекции. Надежда была полной противоположностью Марте, терпеть ее не могла и считала пустышкой, а сама смахивала на ученую газель. Вся такая подтянутая, гибкая, стройная, всегда в брючном костюме — не подойдешь, всегда в курсе всех текущих дел — не придерешься, но как взглянет своими миндалевидными глазами — все! Газель! И голова начинает кружиться. Надежда работала сегодня в дневную смену. На ночь Кирилл оставался с Игорем Залесским, который возился с кем-то в городе уже третий час. Игоря Кирилл недолюбливал за заносчивость. А вернее — за свое собственное неумение держаться с ним на равных. Игорь пришел с кафедры психологии местного университета, был на несколько лет старше Кирилла, и эту пропасть Гольцов преодолеть никак не мог. Но, к счастью, на суточном дежурстве напарники зачастую совсем не встречались.

Когда в дверь настойчиво постучали, Гольцов сыто дремал в кресле у себя в кабинете.

— Да-да, — сонно отозвался он, протирая глаза.

— Здорово, Кирилл.

— Привет. Ты сегодня с нами в ночное?

На пороге стоял оперативник Владислав Немцов — высокий темноволосый парень, в которого, говорят, как-то влюбилась сама Марта Валентиновна! У Кирилла Влад ассоциировался с холодным оружием, сочетающим в себе изящество и смерть. Глядя на Немцова, Кирилл начинал верить в переселение душ и в вечную жизнь на Земле как в череду бесконечных воплощений. Влад легко вписывался в любой исторический антураж, ибо во все века и времена встречались ребята отчаянные и склонные к

авантюрам. Рыцарские доспехи смотрелись бы на нем ничуть не хуже комбинезона покорителя космоса из далекого будущего. А слава бретера во времена какого-нибудь из Людовиков бежала бы впереди него. И в двадцать первом веке Влад не изменил себе и, конечно, не ужился в структуре МВД. Вряд ли он это осознавал, но «Рубикон» был его призванием и последним пристанищем. На профессиональный взгляд Гольцова — Влад еще и страдал легкой формой адреналиновой зависимости. Ему ничего не стоило рвануть в выходные в столицу и сигануть с парашютом с Москва-сити или махнуть в отпуск на Алтай на электричках — вроде бы как в целях экономии. Но судя по тому, как в прошлом году, вернувшись из подобного путешествия, он попросил у Кирилла денег до получки, — об экономии Немцов имел некое сугубо индивидуальное представление.

— Пошел бы в дежурку, прилег как человек, — посоветовал Влад.

— Да рано еще, — Кирилл зевнул, — это я так, после обеда расслабился. А ты чего хотел?

— Посоветоваться, — серьезно сказал Немцов и протянул флэшку.

Кирилл мельком взглянул в компьютер, где вечно гонялась в Интернете за всем подозрительным поисковая система «Рубикона», и, не заметив ничего, заслуживающего внимания, воткнул флэш-карту.

— Я тут вчера в театр ходил, — начал Немцов, и Кирилл чуть со стула не упал.

— Куда-а?!

Влад Немцов загадочно улыбнулся.

— Не куда, а с кем! В театр, — повторил он, — но щас не об этом. Гляди. Тебе не кажется странным это объявление?

Все еще улыбаясь, Кирилл перевел взгляд на фотографию афиши, появившуюся на дисплее.

— Экспериментальная студия представляет, — вслух прочитал он мелкий шрифт в правом верхнем углу афиши, — симфония «Театр прикосновений». Начало в 21.00.

Эта надпись была крупной. По краю плаката шел замысловатый узор из переплетенных человеческих рук на манер рисунков Эшера.

— А это что? — Кирилл увеличил изображение, вглядываясь в овальный предмет, похожий на коробку из-под леденцов, прикрепленную в самом низу афиши.

— Догадайся, — сказал Влад.

— Динамик!

Немцов кивнул.

— Я на сотовый снимал, качество так себе, — пояснил он. — Афишка висит в уголке, чуть больше альбомного листа. Ни состава актеров, ничего. Когда подходишь — играет тихая музыка.

Кирилл сел прямо и оглянулся на стоявшего за плечом оперативника.

— Симфония — звук, театр — зрелище, прикосновения — ощущения, — констатировал он. — Все три модальности задействованы. Ты думаешь, калибровка?

— Я осторожно поинтересовался, нельзя ли нам с подругой… Нельзя! Все билеты уже проданы. Малый зал, экспериментальный проект. Вот так-то. И я думаю, это — не просто калибровка типа кто на что поведется. Это очередная попытка синтеза, Кирилл.

Влад достал сигарету, закурил, не спрашивая разрешения хозяина кабинета, и уверенно прошел к полке, где стояли чашки, которые он обычно использовал вместо пепельницы в местах, не предназначенных для курения.

— Давай я тебя закодирую, — рассеянно предложил Кирилл, чуть поморщившись от запаха сигаретного дыма, поплывшего по комнате белесыми рукавами и кольцами. Влад привычно ухмыльнулся в ответ. Такие предложения он выслушивал как минимум один раз в неделю все время, что здесь работал.

— Лучше я окно открою. Не возражаешь?

Вслед за шорохом поднятых жалюзи в кабинет ворвался сырой осенний воздух и отдаленный шум улицы. Кирилл задумался. Создать систему, воздействующую сразу на все каналы, по которым человек получает информацию об окружающем мире, пока еще никому не удавалось, хотя попытки предпринимались регулярно. Но, к счастью для человечества и сотрудников «Рубикона», они не увенчались успехом. Какой-то из каналов всегда превалировал над остальными, и чаще всего это было зрение. Поэтому количество визуальных наркоманов не шло ни в какое сравнение с теми, кто попадался на аудионаркотики. А уж что касается ощущений — задача была довольно трудно осуществимая по техническим причинам. Человек мог взглянуть на предмет и углядеть что-то манящее, необычное в его причудливых формах и ярких красках. Но заставить человека, даже если он и был в чистом виде кинестетиком, что-то пощупать или облизать, да еще так, чтобы простое прикосновение захватило его настолько, чтобы он жить без этого не смог… Кроме того, уже существовала такая проблема, как передоз. Причем проблема не только для борцов с преступностью, но и для самих наркодилеров и их хозяев. Жертвы должны были как можно дольше сохранять здравый ум и платежеспособность, иначе затея

теряла смысл. И кому нужен клиент, который полностью отключается от внешнего мира? Клиент должен испытать удовольствие, прийти в себя, снова испытать удовольствие. А если все каналы связи с реальностью напрочь перерублены, он просто не оживет! Так и помрет от истощения в иллюзорном мире иных звуков, красок и ощущений.

— Нет, Влад, — сказал наконец Гольцов, — слабовато для синтеза. Да и кому он нужен? Кроме того, место неподходящее: правило «все, что на виду, не вызывает подозрений» тоже имеет свои пределы.

Влад затушил окурок о дно чашки.

— Ну хорошо. Допустим, простая калибровка. Поиск жертв с целью выяснить, кто на что больше среагирует, и потом подсадить по одному. Или апробация чего-то свеженького. Хотя бы с тем, что туда надо наведаться, ты согласен?

— Это бесспорно. Пойдем к Разумовскому, — предложил Кирилл.

— А ты думаешь, чего я к тебе заявился? Он час назад в Москву вылетел на совещание.

— Черт! Как не вовремя… Что мы там с тобой вдвоем сделать сможем? Порубов уже домой уехал?

— Какой там! — махнул рукой Влад. — Порубов магазин громит. К вечеру, конечно, освободится, но он и так вторые сутки на ногах. Но спрошу. А из ваших кто?

— Надежду сейчас задержим, Игорь Залесский со мной в ночной смене… А Марта где, ты не знаешь?

— Марта сегодня на прикрытии сидит, — ухмыльнулся Влад, — лечит какого-то прыщавого подростка от несчастной любви. Я заглядывал — пропал подросток! Глаз с Маруси не сводит. На крайний случай два патруля еще по городу мотаются, но если мы отсюда всех возьмем и с улицы… — он с сомнением покачал головой.

— Сюда я кого-нибудь вызову, чтобы прикрыли на несколько часов, — пообещал Кирилл.

Влад кивнул, улыбнулся и с кошачьей грацией выскользнул за дверь, оставив в кабинете запах прокуренной осени.

Театральная площадь сияла огнями, отражавшимися в мокром асфальте, по которому дробно стучали каблучки двух красивых женщин, направлявшихся ко входу в сопровождении двух представительных мужчин. Марта с Игорем выглядели парой респектабельной. Кирилл и Надежда — интеллектуальной. Они вчетвером поднялись по ступеням и, не прерывая непринужденного разговора, скрылись за резными дверями здания девятнадцатого века, которое регулярно пытались отбить

у провинциального театра под офис то местные, то столичные компании. Пока театр, заручившийся поддержкой властей и всевозможными охранными грамотами, успешно отбивал одну атаку за другой. И специалисты «Рубикона» вошли в фойе как раз к началу вечернего спектакля. Фойе остро отреагировало на появление Марты Валентиновны, она ослепительно улыбнулась, осознавая час своего триумфа, и вдруг что-то произошло. Кириллу показалось, что стало даже чуть темнее. Какая-то безвкусно одетая крашеная блондинка жалась к своему спутнику — средней руки бизнесмену с благородной сединой на висках. Она жутко боялась его потерять среди бесчисленного количества разодетых женщин. Марта растворилась в потемневших от времени дощечках паркета, отражениях зеркал, вычурных светильниках, в то время как несколько пар жадных мужских глаз все еще настойчиво продолжали искать сверкнувший на мгновение бриллиант. Игорь показал Марте большой палец, наклонился и что-то жарко зашептал на ухо. Утешал, наверное, и обещал, что они еще раз придут сюда всем коллективом, вместе с оперативным отделом и московским начальством, и позволят Марусеньке блистать, сколько ей вздумается. «Как она это делает? — в который раз спросил себя Кирилл, — ведьма, а не психолог!» Надежда скривила губки.

Они честно посмотрели первый акт бездарной постановки, а затем прочно обосновались в театральном кафе, куда перекочевала большая часть скучающей публики, заполнив помещение гулом голосов. Надежда открыла сумочку и проверила оборудование. Кирилл тронул цепочку на шее. Висящий под рубашкой черный диск семи сантиметров в диаметре казался тяжелым, как мельничный жернов. Второй такой же диск, одолженный у коллег, в этот раз лежал в кармане. Игорь задвинул подальше под стол небольшой дипломат с аудиозаглушкой, выпрямился и непринужденно сказал:

— Ну что, коллеги, по пятьдесят грамм для храбрости и чтоб скрасить ожидание?

С этими словами он направился к стойке и заказал коньяк. Этого от Игоря Кирилл не ожидал. Это должна была сказать Марта. Но Марты здесь не было. Сидела напротив какая-то тетка, которая испуганно озиралась, стоило ее мужчине отойти дальше, чем на два шага. Глаза Надежды благодарно блеснули.

— Так, коллеги. Сигнал для нас — фраза «По техническим причинам представление переносится, билеты действительны», версия для клиентов — срабатывание пожарной сигнализации, — Игорь самовольно руководил операцией, но в этот раз Кирилл был просто счастлив, что Игорь Залесский стоит на ступеньку

выше. Иначе этот груз пришлось бы взять на себя самому Гольцову. Ни у кого из присутствующих не было опыта проведения совместных операций. Максимум, что они делали раньше, — это советовались друг с другом или приглашали друг друга на восстановительные сеансы, если случай был уж очень заковыристым. Иногда приводили друг друга в чувство после выездов… А сейчас им предстояло по сигналу опергруппы вчетвером войти в зал с неизвестным количеством клиентов. На какой стадии погружения они находятся? Кто из них визуал, кто кинестетик? Ни имен, ни других зацепок из вводной. Из всей информации — только план помещения, который Влад им сбросил за час до выезда.

— Тех, кто после этого встанет и пойдет к выходу, — мы не касаемся. На выходе Порубов с подручными. Он еще милицейский кордон обещал, но это уж точно не наши проблемы, как они там с МВД договорятся, чтоб внимания не привлекать. Внутри Влад со своими. Как разделимся?

— Делим зал на четыре квадрата, — предложила Надежда, — левые два — девочки, правые два — мальчики.

— Сначала аудиозаглушка, — возразила Марта, — надо откалибровать, кто из них кто.

— И визуальные приманки — прямо на занавес, — кивнул Кирилл, — чтобы не совать каждому под нос.

— Далеко? — с сомнением спросила Надежда.

— Нет, нормально, — возразил Игорь, — расфокусируем немного — хватит. Зал маленький. Значит, заходим. Без суеты расставляем оборудование. Наладонники для кинестетиков, понятно, каждый оставляет при себе. Массовый сеанс тактильных ощущений мы им никак не организуем. А дальше, Надюша, так, как ты предлагала, — делим по восьмому ряду кресел и центральному проходу.

Надежда нахмурила тонкие брови и поводила пальчиком по краю пузатого бокала с коньяком.

— Давай по пятому, Игорь. Полный зал они не наберут. Не рискнут, что бы там ни говорили в кассе про отсутствие билетов и пригласительных. Народ сядет вперед.

— Да, пожалуй.

— Ничего не выйдет, — вдруг сказал Кирилл, подняв голову, и залпом опрокинул содержимое бокала, приятно обжегшее горло.

— Почему? — хором спросили Надежда с Мартой. Кирилл мог поклясться, что сейчас им не надо было разыгрывать из себя двух напуганных женщин — они таковыми и являлись.

Игорь резко выпрямился, положил ладони на стол и

посмотрел на Кирилла.

— Потому что мы все еще работаем индивидуально, девочки. Кирилл прав. Нужен ведущий. Как на религиозных сборищах, где презентатор кричит со сцены: «С нами бог» или, на худой конец, — «С нами великий дух древних славян».

— Тогда я возьму квадраты свой и Гольцова, — сказала Марта и подмигнула. — Что кричать будешь, Кирюша?

— Не знаю, — немного обескураженно признался Кирилл.

— Все что хочешь, — улыбнулся ему Игорь, — лишь бы укладывалось в формулу свет-звук-ощущения в соответствующем процентном соотношении.

— Что-то бронебойное нужно, — пробормотал Кирилл, — постараюсь. А наркологов у нас сколько?

— Две бригады.

— Как мало… — прошептала Надежда, и Кириллу показалось, что ее темно-карие глаза стали более влажными, чем обычно.

— Нормально, — улыбнулся ей Игорь, — там Мариванну с улиц сдернули. Она одна целого полка стоит.

— Ребята… а если мы все ошиблись? — тихо сказала Надежда. — Может, там обычный спектакль?

— Вернемся сюда и еще чего-нибудь закажем, — уверенно сказал Игорь и посмотрел на часы. — Визуальные приманки сдаем Кириллу. Раз он будет на сцене — он и развесит, пока мы сориентируемся на местности. Пусть музыка несколько минут поиграет, так даже лучше.

Марта сломала пудреницу, которую держала в руках и протянула Гольцову ее черную крышку:

— Держи, Кирюша. Очень высоко не вешай, они и так снизу вверх смотрят.

Сигнал прошел в 21.20, когда спектакль в большом зале уже закончился и в фойе одевались немногочисленные театралы, которые не сбежали сразу после антракта. Кирилл снял пиджак и перекинул его через руку, в которой держал горсть визуальных приманок. Около дверей малого зала вместо привычной бабушки в синем костюме стоял напарник Порубова. Из-под расстегнутой кожанки выглядывала кобура. Он коротко кивнул, дверь на несколько секунд приоткрылась, пропуская внутрь двух мужчин и двух женщин, и тяжело затворилась за ними.

— …билеты действительны, — говорил со сцены один из ребят Немцова. — Прошу всех пройти к боковому выходу.

Вспыхнул свет, несколько человек поднялись со своих мест и, пошатываясь, побрели в указанном направлении. Кирилл рванулся вперед по боковому проходу. Цепочки генераторов

помех, зажатые в руках, звякали, диски раскачивались в ритме торопливых шагов. Параллельно ему с другой стороны вперед проскочил Игорь и раскрыл дипломат на краю сцены. Зал заполнила психоделическая музыка, в которую вплетался далекий и неровный барабанный бой. Под эту музыку Кирилл работал сто раз. И каждый раз — он вещал что-то человеку на ухо, играя голосом, интонацией, постепенно повышая громкость. А сейчас ему предстояло орать под нее со сцены нечто такое, отчего проснутся все двадцать-тридцать человек, оставшихся в помещении. Кирилл взлетел по ступенькам. Ослепленный светом направленных на него софитов, он запнулся на полпути к прозрачному занавесу, взглянул под ноги и отпрянул. Под ногами в луже крови лежало человеческое тело с черно-красной дырой вместо правого глаза, и еще несколько шевелящихся тел на самом краю сцены. Перед глазами все поплыло, в горле застрял комок теплой мокрой ваты. Кирилл не видел зрительный зал за галереей бессмысленно выпученных глаз и перекошенных слюнявых ртов. Скрюченные пальцы скребли по сцене, словно стараясь добраться до Гольцова и утащить во тьму, за грань истинного мира.

— Игорь, стащим их со сцены в зал! Усадим в первый ряд. Вот нам калибровка по степени погружения, — раздался грудной низкий голос. И от его вибрирующий силы поселившийся в груди ужас съежился и превратился в дрожащего мокрого котенка, жалкого и беспомощного. Это говорила Марта. Теперь она обращалась к оперативникам:

— Мальчишки, если вы уже всех победили, помогите Игорю Александровичу с клиентами. Мы с Надеждой начнем с задних рядов. Кирилл, не стой!

Но Гольцов уже опомнился, подскочил ко второму ряду кулис, которые были задернуты, и в шахматном порядке прицепил к ним сразу пять черных дисков. Более легкие, чем занавес, портьеры колыхались, усиливая игру света заработавших приборов. За спиной слышался тяжелый шорох стаскиваемых со сцены человеческих тел. Кириллу почудилось еще какое-то движение сбоку, он обернулся. На сцену торопливо поднималась нарколог Мария Ивановна, за ней фельдшер с чемоданом в руке. Привалившись спиной к бутафорской печке, на которой во время детских спектаклей выезжал на сцену Емеля, за первым рядом кулис сидел смертельно бледный Влад, прижимая ладонь к окровавленному плечу. На белоснежном боку печки, расписанном аляповатыми цветами, сверху вниз тянулась красная полоса, которую он оставил за собой, медленно сползая на пол.

— Работай, — прошипел Влад и закрыл глаза.

Кирилл вышел вперед, почти к самому краю сцены. «У меня же шок, — отрешенно подумал он, — как работать?! Визуальный ряд… да я не вижу ничего из-за этих чертовых прожекторов! У меня у самого визуальный канал информации перекрыт».

— Куртку мы снимем, Владик, — под заливавшую зал психоделическую музыку ласково говорила Мариванна у него за спиной, — ты же у нас мачо… — и совсем другим тоном, видимо, кому-то из оперативников Немцова: — Где «скорая»? Где снаружи? Она снаружи, а огнестрел внутри! Что я тебе, фокусник?! Скажи спасибо, перевязочный материал в укладке есть… Значит, забирайте его отсюда к чертовой матери!

Кирилл поднял обе руки вверх:

— Кровь! — заорал он неожиданно для себя самого. — Красное на белом! Кровь на снегу!

И скорее почувствовал, чем увидел, как дрогнул и потянулся к нему зрительный зал. Люди, попавшие в ловушку иллюзий и внезапно брошенные там, в темных закоулках подсознания, теперь снова были не одни. Кто-то пришел к ним, разговаривал на их языке, звал за собой к свету, краскам, завораживающей прекрасной музыке и неземным ощущениям.

Минут через двадцать софиты погасли, Кирилл слез со сцены и осмотрелся. Зал опустел, сверху опустился тяжелый занавес, закрыв труп. С мужчиной и девушкой в первом ряду еще работали Игорь и Марта, но уже в режиме оживленного диалога. Девушка встала, преданно глядя Марте в глаза, отвернулась от сцены и двинулась за ней к выходу. Надежда сидела на краешке кресла во втором ряду, закрыв лицо руками. Худенькие плечи вздрагивали. Но когда Кирилл подошел к ней, соображая, что бы такого сказать, она подняла на него сухие глаза и первой произнесла шепотом:

— Жуть какая, да?

— Что там снаружи, не знаешь?

— Нет, — она отрицательно качнула головой, — все молчат. Как будто нас здесь забыли.

— А в чем, собственно, дело? — вдруг громко спросили на

первом ряду.

— Пожарная сигнализация сработала, — устало ответил Игорь Залесский, — пожалуйста, пройдите к боковому выходу.

Мужчина поднялся и пошел в указанном направлении, что-то недовольно бормоча себе под нос.

— Интересно, что они дома расскажут? — спросила вернувшаяся от дверей Марта. — Я, конечно, старалась…

— Пришли на экспериментальный спектакль, слушали музыку, сопровождаемую игрой света… вроде лазерного шоу, — пожал плечами Игорь, — потом сработала пожарная тревога, и всех попросили. Безобразие! — он усмехнулся.

— Мариванна сказала — тяжелых нет, — задумчиво произнесла Надежда.

— Так и у нас тяжелых нет, — кивнул Игорь. — Вы вспомните, сколько мы обычно их на диалог выводим. Я сегодня на выезде часа три возился. И Кирилл тоже со своей статуэткой…

— Глубина воздействия не та, — предположил Кирилл, — все-таки калибровка потенциальных клиентов была. А те, кто на сцену полез, — готовые потребители.

— А как они кинестетиков зацепили? — спросила Марта. — Или тут только аудиовидеоряд?

— Какая ты, Марусь, невнимательная, — Игорь ласково потрепал ее по плечу, — чем здесь пахло, когда мы вошли?

— Ароматизатором каким-то. На хвойный освежитель для туалетов похож, — Марта коснулась пальцами кончика носа.

— Вот тебе «Театр прикосновений», — снисходительно пояснил Игорь, — только не к коже, а к носу на сей раз. Как самостоятельная дурь слабовато, а в комплексе с остальным — очень даже хорошо пошло. Изобретательные ребята.

— Что-то Влада долго нет, — сказала Надежда.

Кирилл уже открыл рот, но передумал. И так все в стрессе по самые уши, хоть и держатся друг перед другом. Боковая дверь приоткрылась.

— На выход! — скомандовал Олег Порубов.

— Приманки! Приманки на кулисах, — вдруг вспомнил Кирилл.

Игорь тихо выругался.

— Забыли совсем… Давай, Владимирович, метнись, мы подождем.

Секунду Кирилл размышлял, с какой стороны взбежать на темную сцену: с той, где все еще в неестественной позе лежал труп одного из организаторов действа, или с той, где притаилась за первым рядом кулис окровавленная печка. Печка казалась более привлекательным вариантом. На кулисах, все еще играя

светом, висели пять круглых медальонов. Цветные блики подсвечивали полупрозрачную ткань и щедро расплескивались на парчовом занавесе, огородившем узкое пространство. Труп на противоположном краю сцены тоже был на месте, и лужа крови в которой он лежал, поочередно меняла цвета. Не хватало только приличествующей случаю музыки.

— Кирилл!

— Иду!

В машине они не разговаривали.

— Это означает, что мы опять впереди планеты всей, — сказал Геннадий Викторович Разумовский, выслушав обстоятельный доклад Игоря, — регион не только не отстает от московского федерального округа, а кое в чем его даже обгоняет, — он поморщился. — Но все равно ознакомьтесь с программой коллективной работы, предложенной центром…

С начальником оперативников разговор уже был, к ним есть целый ряд претензий, но при условии, что времени на подготовку не было совсем, а в прессе не появилось никаких развернутых публикаций, кроме слухов о том, что по ночам в театре работает бордель, операцию можно признать успешной.

— У меня поиск выдал информацию с форумов, Геннадий Викторович, — тут же вылезла Марта. — Говорят, милиция с ФСБ отрабатывает в театре антитеррористические операции. Но тема не в топе, обсуждается вяло.

— Спасибо, Марта Валентиновна. Я в курсе, — холодно сказал Разумовский. — Зона поиска для патрулей расширяется: кроме кинотеатров, дискотек и концертов у них будут рейды по парфюмерным магазинам, секс-шопам и ресторанам с вывесками «Экзотическая кухня». Фокус смещается в область ощущений. Раньше мы считали угрозу несущественной. И наконец, самое главное. В этот раз на экстренном совещании всерьез обсуждалась угроза синтеза воздействий. В Москве сотрудники «Рубикона» вышли на частную клинику. Это первый случай в нашей практике. Клиенты — в основном женщины, стремившиеся похудеть, а заодно помолодеть и просто оздоровиться. Но были и мужчины. К ним применялось комплексное воздействие на все органы чувств. Каждое по отдельности — гораздо более мягкое по сравнению с тем, с чем мы привыкли работать. Тем не менее за три года существования клиники все пациенты возвращались туда с интервалом не реже, чем раз в полгода, большинство — не реже, чем раз в квартал. И их список постоянно расширялся. О ценах, я думаю говорить не надо. И так все ясно, — шеф привычно побарабанил пальцами по столу. — Да, специализацию в Москве

заканчивают еще два наших сотрудника, которые придут в отдел индивидуальной коррекции. Скоро приступят к работе. Патрульная служба тоже расширяется. И я попрошу всех отнестись к коллегам с должным вниманием и не отказывать в помощи, если таковая потребуется. У меня все.

В этот день Кирилл работал в дневную смену. Вдоволь наговорившись с клиентами о живописи, шмотках и музыке, убедив всех, что жизнь на этом не заканчивается и больше ни у кого из них «крышу не снесет» (жаль, нельзя сказать: «Да успокойся! Твой поставщик уже за решеткой»), он еле приполз в комнату отдыха.

— Что-то ты бледный, Кирилл Владимирович, — заметила утонувшая в огромном кресле Надежда, — не обедал?

— Надя… Тебе театр снится? — неожиданно спросил Кирилл.

— Конечно. Это нормально, — Надежда закинула ногу на ногу и тут же начала лекцию о том, как человек справляется с последствиями стрессовых ситуаций в норме и какие могут быть отклонения.

— И чего делать? — перебил ее Кирилл.

— Проанализировав свои собственные переживания, я пришла к выводу, что мне подходит самый детский из всех способов, — все таким же менторским тоном сказала Надежда и вдруг улыбнулась: — Я записала страхи на бумажке и сожгла ее. Вот и все!

— Да? — спросил Кирилл. — И сколько мне бумаги закупить, Надежда Каримовна?

— Н-ну… Я купила стопку тетрадей в клеточку по восемнадцать листов. И каждый вечер пишу по одному чернушному стихотворению, а потом сжигаю. Программа должна полностью сработать, когда уйдет последняя тетрадь.

— А я никогда стихи не любила, — фыркнула вошедшая Марта, бесцеремонно сунула в руку Кириллу бутерброд и поставила на журнальный столик перед ним бутылку минералки. — Вот именно поэтому. Зачем мне чужие крокодильчики? Мне их на работе хватает.

— Что делать, если у меня нет такого количества поклонников, — язвительно заметила Надежда.

— Ну, девочки… — начал Кирилл.

— Сожги костюм, — вдруг сказала Надежда.

— Точно! — подтвердила Марта, — или бомжам отдай.

Женщины посмотрели друг на друга и хором добавили:

— Мы ни разу тебя в нем не видели после похода в театр!

— А ведь он такой красивый! — мечтательно протянула

Марта.

— А ведь он такой стильный! — мечтательно протянула Надежда. Они разом замолчали, одновременно повернули головы на звук открывающейся двери и наперебой затараторили:

— Ой, Владик! Наш мачо пришел! Тебя из больницы выписали?

В дверях стоял Влад Немцов. С рукой на перевязи и в небрежно наброшенной куртке, один рукав которой, естественно, остался пустым, он смотрелся очень эффектно. На секунду Кирилл ему даже позавидовал. Надежда вскочила с кресла, но тут Марта вспомнила, что на самом деле они соперницы, и, в каком-то немыслимом грациозном прыжке опередив ее, оттерла в сторону.

«Сейчас ответит: „Сбежал“. Или я не психолог», — подумал Кирилл.

— Сбежал, чего там делать, — сказал Немцов, приобняв Марту и глядя в глаза Надежде.

— Больно было? — доверчиво спросила Марта. Задай этот вопрос кто-нибудь из сотрудников центра, кроме нее, он тут же получил бы здоровой рукой в ухо. Но Влад, конечно, повелся и минут пять выпендривался, объясняя Марте, (а заодно и Надежде, которую тоже не упускал из поля зрения), что это только в дешевых боевиках огнестрельные ранения обязательно навылет, причем так, что кость не задета и сколько бы крови ни вытекло — пять литров всегда в запасе.

— А кто мой личный враг номер один, знаете? — спросил Влад в конце.

— Нет, — улыбнулась Надежда, — и кто?

— Кто, Владик? — мурлыкнула Марта.

— Мария Ивановна!

— Почему? — снова хором спросили обе дамы. Все-таки общего в них было много больше, чем они думали.

— Как вы меня назвали, Надежда Каримовна, когда я зашел? — спросил Влад.

— Мачо… — машинально повторила Надежда.

— Вот! Именно поэтому. Я сегодня своего собственного имени еще ни от кого, кроме Марты, не слышал. Как Мариванна тогда окрестила — все! Труба. Привет, Кирилл, — наконец сказал он, пресытившись женским вниманием. Они пожали друг другу руки, обменялись несколькими ничего не значащими фразами, и Кирилл ушел к себе, предоставив Немцову наслаждаться обществом двух красивых женщин, готовых при случае разорвать друг друга в клочья.

Влад зашел к нему через двадцать минут. Кирилла так и

подмывало спросить: «Больно было»? И посмотреть на реакцию. Великий дух исследования чуть не ввел его в соблазн, но Кирилл устоял.

— Как дела?

— Да, говорят, еще месяца полтора в лангетке. Спать неудобно, делать нечего, и, кроме футболок, ничего не лезет. Курить можно?

— Нет! — решительно сказал Кирилл и взглянул на круглые часы, висящие на противоположной стене. Клиенты обычно садились так, что они оказывались у них за спиной. Высокая кушетка под часами была вплотную придвинута к стене. — У меня через пятнадцать минут вторая серия.

— Ты все еще думаешь, что это калибровка? — спросил Немцов.

— А ты?

Влад отошел к окну, как будто собирался закурить, невзирая на прозвучавший запрет, но сигареты так и не достал, а присел на краешек кушетки.

— А я все-таки думаю, Кирилл, что откалибровать человека можно намного проще. Повесил на той же афишной тумбе перед театром портрет Шварценеггера в розовом «кадиллаке» — и только успевай собирать адреса-явки-пароли. Любой, кто не просто взглядом скользнул, а остановился и подошел поближе, чтобы рассмотреть как следует, — потенциальная жертва. Зачем так подставляться, устраивая массовое шоу?

— Портрет Шварценеггера перед театром? — улыбаясь, переспросил Кирилл. — Ты уверен?

— Ну хорошо — пусть будет Памела Андерсон в кабине истребителя Су-27. Тоже не фигово, — ухмыльнулся Влад. — Я серьезно, Кирилл. Где-то у нас в городе уже чего-то организовывают. Рейд по всем больницам, баням, профилакториям и оздоровительным комплексам мы организовать физически не в состоянии! Да и юридически тоже…

— Разумовский сказал, что все лечебно-профилактические учреждения в ближайшее время подвергнут повторному лицензированию. В положении несколько хитрых пунктов будет… Может, чего и выплывет, — пожал плечами Кирилл.

— Долго, — Влад поморщился, — долго!

Он оттолкнулся от кушетки.

— Я-то на сей раз чем могу тебе помочь? Как говорится, не в моей компетенции, — развел руками Кирилл. Влад, уже направившийся к выходу, остановился напротив стола.

— Видел я твою компетенцию, — сказал он, чуть прищурив глаза, — маньяк.

Кирилл снисходительно улыбнулся:

— Не маньяк, а профессионал! Действовал по ситуации. Но я, кстати, думал, что ты там уже без сознания, потому как говорила у меня за спиной только Мариванна.

— Нет, Кирилл, я слышал. Кстати, если кого и будет несложно подсадить на синтез — так это психологов «Рубикона».

— Влад, ты слишком много об этом думаешь. Приходи в конце дня, я с тобой поработаю, — серьезно предложил Кирилл.

— Ты с собой поработай, — огрызнулся Немцов, поправляя сползшую с больного плеча куртку, — на Надю с Мартой посмотри. Сколько им лет — ни семьи, ни детей. А у тебя? Когда ты последний раз был в отпуске?

— Уйдешь, блин, тут в отпуск! И кстати, у Игоря Залесского и семья, и дети есть, если уж тебя это так волнует, — парировал Кирилл.

— Игорь женился еще до того, как в «Рубикон» перешел! Он не в счет, — перебил Влад. — У вас постоянно, изо дня в день сознательно блокируются все три канала поступления информации об окружающем мире. Если бы вас этому так хорошо не научили, вы все уже сами подсели бы, — Влад выставил вперед ладонь, как бы предупреждая ответ Гольцова, уже набравшего полные легкие воздуха. — Да знаю я, что ты скажешь, Кирилл! Ключевое, мол, здесь слово «сознательно», профессиональная подготовка, соблюдение инструкций в работе с приманками и все такое… Но как только найдется тот, кто покажет вам мир во всей красе, да так, что не заблокироваться, вы за ним косяком пойдете.

— Нет, не может быть. Надо еще на нас как-то выйти и уговорить попробовать… — растерянно пробормотал Кирилл.

— А что, тех, кого мы вытаскиваем, не уговорили? — спросил Влад. — Или они все дураки как на подбор, телята безголовые?

— Слушай, Влад, — решительно сказал Кирилл, — у меня пять минут до клиента, иди к своему начальству или к Разумовскому! Даже если ты прав, чего ты меня здесь грузишь? Никто не знает, что будет… Некоторое время назад и проблемы-то такой не существовало, равно как и нашего «Рубикона»!

— Разумовскому от оперативников нужен только адрес «центра синтеза» и желательно — сразу с планом ликвидации, — жестко сказал Влад. — Пока, Кирилл.

И он вышел за дверь.

На полчаса застряв в пробке по дороге домой, Кирилл размышлял об истинных масштабах проблемы. Имена клиентов не разглашались. И сам Кирилл, и его коллеги были связаны соответствующими подписками. Общее количество зависимых знал только Разумовский. Отдел индивидуальной коррекции

работал по принципу: «спас клиента — занимайся им до победного конца». То есть вывел его на дежурстве из передоза, дождался, пока наркологи скорректировали физиологию, — бейся, пока человек не перестанет бредить любимыми «футболочками с бабочками», как в случае с Таисией. Такие случаи, к счастью, встречались все-таки не часто. Только Марта умудрилась как-то на дежурстве набрать сразу пять человек за сутки. При том, что на одного клиента иногда мог уйти целый рабочий день. Клиенты в момент выведения из передоза переключались на конкретного специалиста: на его внешний вид, тембр голоса, манеру разговора. Кроме того, только психолог, который работал с ними в пиковый момент, помнил все нюансы выхода, все крючки, цепляясь за которые человек возвращался к реальности. И только он мог использовать их в полной мере в дальнейшем. Так что помогать коллегам было не только очень непросто, но еще и опасно для неустойчивой психики клиента. Но кроме отдела индивидуальной коррекции, на который сваливались самые сложные случаи, были и другие. Даже подразделение прикрытия, которое совершенно официально занимало второй этаж «Рубикона» и работало как обычный психологический центр, куда мог обратиться любой желающий, специализировалось на различных видах зависимости. А статистика посещений каждый вечер ложилась на стол начальнику оперативного отдела. «Сколько у нас оперативников? — задумался Кирилл. — Сколько всего патрулей в городе?» Это были вопросы без ответа. Кирилл знал только тех оперативников, которые работали с психологами его отдела: Влад, Олег Порубов, еще несколько человек, которые обеспечивали им безопасность и условия работы на выезде. Как работает «Рубикон» в целом — кроме его руководителей, никто не знал.

Сзади отчаянно засигналили. Кирилл вздрогнул и дернул машину вперед, к узкой горловине выезда с моста, за которым пробка постепенно рассасывалась. Еще через полчаса он уже был дома. За спиной щелкнул замок входной двери. Кирилл критически осмотрел свое холостяцкое жилище. Строгостью обстановки двухкомнатная квартира напоминала гостиничный номер. Правда, в дорогой гостинице. Пейзаж несколько оживляли валявшиеся в беспорядке мелочи вроде мятых журналов по психологии, раскиданной домашней одежды и брошенного на кровати ноутбука. Гольцов огляделся, не переодеваясь, прошел на кухню и сварил себе пельмени. Он так устал за сегодняшний день, что даже в кафе не завернул. Через некоторое время настроение слегка улучшилось, и Кирилл, сыто урча, полез в

ванну, наслаждаясь охватившим его влажным теплом.

«Ощущения, — подумал он, — как ни крути, а сам-то я все-таки больше кинестетик, чем визуал. Вот интересно… можно подмешать что-нибудь в воду бассейна в какой-нибудь частной баньке? Если вся поверхность кожи задействована… Тьфу!» Кирилл выругался вслух, быстро сполоснулся и пулей вылетел из ванны, яростно растираясь полотенцем. Он потряс головой и пожалел, что не держит в доме спиртного. Журналы по психологии полетели на пол. Ноутбук чуть помедленней, но все же последовал за ними и был задвинут под кровать. Гольцов взял пульт телевизора, улегся, подоткнув под шею подушку, и бессмысленно уставился в экран. Выступление члена Государственной думы в новостях на Первом канале напоминало плохо сделанный учебный фильм по манипулятивным технологиям. Видеоряд рекламного блока на НТВ выглядел как топорно сработанный крючок для визуала. По «Культуре» транслировали малоизвестную оперу Прокофьева в современной обработке. Кирилл инстинктивно оглянулся в поисках аудиозаглушки и выключил звук. Спокойный вечер после трудового дня минута за минутой проходил мимо сознания, не вызывая в нем никакого отклика, кроме раздражения.

«Но как только найдется тот, кто покажет вам мир во всей красе, да так, что не заблокироваться, вы за ним косяком пойдете», — Немцов как будто повторил эту фразу у самого уха.

— Твою мать, — тихо сказал Кирилл, перевернулся со спины на живот, накрыл голову подушкой и зажмурился, — черт бы тебя побрал, Влад!

«Сжечь костюм… — кажется, это он тоже сказал вслух. — Немедленно!» Гольцов рывком сел на постели, отшвырнув в сторону подушку, вскочил и бросился к шкафу. В костюмах он недостатка не испытывал. За исключением тех случаев, когда клиент оказывался кем-то вроде хиппи, это была основная его форма одежды. Но на случай экзотики у Кирилла на работе был припасен целый маскарадный арсенал. Темно-серый костюм-двойка, в котором Кирилл ходил в театр, притаился в самом дальнем углу шкафа-купе и хищно поблескивал оттуда пуговицами. Представив, какая будет вонь, если он действительно сожжет его в квартире, Кирилл отказался от первоначального плана. Порылся в ящиках в гостиной, достал ножницы, сбегал на кухню и приволок оттуда пару прекрасных немецких ножей. Снова метнулся в спальню, схватил в охапку пиджак и брюки, которые обреченно повисли у него в руках, выволок костюм в гостиную и бросил посередине комнаты на пол. Он уселся рядом, по-турецки скрестив ноги, разложил инструменты по порядку —

ножницы, нож для мяса, хлеборез, — глубоко вздохнул и приступил к уничтожению одежды. Легче стало только после того, как Кирилл полностью расправился с брюками, располосовав их в лапшу. Он бросил нож, вытер пот со лба и огляделся. Затем передернул плечами, уже слегка сопротивляясь порыву, взял ножницы и с мясом отстриг с пиджака пару пуговиц, бросил все это в кучу испорченной дорогой ткани и глубоко вздохнул. В голове — пустота. Такая, что в ушах звенит. Болели большой и указательный пальцы правой руки. На них багровыми кольцами отпечатался след от ножниц. Ножницы были канцелярскими, а не портняжными, и Кирилл с ними здорово намучился. Он встал, стряхнул с себя нитки и мелкие клочки испорченной одежды, постоял немного и отправился на кухню за мусорными пакетами. Еще некоторое время, матерясь, запихивал в мешок последствия своей борьбы со стрессом вместе с инструментом: ножницы пришли в полную негодность. Перед тем как утолкать пиджак в полиэтиленовый мешок, пришедший в себя Кирилл начал обшаривать его на предмет сохранившихся чеков и визиток и во внутреннем кармане нащупал клочок бумаги. Он извлек находку и развернул. На выдернутом из пружинного блокнота бумажном листе Гольцов прочитал короткое послание, изумившее его до предела: «Кирилл, вы великолепны! Позвоните мне, есть интересное предложение. Лариса». Чуть ниже — крупно написан номер сотового телефона.

— М-мнэ-э… — вслух произнес Кирилл, сложил и снова развернул листок. Буквы и цифры никуда не делись. Гольцов двумя пальцами взял листок за уголок, положил на середину письменного стола и вернулся к уборке. Он вынес мусор, пропылесосил ковер, еще раз сходил в душ и с удовольствием отметил, что теплая вода — это просто теплая вода. И никаких сверхощущений она не приносит и приносить не может, кроме нормального чувства чистоты и свежести. Если бы на столе к моменту выхода из ванной еще и не оказалось этой неизвестно как попавшей в карман записки, он был бы совершенно счастлив. Но проклятый клочок бумаги, сложившись по сгибу пополам, лежал на своем месте. Там он и остался. «Может, вспомню, — подумал Кирилл, — если нет — позвоню». С этими мыслями он ушел в спальню, залез под одеяло и тут же уснул.

В последующие несколько дней Гольцов подробно прокрутил

в памяти два года своей жизни, прошедших с момента покупки темно-серого костюма. Пиджак он оставлял без присмотра только в собственной квартире — на лето. На розыгрыш из всех его сослуживцев были способны два человека: Марта и Влад Немцов. Но у Марты не хватило бы выдержки, и она бы уже десять раз посоветовала заглянуть во внутренний карман, а Влад скорее всего так шутить не стал бы. Проверить?

Дело было в пятницу вечером, и проклятая пробка на мосту растянулась на полгорода, как будто на дворе не октябрь месяц, а июль и фанатичные дачники намертво заклинили располагавшийся прямо за мостом выезд из города. Гольцов достал мобильник.

— Да, Кирилл?

— Привет, мачо, — ухмыльнулся Гольцов.

— Здорово… Магистр, — мрачно откликнулся Немцов, выдержав трагическую паузу.

— Да ладно, Влад, я пошутил. Не обижайся. Ты чем занимаешься?

— Штаны на резинке покупаю, — все так же мрачно сказал Немцов.

— Где?

— В «Амелии».

— Я сейчас подъеду, подброшу тебя до дома. Разговор есть.

— Давай через полчаса, не раньше.

— А раньше и не получится. Я еще с моста не съехал. Выберусь — перезвоню.

Огромный торговый центр «Амелия» располагался на самой окраине в бывшем цехе завода техконструкций. Тащиться туда пешком через весь город с рукой в гипсе… «Скучно тебе, Владик», — сочувственно подумал Кирилл.

— Привет! Карета подана.

Влад бросил на заднее сиденье пакет с покупкой, захлопнул дверцу и уселся рядом с Гольцовым.

— Здорово, Кирилл. Что случилось?

— Знаешь, Влад… Поехали ко мне в гости. Тебе все равно делать нечего. Ты пока рассказывай, как у тебя дела, а я с мыслями соберусь…

Немцов присвистнул и начал подробно излагать, сколько чего и с кем именно он выпил за последние две недели, чтобы скоротать время, и какие от этого случились приключения. А также — какие журналы прочитал, фильмы посмотрел, сайты посетил…

— За «Войну и мир», что ли, взяться! — с досадой сказал он. — В школе не осилил. Как думаешь, поможет?

— Тебе — вряд ли, — улыбнулся Кирилл, пропуская его в подъезд и придерживая дверь, — но время займет точно. И для общего развития полезно…

Они поднялись в квартиру, и Влад молча выслушал историю со странной запиской. Собственно, истории-то как таковой и не было. А записка была. Немцов повертел ее в пальцах.

— Слушай, Кирилл, — задумчиво произнес Влад, — а может, это одна из твоих клиенток? Из тех, с кем ты у себя в кабинете работал? Ты ей понравился, и она решила продолжить отношения на другом, так сказать, уровне. Ты звонишь, она назначает встречу в каком-нибудь клубе, ты приходишь. Опа! Момент узнавания, и она торжественно объявляет: «Кирилл, я просто не посмела вам признаться раньше. Ведь я же ваша пациентка»!

— Пациенты у врачей, — рассеянно обронил Кирилл.

— Вот для меня — абсолютно без разницы как вы их там называете! — заверил его Немцов.

— Нет, Влад. Я бы заметил. Во время сеанса они у меня полностью под контролем… Не могла она так сыграть, чтобы я не вычислил, что она со мной просто кокетничает, а на самом деле к пиджаку подбирается. Чушь какая-то.

— Стой! — Влад чуть не скомкал записку в кулаке, но вовремя спохватился и положил ее на журнальный столик, придавив ладонью. — Кирилл…

— Что?

— Ты сказал: во время сеанса полностью под контролем… А во время массового сеанса ты тоже всех держишь?

Кирилл медленно поднял на него глаза. Влад поморщился.

— У меня, конечно, все плыло уже, но, по-моему, ты в одной рубашке по сцене прыгал.

— Значит, кто-то в зале? — озадаченно спросил Кирилл.

— Психолог? — предположил Влад.

— Такого же уровня, как в «Рубиконе»? Тогда зачем он туда пришел?

— Она, — поправил Немцов.

Кирилл с сомнением покачал головой:

— Там по всем трем модальностям работали. Даже любого из нас посади — рано или поздно мы из реальности выключимся. Получается, что кто-то сидел и спокойно смотрел спектакль, от которого у всех остальных зрителей прямо таки «башню срывало»?

— Ага. Он или она еще второй акт почти до конца досмотрел, который с нашим участием, — усмехнулся Немцов.

— Влад, этого не может быть. Когда вы организаторов отлавливали — хоть один человек среагировал? Голову на

отсечение даю — никто вас даже не заметил!

— Думаешь, я только на зал и смотрел? — сощурился Влад.

— Ну ты ведь знаешь, о чем я. Не первый день работаешь.

— Не первый, — подтвердил Немцов. — Твоя девица с интересом пронаблюдала все действо от начала до конца. Мало того, она на тебя еще какую-то ставку сделала. Пока вы с залом работали, она успела записку черкнуть, сунуть в карман твоего пиджака и ускользнуть.

— Незамеченной? — с сомнением спросил Кирилл.

— А почему бы нет? — вопросом на вопрос ответил Гольцов. — Она же в ясном уме и твердой памяти, а нас всего шесть человек было. Минус два — я и Лешка, который меня до машины тащил через служебный вход. Да она хотя бы за нами могла запросто уйти! Люди не разбежались, потому что у них крыша не на месте. Были бы это обычные заложники — все бы сразу к выходу рванули. Еще и друг друга передавили бы. Как вы их программировали? Проснешься в вестибюле?

— Да, примерно так, — нехотя сказал Кирилл, — не то чтобы именно «проснешься», но… Влад… а как же там труп…

— «Люди в черном» смотрел? — улыбнулся Немцов.

— Н-ну…

— Так это про нас! — заявил он. — Ладно. Пробью я тебе телефон по нашей базе данных для начала. Пиши. А то женит на себе — глазом моргнуть не успеешь!

Кирилл вяло улыбнулся, прилежно переписал в ряд одиннадцать цифр и протянул листок оперативнику.

Ее и в самом деле звали Лариса. Лариса Леонидовна Ковалева, 32 года, русская, не замужем, детей нет. Образование высшее техническое, судимости нет, хозяйка сети печатных салонов «Копирайт», в поле зрение «Рубикона» не попадала.

Геннадий Викторович Разумовский отложил тоненькую папку на край стола.

— Очень интересно, — сказал он, помолчал и повторил: — Очень интересно…

Влад с Кириллом переглянулись.

— Немцов, вы у нас на больничном?

— Да, Геннадий Викторович.

— Вот и идите, отдыхайте. Спасибо за помощь.

Он нахмурился и подождал, пока Немцов вышел за дверь.

— Кирилл Владимирович, у вас сотовый с собой?

— Да.

— Звоните. Немцов может обижаться на меня сколько угодно, но детали операции ему знать ни к чему, — на лице шефа появилось бледное подобие улыбки, — иначе придется его

наручниками к батарее пристегнуть. Звоните, Кирилл.

Гольцов набрал номер. Он уже помнил его наизусть. Разумовский ободряюще кивнул.

— Алло, Лариса?

— Да, — откликнулась женщина.

— Вам удобно сейчас разговаривать?

— Да, я вас слушаю.

— Меня зовут Кирилл. Вы просили позвонить, я только вчера нашел вашу записку, — он старался говорить холодно, как и положено человеку, обнаружившему, что кто-то рылся в его вещах.

— Да-да! — голос зазвенел от волнения. — Вы извините, что я залезла в чужой карман… Но вы были заняты, а потом сразу уехали.

«Речь, несомненно, о театре, — подумал Кирилл, — Влад прав».

— Странный способ заводить знакомства, — заметил Кирилл ледяным тоном. Разумовский поднял руку и как будто продавил ладонью вниз что-то невидимое. — Но вы меня заинтриговали, — чуть теплее добавил Кирилл, взглянув на начальника. Тот удовлетворенно кивнул головой.

— Если бы вы согласились встретиться, я бы вам все объяснила, — горячо заговорила Лариса. Голос стал ближе, видимо, она почти уперлась в трубку губами, — и у меня действительно есть для вас возможность дополнительного заработка!

— Если только вечером, — с сомнением сказал Кирилл.

— Да, давайте сегодня вечером! Вы сможете?

— Вот как раз сегодня смогу. А дальше я занят по вечерам всю неделю.

— Замечательно! — трубка вздохнула с облегчением. — Кофейня «Карт-бланш», это в самом центре, за зданием администрации, знаете?

— Да, конечно. Я буду не раньше семи.

— Как скажете, я так и подойду, Кирилл. Я и так перед вами виновата. До встречи!

Гольцов положил замолчавший телефон на стол, посмотрел на него, снова взял и убрал в карман.

— Зайдите к Порубову за оборудованием, — сказал Разумовский, — на предложение, каким бы оно ни было, соглашайтесь, но не сразу. Успехов, Кирилл Владимирович.

Разумовский пожал ему руку на прощание. Кирилл вышел в коридор, ослабил узел галстука и расправил плечи. Женщина казалась скорее напуганной, чем опасной, но ему все равно было

не по себе. И Кирилл принялся снимать синдром повышенной тревожности дедовским способом: вычислил того, кому еще хуже, и занялся благотворительностью, любуясь собственным благородством и щедростью.

— Марта, — позвал он в телефон.

— Да?

— У тебя как со временем?

— Как у всех, ни на что не хватает! — тут же пожаловалась Марта.

— Здесь у нас по центру Немцов бродит, весь разобранный и одинокий… Поболтай с ним, а?

— Кирюш, ты ведь не Разумовский, правда? А я не подразделение внутренней безопасности…

— Марта! Пожалуйста, помоги человеку. А то еще натворит чего-нибудь.

— Ты хоть знаешь, с какой по счету мочалкой он в театр ходил в тот день, когда афишу заметил? — презрительно фыркнула Марта. — Уж кто-кто, а наш мачо найдет, чем развлечься! — в голосе угадывалась тщательно скрытая обида. — Нашел, за кого беспокоиться… Детский сад.

— Марусь, — Кирилл постарался, чтобы голос звучал бархатисто-проникновенно, как будто разговор велся с клиентом-аудиалом, — так ведь они мочалки, а ты — бриллиант!

Марта рассмеялась и отключилась.

Кирилл намеренно подъехал к месту встречи с пятиминутным опозданием, припарковался и вышел из машины с телефоном в руке. Он успел отсчитать три длинных гудка, когда на крыльцо кофейни выскочила молодая женщина в короткой юбке. Кирилл приветственно махнул рукой и поднялся к ней по ступеням.

— Лариса?

— Да, это я. Здравствуйте, Кирилл.

Гольцов рассматривал собеседницу. На ней была кофточка с геометрическим рисунком и целомудренным вырезом. Дама считает, что бизнес-леди средней руки не пристало носить цветастые блузоны, все ясно. Короткая стрижка, глаза серо-голубые, аккуратно подведены, волосы мелированы. Руки ухоженные, с длинными ногтями, покрытыми бесцветным лаком с легкой примесью розового. Тонкие пальцы, унизанные кольцами, коснулись лежащего на столе мобильника, чашки с кофе, погладили полупрозрачную поверхность стола. «Кинестетик», — решил Кирилл.

— Я даже не знаю с чего начать… — растерянно сказала она и опустила глаза.

— Начните с рассказа о том, как вам удалось незаметно подбросить мне записку, — предложил Гольцов.

— Я видела вас в театре, — она прикусила губу, чуть покраснела под его пристальным взглядом, но извиняться еще раз не стала, — вы бросили пиджак на спинку кресла в четвертом ряду, перед тем как взбежать на сцену.

— Это было не совсем обычное представление, Лариса, — очень спокойно, даже чуть скучно сказал Кирилл, — как вы на него попали, если не секрет?

— Мою подругу позвала какая-то знакомая… Я выкупила у нее пригласительный. Я очень долго ее уговаривала, — Лариса погладила пальцами правой руки полукруглый вырез кофточки, как будто хотела нащупать дефект шва и вернуть вещь в магазин.

— Ну теперь все ясно. А в чем суть вашего предложения? — Кирилл продолжал деловую игру. Наверняка процесс переговоров был для собеседницы не в диковинку и она должна чувствовать себя более или менее привычно в рамках такой беседы.

— Вы можете мне дать то, что я искала тогда в малом зале этого проклятого театра! — неожиданно горячо воскликнула Лариса. — Вы один. Я вам заплачу, — ее глаза лихорадочно заблестели, — кровь, помните? Вы сказали: кровь на снегу. Она такая горячая, чуть дымилась. А снег… это был даже не снег, а ледяная корка, наст, твердый, как лед, очень холодный. Я все это чувствовала, почти как тогда, понимаете?

— Как когда? — тихо спросил Кирилл.

— Тогда, в больнице. Только там было… — она замялась. — Не так страшно, как у вас.

— Лариса, я могу с вами поработать индивидуально, вы об этом просите?

— Да!

— Хорошо, — все так же спокойно сказал Кирилл, — считайте, что мы уже договорились. О цене я скажу чуть позже, когда вы мне хотя бы немного расскажете, что с вами случилось. Вы лежали в больнице?

— Да, — казалось, она не очень понимает, о чем ее спрашивают, все еще купаясь в сладко-жутких воспоминаниях.

— Расскажите! — строго сказал Кирилл и тут же улыбнулся. — Такая молодая красивая девушка, и вдруг попала в больницу, — он покачал головой, — у вас был аппендицит?

Взгляд собеседницы снова стал осмысленным. Кирилл перебирал варианты, где еще она могла увидеть кровь, чтобы так на этом зациклиться. В голову ничего не приходило, но сидящая напротив женщина вела себя как стопроцентный абстинент на приеме. Только вместо цветных бабочек и дорогого блестящего

тряпья, как в случае с Таисией, она вспоминала совсем другое.

— Нет. Вы знаете, Кирилл, это такая странная история, — вздохнула Лариса, — я даже не знаю, что сказать…

«Нет, милая, ты не знаешь, поверю ли я тебе», — подумал Гольцов.

— Почему вы оказались в больнице, Лариса?

— Я хотела выкупить типографию полностью, перенервничала, и у меня давление подскочило. Раньше никогда такого не было! — Лариса покачала головой. — Неделю таблетки пила, как бабушка старенькая, — она чуть улыбнулась, — и врач кардиоцентра посоветовала заняться своим здоровьем, отдохнуть. Собственно, я не в больнице лежала, я тогда отказалась, не до того было. Я в местный санаторий путевку купила. Хотела за границу съездить, но тут разве оставишь… Только в Новый год.

Словно в подтверждение ее слов зазвонил мобильник, лежавший на столе, и Лариса минут пять разговаривала с кем-то про офсетную печать и дизайн визиток. Судя по металлу в голосе — с кем-то из подчиненных.

«Значит, все-таки санаторий, — подумал Кирилл, — точно Разумовский сказал, что мы вечно впереди всех. Да что ж за регион-то такой»!

— Вот видите, Кирилл! — виновато улыбнулась она. — Как тут давление не будет подскакивать? Как белка в колесе целыми днями. Если где и чувствовала себя живой, так это на той процедуре. Весь мир мой, ощущение полета, и музыка, и краски… — ее взгляд затуманился, утолки четко очерченных губ опустились вниз, и Кириллу показалось, что она сейчас заплачет. — Но очень дорого. Они уже несколько раз звонили, предлагали повторный курс… но просто неподъемно для меня, чтоб хотя бы раз в месяц или в два месяца, — Лариса горько вздохнула, но не заплакала, а, наоборот, вся подобралась и максимально деловым тоном заявила: — Мне кажется, вы владеете аналогичной методикой. Я хочу, чтобы вы со мной позанимались. Я буду платить вам за каждый сеанс, никаких чеков не надо. Могу даже вперед. Сколько у вас стоит та программа, которую вы представляли со сцены? До вашего появления я, сколько ни старалась, не смогла ничего ощутить, понимаете? Ни-че-го, — по слогам произнесла она, — а ведь там чего только не устроили! Даже перестрелку инсценировали. Глупость какая, — она пожала плечами, — лучше бы я дома диск с Ван Даммом посмотрела… Согласны? — с надеждой спросил Лариса.

— Да, действительно интересно, — несколько обескураженно произнес Кирилл, — но почему же обязательно без чеков, Лариса?

У меня есть возможность работать совершенно официально, в комфортных условиях, — он достал из кармана пиджака блокнот, — вот завтра с утра время есть, в 9.00. Один визит — примерно две тысячи рублей. Но если мы задержимся дольше, чем на два часа, еще почасовая оплата включится. Как вам такое предложение?

И Гольцов протянул ей визитку.

— Да-да. Я согласна, конечно! — просияла Лариса, схватила визитку, резким движением протянула руку к запевшему мобильнику и, не глядя, отбила очередной звонок. — Спасибо, Кирилл. Я думала, вы не придете…

И она как-то сразу сникла и съежилась над чашкой, отхлебнув остывший кофе.

— Тогда я, с вашего разрешения, откланяюсь, — церемонно произнес Кирилл, — и пойду готовиться к нашей завтрашней встрече. А как тот санаторий называется, напомните, — он чуть поморщился, словно и в самом деле вспоминал название, — у нас в городе сразу несколько лечебно-профилактических учреждений работают по этой оздоровительной программе, но, как вы, наверное, догадались, нюансы отличаются…

— «Три сосны», — тихо сказала Лариса, — я обязательно приду. До завтра.

Кирилл вышел, сел в машину, проехал квартал и припарковался к обочине. Холодный бледно-голубой отблеск витрины «Центротеха» затопил салон призрачным светом. Гольцов выключил мотор и уткнулся лбом в обод руля. Прямо перед ним припарковался черный «Лендкрузер». Мобильник завибрировал в беззвучном режиме.

— Да, — сказал Кирилл в трубку и выпрямился.

— Кирилл Владимирович, все в порядке? — раздался голос Олега Порубова.

— Да, Олег. Отдыхаю. Вы все слышали?

— Да. Уже работаем. Поезжайте, мы вас до дома доведем.

Лариса ждала его около «Рубикона» с восьми утра. Чем-то она неуловимо напоминала девочку с пешеходки, только не мокла под дождем, а стояла на крыльце. Кирилл пропустил планерку у шефа и провозился с клиенткой до самого обеда. И только через два часа от начала интенсивной работы со всеми тремя приманками Лариса прекратила попытки выскочить из кабинета и перестала ежеминутно твердить в полузабытьи о том, что продаст к черту все драгоценности, квартиру и машину.

Уходя, она недоверчиво улыбалась и грозилась прийти еще раз прямо завтра с утра. Но Гольцов, даже если бы хотел, не смог бы отодвинуть ради нее всех своих клиентов. И так сегодня с

одним из «выздоравливающих» работал Игорь Залесский, что было нарушением всех норм и правил и применялось в исключительных случаях.

— Как жизнь? — спросил Игорь, заглянув в кабинет.

— Ничего, но голова болит, — устало сказал Кирилл, — мне все время казалось, что она одновременно в передозе и в полном сознании…

— Пойдем, перекусим. У Марты где-то аспирин был. А я расскажу тебе, что было с утра у Разумовского. Мне доверили это ответственное поручение. Кирилл, ты меня слышишь?

— Слышу. Сейчас.

Кирилл нехотя поднялся и поплелся за ним. Мир не имел вкуса, цвета и запаха. Только звук. Аудиоприманку Кирилл воткнул Ларисе в уши, как плеер, и волшебная музыка играла только для нее, тесно переплетаясь с голосом психолога. Еще в мире сегодня все-таки существовали тактильные ощущения. В этом Кирилл убедился, незаметно для Залесского с силой ткнув вилкой в ладонь. А вкус и запах ему кинестетическая приманка все-таки выключила. И похоже, надолго. С обонянием шутки плохи — слишком много веков прошло, прежде чем запахи перестали играть в жизни homo sapiens ведущую роль. Уж что-что, а скатываться вниз по эволюционной лестнице при любом удобном случае человеку никогда особого труда не составляло. Вот Кирилл и скатился, рискнув включить эту функцию тактильной приманки. И как следствие — вместе с Ларисой вдоволь надышался приятными расслабляющими ароматами. «Надо было только сетку включить», — с запоздалым раскаянием подумал Гольцов, имея в виду тонкое плетеное покрывало — источник тепла и приятной легкой вибрации, которым он укрыл Ларису, как только она позволила уложить себя на кушетку.

— Игорь, а может, наша Маруся ферромонами пользуется? — вдруг спросил он. — Чего на нее все мужики бросаются? Даже Влад…

Залесский поперхнулся, поставил на стол чашку с чаем и покачал головой:

— Нет, Кирилл Владимирович. Ловкость рук, и никакого мошенничества. Это у нее природное, — он слегка улыбнулся, посерьезнел и испытующе посмотрел на Гольцова. — Кирилл, ты не слышал, что я тебе только что сказал?

— Нет, Игорь, извини, отвлекся…

— Ладно, доедай. В комнате отдыха поговорим, когда оттечешь немножко.

— Ой, Кирюшенька, — сказала Марта, обняв его прямо у дверей комнаты отдыха, — можно я тоже тебя буду Магистром

называть? Ты ведь не Немцов, не обидишься? Он всерьез бесится… Держи аспирин.

Прикосновение Марты он вопреки обыкновению почти не почувствовал, но стакан, который тут же оказался у него в руке, показался теплым, почти горячим. Кирилл вдруг понял, что сыт, а за окном отражался в окнах домов яркий солнечный день. Едва ли не первый этой осенью. Те грязные полосы, что Гольцов видел на стенах столовой, оказывается, были солнечными лучами. Проследив направление его взгляда, Надежда быстро встала с кресла, развернутого к окну, и пересела на диван.

— Садись в кресло, Кирилл.

— Зачем? — спросил он, залпом выпив горьковатую пузырящуюся жидкость.

— День за окном сегодня *яркий,* — лукаво улыбнулась Надежда и взмахнула пушистыми ресницами, — пронизан теплом и светом.

— Надя, не грузи меня, и так хреново, — проворчал Кирилл, плюхнулся в кресло, не удержался и все-таки взглянул в окно.

— Ага. Он снова с нами, — хмыкнул Игорь. — Итак, коллеги, как мы все знаем, Разумовский ждет проект работы на вечер, — он обернулся к Гольцову, — всех подняли в ружье, мы заканчиваем дела и ждем команды. Оперативники вышли на центр синтеза в «Трех соснах». Поскольку у нас есть опыт коллективной работы, наша славная четверка сегодня на выезде. Предлагаю устроить мозговой штурм на тему: что мы упустили в прошлый раз.

— Классификацию по степени погружения, — сказала Надежда, — мы разделили зал по геометрии помещения. В итоге в самом начале была неразбериха с теми, кто в экстазе на сцену полез.

— Принимается, — согласился Игорь, — но скорее всего нас ждет не зрительный зал, а что-то вроде больничной палаты.

— Приманки, — сказала Марта, — они маловаты для работы с группой. Нужен экран, к которому можно подключиться, как мы это дома делаем, если рядом телевизор стоит.

— Пожалуй, да. Остальные по помещению разбросать, как говорится, создайте объем. Что скажете? — спросил Игорь.

— И настроить на ведущего заранее! — добавила Надежда. — В прошлый раз не все на голос Гольцова среагировали, две крайние так и мигали до конца в вводном режиме.

— Что-то я не заметила, — обронила Марта.

Глаза у нее ярким солнечным днем были просто бездонно-синими.

— А я заметила! — заявила Надежда.

— Подождите, — вмешался оживший Кирилл, — а я что, снова на сцену?!

— Не переживай, Кирилл Владимирович, сцены там не будет, — утешил его Залесский.

— А куда именно мы едем, мы уже знаем? — спросил Кирилл.

— Да, с вероятностью девяносто девять и девять, — кивнул Залесский, — это приватная сауна с номерами… бывшая сауна, — поправился он. — Ее за хорошую взятку лет шесть-семь назад отгрохали на территории санатория, подальше от основных корпусов. Потом, говорят, власть сменилась, всех взяточников в очередной раз посадили, помещение обещали отдать санаторию под грязелечебницу, но денег не хватило, чтобы подвести все нужные коммуникации. Сейчас там арендаторы — клиника нетрадиционной медицины «Здрав будь». Платят исправно. Главврач очень доволен, говорит, что бассейн на их деньги наконец-то отремонтировал. Пациентам своим предлагает этих самых нетрадиционщиков, все счастливы. Степень вины главврача уточняется.

— Ага, — сказал Кирилл, — значит, если я на сцену, в смысле ведущим… Программу гнать, как в прошлый раз?

— Примерно по такой же схеме, — подтвердил Игорь. — Но с визуальным рядом не затягивай. Там скорее всего будет немалый процент кинестетиков. Проанализируй свою работу с этой Ларисой. Ты на видео писал?

— Писал.

— Ну вот. Только с учетом того, что приманки — не твоя забота. Мы их сами раскидаем, и в самом начале.

— Кирюш, а можно тебя попросить обойтись без ужастиков, — попросила Марта, — ну, там, без рек крови и всего такого прочего… брр, — она передернула плечами, — образно, конечно, но уж очень страшно.

— Слабонервным покинуть помещение, — улыбнулся Игорь, — работай, как сочтешь нужным, Кирилл. На сакральные символы, кровь и, как тут мне подсказали, — он взглянул на Марту, — все такое прочее — все ведутся с удвоенной энергией.

— «Нет, ребята, все не так, все не так, ребята»! — вдруг сказала Надежда, встала и прошлась по комнате. — Мы что-то упускаем. У нас какая-то дурацкая ролевая игра в специалистов в той области, где мы специалистами не являемся!

— Так и никто не является, уважаемая Надежда Каримовна, — сказал Игорь, — что-нибудь конкретное?

Надежда нервно пожала плечами и нахмурилась, остановившись напротив него:

— Это не театр, Игорь! Бог его знает, что они могли устроить в изолированном помещении. Кто-нибудь знает, как работают приманки? — вдруг спросила она.

— А мне не интересно, — сказала Марта и поджала ярконакрашенные губы.

Кирилл отрицательно качнул головой.

— Принципиальная схема выхода из транса та же самая, что и погружения, но со знаком минус, — сказал Игорь. — По мере того как человек уходит от прямого наркотического воздействия, начинается наш этап работы, целью которого в конечном итоге является сохранение психически полноценной личности, снабженной так называемыми «блокировками инициации». Чтобы не смотрели больше на странные картинки…

— Это общие слова, Игорь! — воскликнула Надежда. — У них будут перекрыты все три канала поступления информации, — она вдруг обняла себя за плечи, — нам предстоит бороться с технологией. Слова против технологии! Это все равно, что с самурайским мечом на танк: красиво и глупо. Нам нужен специалист совсем другого уровня. Кто-то из инженеров… физиологов… из тех, кто занимается разработкой генераторов помех, которые мы тут приманками называем. Я закрою окно? — спросила она.

«Какая красивая», — подумал Кирилл, глядя на Надежду. Темные глаза под росчерками бровей смотрели с лихорадочной убежденностью. Обычно бледные щеки порозовели. Не дожидаясь ответа, Надя сделала несколько шагов, вновь пересекла комнату, потянулась всем телом к ручке пластикового окна и закрыла его одним уверенным гибким движением. В комнате сразу стало как-то необычно тихо. Прошелестели жалюзи, и полоски солнечного света надежно спрятались за ними, пробежав по комнате.

— Я скажу Разумовскому, — негромко произнес Игорь.

Надежда была более чем убедительна.

— Но вряд ли это возможно. У нас в городе такого отдела точно нет, а Москва далеко.

— Поговори с оперативниками, — предложил Кирилл, — пусть оставят их специалистов на рабочем месте. Если таковые там будут. Я думаю, что не только наших разработчиков держат за семью печатями, но ты все-таки намекни Порубову. Чтоб его парни не переусердствовали…

— Кирилл, а твоя подопечная, — спросила Марта, — она что-нибудь помнит?

— Нет. Сколько ни пытался выудить, она даже под гипнозом повторяла только общие слова, бормотала что-то про «абсолютную гармонию», «полет» и счастливо хихикала. А потом

бросалась на меня с криками: «Верните меня туда».

— Значит, общая схема без изменений, — подытожил Игорь, — самураи, Наденька, тоже кое-чего стоили. Ты права, но никто нам суперспецназ с лабораторией из центра не пришлет. У них своих забот хватает, судя по тому отчету, который начальник привез в последний раз. И кстати, в той частной московской клинике применялись самые обычные методики погружения. Просто все вместе.

Надежды Игоря Залесского не оправдались. Вечером сотрудникам отдела индивидуальной коррекции представился повод лишний раз убедиться, что не оскудела талантами земля русская. И похоже, таланты эти сосредоточились на местном ЗТК — заводе техконструкций, который в доперестроечные времена славился… А чем он, собственно, славился? Судя по тому, что Гольцов навскидку не вспомнил, чем именно знаменитое градообразующее предприятие родного Ливаровска, кроме известных на всю страну мангалов и вентиляторов, предприятие это работало на оборонку. Работало, видимо, успешно, потому как именно ЗТК принялись первым делом растаскивать на «дочки» в смутные девяностые. Часть завода все-таки выжила, переориентировавшись на медицинскую технику. Революционные ливаровские разработки медицинских приборов свет так и не увидели: на российский рынок уже прорвались западные компании. А вот всякую мелочь вроде одноразовых пеленок, капельниц и памперсов для лежачих больных ЗТК штамповал, год от года наращивая производство. Может быть, остатки квалифицированных кадров отчаянно скучали. Может быть, хотели есть и ездить в Турцию с семьями или любовницами… Кто знает? Люди иногда так непредсказуемы в своих поступках и желаниях. Но как бы то ни было, Ливаровск как говаривал Разумовский, приезжая с московских совещаний, опять оказался впереди планеты всей.

— Игорь Александрович, — тихо сказал Олег Порубов, приоткрыв дверцу машины, — вы можете начинать, местные специалисты там, — он кивнул головой, — их пришлось оставить на месте. И… — Олег замялся. — Я понимаю, здесь все психологи… крови никто не боится? — вдруг спросил он.

— Нет, — ответил Залесский за всех.

— Пошли.

Он сделал два шага назад, оглянулся в темноту на невидимое оцепление и повел группу к запасному выходу из трехэтажного кирпичного здания. Затянутый в черную форму Олег двигался с той же грацией смертельно опасного хищника, которую Кирилл наблюдал у Влада Немцова. Только если Влад с этим родился,

Порубов этому научился. И использовал как инструмент, по необходимости. Вот, например, сейчас: типичное «Олег на работе. Вооружен и очень опасен».

Кирилл оглянулся на смешанный лес, который начинался прямо здесь, отгороженный от здания узкой полоской газона и защитным кругом дорожки, вымощенной разноцветной плиткой, — смехотворная преграда. Еще немного, и сказочные столетние деревья, чьи верхушки качались высоко над крышей особняка, двинутся вперед, выпьют корнями воду из бассейна перед центральным входом и раздавят человеческое творение, как скорлупку. Кирилл невольно оглянулся, всматриваясь в темноту, но деревья только молчаливо роняли с веток остатки жухлой листвы.

— Значит, так, — сказал Олег перед дверью, — их программа рассчитана в среднем на три-четыре часа. Раньше сеансы ни разу не прерывались досрочно. В зале два их специалиста, которые, конечно же, готовы сотрудничать, но опасаются за жизнь и психическое здоровье своих клиентов. Не хотят, чтобы на них еще и убийство повесили. Сейчас мы только заглянем, чтобы вы могли оценить обстановку. Команду на выключение аппаратуры ждем от вас. И чем скорее — тем лучше. И задержанных, и своих я бы хотел как можно скорее оттуда вывести. Задержанных, понятно, чтобы допросить по горячим следам, а своих… Заходим.

Он распахнул дверь. В глаза ударил свет. Яркий белый свет, какой, наверное, бывает только в операционных или на съемочных площадках. Ни там, ни там Кирилл не был, но почему-то именно эти ассоциации первыми вынырнули на поверхность из глубин подсознания. Съемки в операционной. И что снимаем? Кирилл едва не наткнулся на замершего на пороге Игоря. Залесский сделал шаг, но не вперед, а в сторону, как будто уперся в невидимую преграду. Надежда беспомощно обернулась на дверь. Марта, шедшая последней, сжала Кириллу ладонь. Ее рука была ледяной и тянула, тянула тепло чужой руки. Словно старалась заполнить им оболочку, в которой тряслась от страха женская сущность.

Их было шесть. Шесть богатых, по местным меркам знаменитых, уставших от жизни тел, возлежащих в креслах, смахивавших на те, что устанавливают в дорогих стоматологических клиниках. Спинки кресел опущены почти в горизонтальное положение. Приподнят только головной конец. Так что полуоткрытые глаза четырех женщин и двух мужчин неподвижно смотрели в одну и ту же точку пространства. И в до предела расширенных зрачках отражался кроваво-красный хрусталь странной конструкции, подвешенной перед каждым из

клиентов.

Больше всего она напоминала люстру с бесчисленным количеством хрустальных подвесков и стрел самых причудливых форм. Но в нагромождении стекла прослеживалась в то же время строгая, почти совершенная симметрия. Геометрически безупречная конструкция расширялась сверху вниз, точно пирамида из фужеров, в которой достаточно лить шампанское в самый верхний бокал, а в остальные оно стекает благодаря законам гравитации и искусству официантов, изрядно попотевших перед торжеством. В глубине стеклянного чуда едва просматривалось нечто вроде центрального ствола, от которого к укрытому одноразовой пеленкой животу клиента свисал гибкий тонкий хобот. Вместо психоделической музыки помещение заполняли звуки падающих капель, тонкий шепот ручейков, журчание маленьких водопадов. Пахло озоном и свежестью, как после грозы.

— Господи… — тихо сказала Надежда. — Они показывают им собственную кровь…

Кроваво-рубиновые оттенки, игравшие в бесконечных хрустальных гранях чуть заметно подрагивавших конструкций, раскрыли подлинное значение красного цвета, все время ускользавшее от Кирилла, рефлекторно блокировавшего визуальный канал восприятия. Кровь. Тягучая, липкая, текуче-живая, она вырывалась из прикованного к кровати тела, выбрасывалась давлением высоко вверх и металась в хрустальной тюрьме, постепенно слабея в своем яростном порыве. Достигнув вершины конструкции, она обессилено скатывалась вниз по идеально скользкой поверхности прозрачного лабиринта и возвращалась… в вену? В ту же самую артерию? Чтобы с новым ударом сердца возобновить попытку вырваться на свободу.

— Гипоксия, — хрипло сказал Игорь, — эффект примерно такой же, как когда душат человека во время секса, а он впадает в эйфорию. Еще версии есть?

— Давление низкое, почти коллапс. На грани обморока всегда в ушах шумит, — еле слышно откликнулась Надежда, — каждый слышит свою музыку. Капель — всего лишь фон.

— Нет ничего страшнее и притягательнее смерти, — вдруг сказала Марта и выдернула ледяную ладонь из такой же ледяной руки Кирилла. Кирилл качнулся, но устоял на ногах. — Нет ничего прекраснее возвращения к жизни. Кровь — символ символов. Самые страшные заговоры всегда делались на ней, — пояснила она и обернулась на коллег, — этап смерти наши подопечные уже прошли. Придется поговорить с ними о жизни и вечной юности.

— Мы готовы, — сказал Игорь Порубову, — отключайте их.

Олег махнул рукой тем, кто находился в невидимой отсюда аппаратной:

— Подождите в комнате отдыха, — обратился он к Игорю, — отключение займет не больше десяти-пятнадцати минут. Потом начнут оживать.

— Откуда… откуда такое оборудование? — сдавленно спросил Кирилл. — Знаете уже?

Порубов кивнул:

— Говорят, на ЗТК для областного кардиоцентра разрабатывали, а те у немцев купили. Эндо… — ч-черт, не помню, Кирилл Владимирович. В общем, для операций на сердце и сосудах. Бесшовная технология, ноу-хау какие-то. Хобот, который от живота к люстре тянется, прямо в аорте стоит. Управление манипулятором с обычного компьютера. Мужик, который идею кинул, — в Штатах давно уже. Я посигналю.

И Олег растаял в глубине коридора.

— Экран на стене видели? — спросила Надежда, глядя вслед Порубову.

— Да, — ответил за всех Игорь, — был какой-то вводный режим, перед тем как до сосудов добрались. И это облегчает нам задачу. Кирилл, свою приманку туда подключи. И начинай, как в прошлый раз. «Кровь на снегу»… — он на секунду сжал виски руками. — Какой удачный образ. Кто бы мог подумать…

— В данном случае — на льду, — подсказала Надежда. — Ребята… что от них осталось? — тихо спросила она.

Кирилл вздрогнул и поднял глаза:

— Лариса же смогла сопротивляться некоторое время. Даже без нашей помощи. Правда, судорожно искала замену и постоянно пребывала на грани срыва, но тем не менее…

— Они с ней просчитались, — сказала Марта, — она совсем из другого теста. Добилась всего сама, деньги из ушей не валятся. И ее бизнес для нее как ребенок — ни продать, ни предать не может. Помните, чем она готова была пожертвовать, что называла? Машину, квартиру, драгоценности. А у нее на сегодняшний день три салона в городе и типография с кем-то на паях… Три! Я бы тут же один отдала. А Лариса наша в абстиненции бегала по кинушкам и театрам, Гольцову деньги предлагала, только чтоб не разориться. Я ей искренне желаю до миллионера дорасти.

— Ничего, — сказал Игорь, — у этих тоже что-нибудь найдется, что их к жизни пристегивает. Ты нам, Кирилл, их, главное, на речевой контакт выведи. Дальше разберемся, — он уставился на стену, где висел плакат о здоровом образе жизни. —

Это ж с какой точностью надо давление крови регулировать, — пробормотал Залесский, — чтобы не умирали, но и в себя не приходили, оставаясь на границе жизни и смерти…

— Мир изменился, — Кирилл подышал на ледяные пальцы, — все! Бесповоротно. Стопроцентная возможность манипуляции. Вспомните первые ЭВМ — они целые залы занимали, а мы ходим с наладонниками. Технология синтеза уже есть. И она стремительно дешевеет, раз добралась до нашего славного города. Там ведь не миллиардеры лежат, не голливудские звезды. И это — только один из вариантов, причем кустарный. Когда у нас ближайшие президентские выборы?

— Через три года, — тихо сказала Надежда.

— Будет бойня технологий, — подытожил Кирилл. — А знаете, на ком обкатали синтез? На нас!

— Почему?! — спросили Надежда с Мартой.

— Потому что у нас все три канала восприятия видоизменены, иначе мы бы давно на все это подсели! Только для сотрудников «Рубикона» технология синтеза применялась со знаком минус. В виде блокировочной системы вроде той, которая в приманках установлена.

— Кирилл, а что тебя смущает? — спросил Игорь Залесский. — Людьми манипулировали всегда: с помощью религии, войн, денег, сверхценной идеи — всего не перечислишь. Ты что, хочешь сказать, что в обществе когда-то была истинная свобода? — он пожал плечами. — Даже если ты прав, лучше пусть моим детям мозги в нужную сторону разворачивают, чем сбросят на них ядерную бомбу или голодом уморят. Пойдем работать, Олег сигналит.

Их развезли по домам уже под утро. Кирилл перешагнул порог собственной квартиры и остановился. Эти две комнаты могли принадлежать кому угодно. Не было ощущения дома, каким он был в детстве. Не было запаха кожи и табака, который встречал его, притаившись в отцовской куртке на вешалке, вечно тершегося под ногами кота, аляповатого натюрморта, висящего на стене в гостиной, из-за которого вечно ругались мать с отцом. Кровь на льду. Грань жизни и смерти… Он бы многое отдал, чтобы это испытать на себе… Кирилл, не раздеваясь, прошел на кухню, закатал рукав плаща и полоснул ножом по запястью. Кровь побежала, а затем закапала на пол частыми каплями. Не то! Он схватил телефон: позвонить Ларисе, спросить фамилию врача кардиоцентра, который ее в «Три сосны» отправил? Если он замешан, его уже допрашивают. Еще некоторое время Кирилл метался по квартире, пока не признался себе, что постепенно

сходит с ума.

Тогда он обмотал запястье лейкопластырем прямо по ране, вышел из дома, в промозглом осеннем тумане добрел до ближайшего круглосуточного супермаркета и под удивленными взглядами полусонных продавщиц предъявил на кассе дурацкую картинку в рамке, на которой лубочный заяц радостно прыгал по солнечной полянке. Прижимая к себе произведение массового искусства так, словно это был портрет работы Леонардо да Винчи, свободной рукой Гольцов вытащил телефон.

— Кирилл? — удивленно сказал сонный голос. — Что случилось?!

— Привет, Влад. Выпить хочешь? Я компанию ищу.

— Хм… а сколько времени?

— Пол-шестого.

— Утра или вечера?

— Утра.

— Н-ну… уже снова могу. Наверное… А ты меня потом закодируешь?

— Не вопрос.

— Тогда приезжай.

Кирилл положил картину на подоконник, вернулся в торговый зал и снова вышел к кассе с двумя бутылками водки в руках. В осоловелых глазах продавщиц засветилось понимание. Кассирша удовлетворенно кивнула и даже что-то приветливо буркнула, порадовавшись за покупателя, к которому вернулось чувство реальности. Засовывая бутылки в один пакет с зайцем в рамке, Гольцов вспомнил слова соседа дяди Коли о том, что водка нынче не та. Но какой должна быть «та» водка, Кирилл не знал. Скорее всего, и Влад тоже. И потому современный вариант традиционного напитка их обоих вполне устраивал.

Александр Голубев
Рекрутер

Рассказ

— Все, — сказал Костя, остановив ЗИЛ перед широким песчаным переметом, слизнувшим кусок шоссе, — дальше не поеду. Если сяду, полчаса мудохаться, не меньше.

Витька, прищурившись, прикинул расстояние.

— Метров двадцать всего. Может, проскочим?

Костя насмешливо посмотрел на Витьку.

— А если нет, вы с Юриком меня вместо тягача выталкивать будете? Мне через двадцать минут на аэродроме надо быть, так что гоните сигареты и мотайте. Если что, я вас не видел, а вы меня тем более.

— А что, если что? — спросил Юрка, доставая из нагрудного кармана голубой тропической куртки три пачки «Охотничьих». В кабине он сидел с краю, выставив в раскрытое боковое окно локоть, стараясь не прижать его к раскаленной снаружи двери.

— Да хрен вас знает! — пожал загорелыми дочерна плечами Костя, он был в одних трусах и кожаных тапках. — Шарахаетесь где ни попадя. Вчера ночью на складе ГСМ кто-то пальнул. Часовой говорит, пуля прямо над головой прошла. Хорошо, вьетнамцы с автоматами прибежали. А к вам кто прибежит?

— Кто, кто… конь в пальто — проворчал Витька. — Не хочешь дальше везти, не надо. Пошли, Юрик. Учить еще будет, куда ходить, куда нет. Сам-то на своем ЗИЛке по ночам носишься, кроликов давишь, это нормально?

— Я по дорогам, на них мин нет. А вы по дюнам лазите, там никто ж не проверял.

— Вот мы и проверим, — сказал Юрка, ступая с подножки на проминающееся под каблуками асфальтовое покрытие.

— Ага, — добавил Витька, спрыгивая рядом с ним и захлопывая раздраженно скрипнувшую дверь. — И тебе доложим. Разрешите идти, товарищ командир?

— Да пошли вы! — огрызнулся Костя, развернул машину и с ревом умчался.

Юрик проводил его взглядом. Обратно придется топать пешком, это километров десять, по сорокапятиградусному пеклу и с одной флягой воды на двоих. Хотя к жаре они за год

привыкли, а пить хочется только первые полчаса; если перетерпеть, жажда пропадает.

— Чего стоим, пошли, — пихнул его в бок Витька. — Если до вечерней поверки не вернемся, кипеж на весь городок подымется!

Юрик шагнул вперед, и нога провалилась в горячий песок, тут же набившийся в ботинок. Он привычно пожалел, что не сделал себе «вьетнамки» из автомобильной покрышки, но это было такое тягомотное и нудное дело, что лучше уж ходить в армейских «прогарах».

Витька зачем-то разулся и сделал несколько шагов, но подошвы так обжигало, что он зашипел от боли и поспешно натянул ботинки на ноги.

Дорога тянулась между невысокими песчаными холмами, поросшими кустарником с выцветшей до буро-желтого цвета листвой. Оттуда так громко и пронзительно звенели цикады, что казалось — невидимые, они летают в воздухе где-то рядом, возле самого уха. На склонах, будто зрители в амфитеатре, замерли вараны и безучастно смотрели на идущих людей, подрагивая узкими раздвоенными язычками. За грядой холмов было море, и шум прибоя перехлестывал через кустарник, накатывая волнами.

Они миновали первый перемет, потом второй, третий, сначала они разувались и высыпали из обуви песок, а потом перестали, потому что скоро дорога оказалась почти полностью засыпанной уже не переметами, а настоящими дюнами, и асфальт только изредка выныривал черными проплешинами.

Руки и ноги у Витьки были багровые, точно ошпаренные кипятком, — к нему совсем не приставал загар, кожа просто краснела, а потом облезала клочьями. Ему бы не шорты и безрукавку носить, а нормальные брюки и рубаху с длинными рукавами, но Витька не сдавался, утверждая, что рано или поздно организм все равно адаптируется к солнцу Вьетнама.

— Витек, что Наташка пишет?

— Как обычно — ждет. Вчера три письма сразу получил. Как дембельнусь, сразу распишемся. Свадьбу сыграем — весь поселок приглашу!

— А у меня родители квартиру новую получили. С окнами на бухту, представляешь, просыпаешься — море, сопки, корабли на рейде. Лепота!

— Да, только до дембеля еще три месяца вялиться…

Через полчаса холмы начали отступать к морю. Появилась небольшая долина, сплошь обнесенная спиральной колючей проволокой в три ряда — два внизу и один сверху.

За проволокой когда-то был военный городок, от которого остались покореженные ангары, остовы низких казарм и обгорелые трехосные армейские грузовики с мотками ржавой проволочной корды вместо колес. На дверцах еле различимо белели пятиконечные звезды и надписи:

US ARMY

За ангарами отблескивала на солнце огромная нефтяная емкость, прошитая очередью из крупнокалиберного пулемета. По всей территории городка из мешков с песком были оборудованы полуразваленные позиции для стрельбы.

— Ну, я ж говорил, что Мынь не врет, — Витька остановился и оглянулся на Юрку. — Вот он, городок!

Юрка вытащил из чехла флягу и сделал глоток. Фляга была американской, как и зеленый армейский ремень с пристегнутым чехлом, все это он выменял у вьетнамцев за пару кусков хозяйственного мыла.

Юрка протянул флягу Витьке:

— Слушай, Витька, а зачем тебе оружие?

Тот отхлебнул, закрутил висящий на цепочке колпачок и вернул флягу.

— Потому что я не хочу вернуться со службы, ни разу не выстрелив из автомата. Вот родится у Наташки сын, вырастет — и спросит: папа, а что ты в армии делал? Что я ему отвечу? Ямы копал? Гвозди забивал? А я хочу, чтобы он меня считал настоящим мужчиной, чтобы он мной гордился, понимаешь?

— Понимаю.

— А тебе зачем?

— А фиг его знает. Ты пошел, и я пошел, за компанию. Черт, везде эта проволока, не перелезешь. Давай дойдем до КПП, там пройти можно.

Перешагнув через лежащий на песке шлагбаум, Юрка пнул валявшуюся вверх тормашками пластиковую каску с буквами MP. Каска, кувыркаясь, пролетела по отлогой дуге, врезалась в рифленую стену казармы и упала возле зеленого патронного ящика. Дремавшие вараны брызнули врассыпную по своим норам.

Юрка подошел к ящику, откинул деревянную крышку и достал магазин:

— Смотри, заряженный, для М-16. Тут их штук двадцать. Будем брать?

— Такого добра и на аэродроме полно, ты автоматы ищи, а не обоймы. Сначала по казармам пройдем, потом по ангарам. Ты в этой смотри, а я в следующей.

Через десять минут они встретились возле ангара с

развороченной взрывом крышей.

— У меня пусто, — сказал Витька. — Там, кроме тумбочек и кроватей, ничего. Патронов, правда, до фига. Вот еще эту штуку нашел.

Он разжал ладонь и показал продолговатую гранату без взрывателя.

— Я отсюда взрывчатку выдолблю и пенал для ручек сделаю. Домой вернусь — на письменный стол поставлю. А у тебя что?

— Голый вассер.

— Так мы ничего не найдем. Надо щупы сделать и искать в песке. На аэродроме так штук двадцать нашли. Вон, арматура валяется, как раз то, что надо!

Витька прошел в ангар, поднял с бетонного пола метровую арматурину, выпрямил ее и сделал выпад:

— Сэр, я к вашим услугам! Кого здесь нужно проткнуть?

Первым винтовку нашел Юрик. Он прощупывал песок возле нефтяной емкости, а Витька ползал у грузовиков.

Арматурина уперлась во что-то на глубине около полуметра. Юрка еще несколько раз проткнул песок, пока не убедился, что это длинный и узкий предмет. Копать было легко, и через несколько минут он наткнулся на пластиковую пистолетную рукоятку. Юрик разгреб песок и вытащил за цевье штурмовую винтовку М-16. Выдернув из ствола резиновую заглушку, Юрик заглянул в канал — песка не было.

Он поднял винтовку над головой и заорал:

— Витька, я нашел, смотри!

Тот взял винтовку в руки, покрутил и, прочитав надпись: Colt AR-15, — с завистью сказал:

— Может, тут еще есть, давай посмотрим?

— Слушай, Витька, мне эта штука особо не нужна, если хочешь, бери ее себе.

— Ты серьезно?

— Конечно. Дарю!

— Спасибо, Юрик. Ты настоящий друг.

— Да ладно тебе. Надо будет рядом порыться, может, тут у них целый склад?

— Успеем, раз одну нашли, должны еще быть, давай лучше постреляем!

— А не разорвет? — опасливо спросил Юрка.

— Почему разорвет-то? Васька под причалом нашел, на десятиметровой глубине, и то стреляла, а эта в песке лежала!

Юрка наклонился:

— Где тут предохранитель?

— Да вот, слева. Сначала поставлю на одиночные.

— И куда будешь стрелять?

— Да хоть в небо!

— Не, в небо не интересно. Давай в цистерну. Только отойди подальше. Интересно, пробьет или нет?

Витька отсчитал двадцать шагов и выстрелил.

Пуля попала в сварной стык между листами, емкость низко и басовито загудела, будто гигантский колокол, врытый в песок.

— Попал! — восхитился Юрка.

— А ты как думал? С такого расстояния в такую бандуру! Вон, дырка отсюда видно. Надо очередями попробовать.

Стрельнуть очередью Витька не успел, потому что нефтяную емкость закрыл какой-то круг метров десять диаметром. Сначала круг был почти невидимый, полупрозрачный, и емкость через него видно было будто бы в легкой дымке, потом поверхность круга словно подернулась серым льдом и наконец стала совершенно черной и твердой с виду, как стальная стена.

— Что это за дерьмо? — ошарашенно спросил Витька и поднял ствол винтовки.

— Да хрен его знает, — пробормотал Юрик и добавил: — Не пора ли нам отсюда сваливать? У меня такое ощущение, что дембель в опасности!

Из черного круга высунулась чья-то рука, потом локоть, плечо, и наружу вывалилось существо двухметрового роста, в комбинезоне желто-коричневой камуфляжной окраски и каком-то летном гермошлеме с золотистым, совершенно непрозрачным стеклом.

Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего оружие, у существа не было.

Некоторое время они стояли молча, глядя друг на друга, разделенные несколькими метрами горячего песка.

— Ты кто? — спросил Юрка. — Летчик? Тебя сбили? Ты американец?

— Говори по-английски, — сказал Витька, не опуская винтовки. — Чего ты его на русском пытаешь?

— Ху а ю? Американ пайлот? Вэа из е плэйн?

Существо не отвечало, только ворочало головой.

— Молчит, — сказал Витька, — не понимает.

— Или не хочет понимать. Что будем делать?

— Как что? У нас есть оружие, а у него нет. Мы на своей территории, а он скорее всего диверсант. Надо его арестовать и отвести к нам в часть.

— Кто вы такие? — вдруг медленно выговорило существо.

Витька и Юрик переглянулись.

— Может, наш? — шепнул Юрик и ответил: — Мы-то дембеля, а вот ты кто?

— Я рекрутер. Мне нужны воины. Один из вас держит в руках оружие. Значит, он воин.

— Что значит — мне нужны воины? Мы уже свое отслужили, три месяца до дембеля, так что нам до фонаря, мы уже почти дома, ясно? — ощетинился Витька.

— Мне нужны воины, — повторило существо механически-бесстрастно. — Я видел, как ты стрелял в цель, — значит, ты воин. Я рекрутирую тебя, в моем мире идет война, и без помощи извне нас уничтожат.

— Какая на хрен война, — заорал Витька. — Меня невеста дома ждет уже два года, манал я вашу войну, сами воюйте! И вообще, я стройбатовец, понятно? Мы здесь строим, интернациональный долг, слыхал про такое? А винтовка — это так, чужая, просто пострелять взяли! Я за два года, кроме лопаты, в руках ничего другого не держал. Стоило только разок за оружие взяться, как меня уже на какую-то войну загребают!

— У меня мало времени, — голос существа был таким же глухим и невыразительным. — Если ты не пойдешь добровольно, я применю силу.

— Получай, мудак! — злобно сказал Витька и выстрелил ему в живот.

Пуля со злым визгом отрикошетила и ушла в небо.

— Оружие дикарей, — прокомментировало существо и вытянуло руку в направлении грузовика. От ладони отделилась зеленая молния, она хрупнула над кузовом грузовика, превратившись в белую вспышку, под ногами качнулось, и на месте грузовика осталась только воронка с оплавленной поверхностью.

— Ты будешь обладать такой же силой! — в голосе существа ясно послышалась гордость. — Быть настоящим воином — разве это не единственный смысл жизни?

— Сволочь, — обреченно ответил Витька. — Сдохнуть где-то у черта на куличках, вместо того чтобы жить в своем доме, воспитывать детей… Я люблю Наташку, тебе это ясно? Никуда не пойду, хоть что делай!

Существо протянуло руку к Юрику.

— Твой друг умрет. А потом умрешь ты. Или согласишься. Выбирай.

Юрка вздохнул, медленно подошел к Витьке и забрал у него винтовку.

— Ладно. Я пойду. Видишь — у меня оружие, значит, я воин. А от него толку все равно не будет. Пусть он уходит.

— Юрик, ты чего, тебе жить надоело? Никуда ты не пойдешь, и я не пойду. Это все бред какой-то, мы с тобой просто на солнце перегрелись. Очухаемся, вернемся в часть, и больше никаких винтовок и гранат, все, завязали!

— Вот видишь, — сказал Юрка существу. — Он не воин. Не будет он воевать. А я буду. Ну так что?

Существо решало.

— Чего молчишь-то? Сколько у вас служат-то? Год? Два?

— До полной победы, — каким-то безрадостным голосом ответило существо.

— Ну до победы, так до победы! Пошли, что ли, у меня уже руки чешутся, я им, сукам, устрою. Они узнают, какие звери в советском стройбате служат!

— Хорошо, я рекрутирую тебя, — подтвердило существо.

Юрка воткнул винтовку стволом в песок и стукнул Витьку кулаком в плечо:

— Бывай, Витек. Ребятам привет передавай. И родителям моим напиши, только не ври ничего, напиши, как все было.

Витька смотрел, как Юрка, будто растворяясь, исчезает в черном круге.

— Юрка, стой, я пойду! — вдруг крикнул он, но тот только махнул на прощание рукой и пропал, как будто его здесь и не было.

— Ты не воин, — осуждающе произнесло существо. — Живи, работай, плоди детей, может быть, они станут настоящими солдатами!

Существо шагнуло в черноту и исчезло вместе с кругом.

Витька стоял один среди развалин военного городка. Все так же звенели цикады и с дюн безучастно смотрели вараны, только Юрки не было рядом. Осталась лишь торчащая из песка винтовка.

— Оружие дикарей… — пробормотал Витька, выдернул ее из песка и, проваливаясь, побрел к дороге. У взорванного ангара он остановился и, широко размахнувшись, ударил винтовкой об угол. Приклад треснул, и из него высыпались какие-то детали.

— Оружие дикарей! — с ненавистью процедил Витька и на выдохе треснул винтовкой еще раз. Приклад отвалился. Витька колотил до тех пор, пока винтовка не разлетелась на куски.

Когда в его руках остался ствол с каким-то огрызком пластика, он швырнул его изо всех сил, точно гранату, с которой сорвали чеку. Ствол, кувыркаясь, пролетел над грузовиком и упал возле нефтяной цистерны.

Витька прислонился спиной к обжигающей металлической

стене ангара, сполз вдоль нее на песок и заплакал.

Над головой, в поблекшей от жары выси, парила огромная серая птица с коричневой каймой на крыльях, она кружила в небе, словно сорванный ветром лист в медленном водовороте бескрайней реки.

Сергей Байтеряков, Наталья Егорова
Дело папы Карло

Рассказ

Нашим отцам посвящается.

Когда за окном рвануло, Джон Корти выравнивал край детали, наклонившись над верстаком. Массивный мужчина с длинными руками легко вел фрезер, насвистывая арию. Хлопок разрыва, явственно слышимый сквозь вой инструмента, оборвал мелодию и заставил мастера дернуться. Джон задел макушкой за нависающую полку, хотел увернуться от новой напасти — и обрезок дерева подвернулся под ногу.

Корти сидел посреди разгрома, кляня удалявшиеся хлопки: в город вернулась мода гонять на байках со снятыми глушителями. К привычным запахам древесной пыли и смолы добавился привкус гари, а сорвавшаяся из-под струбцин деталь впивалась ему в бок. И смотреть на нее не хотелось.

Верх рамы был испорчен безвозвратно: фрезер пропахал по махагоновой доске глубокие кривые борозды и она переломилась при падении. Несколько минут Корти рассматривал заготовку, пытаясь понять, можно ли ее исправить. «Не ври себе, Джон, — отец с фотографии смотрел строго, — не ври. Лучше собирайся за материалом. До именин Клариссы — четыре дня».

* * *

Джон Корти любил этот маленький рынок, втиснутый между зданием Bank of Honest man и супермаркетом. Но и здесь ему не повезло. Ни уговоры, ни полицейский жетон не смогли изменить ответ: «Через две недели…» «Только для тебя, Джон, — десять дней и плюс пятнадцать процентов». «Махагон? Давно не было».

В другое время Корти радовался бы возможности погулять между рядов, покрутить планки и железки в пальцах… Но не сейчас же! Пятый (и последний) рынок — пусто. Канадская лиственница, американский орех, небольшие досочки цезальпинии. И бесконечные патроны-картриджи к мультикам,

торговля которыми пробралась даже сюда. На очередного шпаненка, приставшего с «оригинальными» картриджами, Джон рявкнул так, что того сдуло.

— Куда катится мир! — Мганда бесцельно подвигал сверла. — Мебель-мультиформер убивает высокое мастерство краснодеревщика.

— Мужчина только тогда мужчина, если он руками…

— Я разве спорю? Но кому мы теперь нужны: воткнул в куб патрон — и хоть тебе гарнитур Людовика XIV, хоть стол из карельской березы… А махагона у меня нет. К Ма Фу сходи. Из новеньких. Толкает патроны, но, говорят, может и дерево найти.

— Не люблю я этих пушеров…

Приятель только плечами пожал: дескать, кто ж их любит…

Ма Фу Джон нашел легко. Держась принятого на рынке этикета, Корти издали рассматривал пушера, пока тот не закончил с предыдущим клиентом. Парень ему не понравился: шумный, неряшливый. «А, ладно, не в ресторан с ним идти…»

— Маф? Дерево нужно.

— Меня зовут Ма Фу. Ма — фамилия, Фу — имя, — вблизи обаяния у парня не прибавилось. — Какое и для чего?

Джон назвал размеры и материал, сказал, для чего. Пушер помолчал.

— С махагоном нынче тухло. Давай я тебе сразу зеркало сделаю. Или найду готовое.

Корти развернулся и медленно пошел прочь. Пушер бросился следом.

— Нет, ну я хороший патрон найду, новенький эксклюзив или элитку. Никто и не отличит даже…

Джон рывком обернулся, схватил юнца за грудки.

— Да ты…

Но тут комм на руке задергался.

— Подъезжай на угол сорок восьмой и пятнадцатой, — шеф, как всегда, не считал нужным здороваться. — Там труп.

Джон посмотрел на обмершего пушера, буркнул: «Я мелочью не занимаюсь, гуляй!» — и побрел к машине. Но его снова тронули за плечо. Побелевший парнишка протягивал визитку. «Упорный…» — пробормотал коп и карточку взял.

* * *

— Ну и?

— Несчастный случай. Не повезло мужику…

Не согласиться с этим было сложно. Тело лежало, придавленное угольно-черным шкафом, и озерцо крови успело подернуться бурой пленкой.

— Ему распахнувшаяся дверца прямо в ребра вошла, — пояснил эксперт. Джон, присев на корточки, рассматривал тело.

Вторая черная дверца, сорвавшаяся от удара с петель, валялась рядом. Джон еще раз оглядел комнату: роскошная — все шестнадцать метров, не чета его одиннадцати. Мебели мало. Кроме шкафа, лежащего поверх несчастного хозяина, да стола со стулом — только фотоэстампы по стенам. Шкаф выглядит словно инопланетный корабль: враждебный, чужеродный, угрожающий. Черный зверь, пожравший своего владельца. Если б не материал, был бы обычный комод в шейкерском стиле.

— Псих! — и на вопросительный взгляд эксперта пояснил: — Хозяин этого был псих. Надо же: заказать вещь в таком исполнении. Если б в дереве… — Заметил ехидные рожи вокруг. — Что я такого сказал?

— Карло, вон стол стоит — из чего сделан?

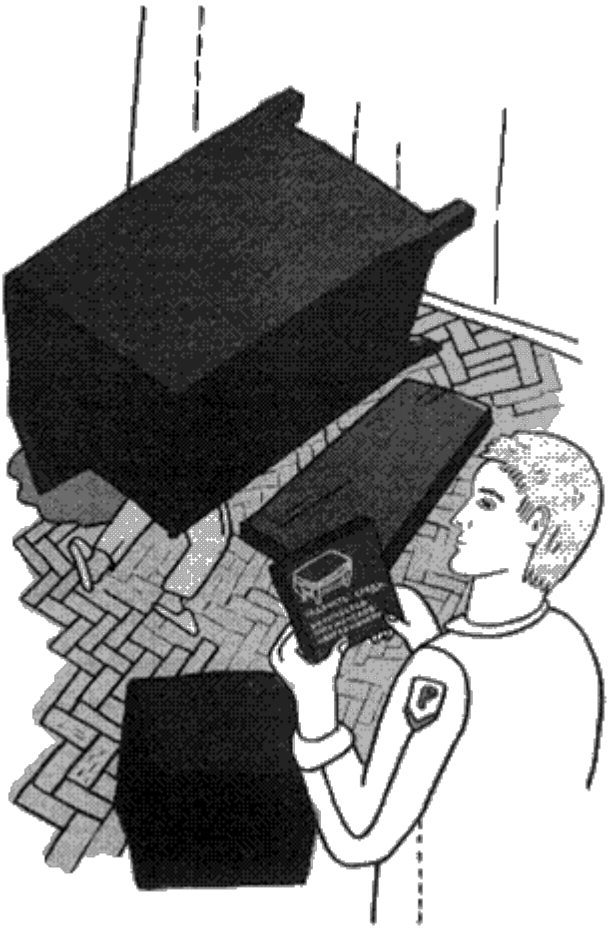
— Сколько раз просил не называть меня так! — и полез смотреть.

Все началось с русского новичка, который, увидев сработанный Джонни комод-картотеку, припечатал: «Папа Карло»! А коллеги и рады зубоскалить. Вот ведь, упростили въезд Иванам в Евросоюз — только неприятности от них!

Стол был странным. Вроде дуб, но не такой звук, если простучать. Бронзовые накладки, инкрустация перламутром. Но и структура древесины какая-то странная. «Шпон дуба? Какое-то экзотическое дерево?» Джон попытался отколупнуть кусочек, но материал не поддался. «Все страньше и страньше». Он покачал головой.

— А теперь — сюрприз! — малыш Диего протянул руку за стол, чем-то щелкнул и вытащил из недр мебели прямоугольную карточку.

На глазах у Джона стол начал темнеть, словно втягивал в себя мглу иных миров, и вот — перед ним стоит родной брат шкафа: угрожающе-черный, нелепый, инородный. Даже то, что казалось металлом, стало черной пластмассой. «Опа… Это ж мебель-мультиформер!» — жаргона Джон не признавал. Он протянул руку и забрал у коллеги пластиковый патрон. Как и следовало ожидать, на картридже был изображен стол.



— Редкость — стандартная, количество перезапусков — неограниченное, материал — дуб, — прочел Джон вслух.

— Развлекаемся?

Была у шефа привычка появляться внезапно.

— Эээ… объясняем папе Карло… офицеру Корти принцип работы мультиформера, чиф!

— Заканчивайте, — шеф ткнул пальцем в шкаф. — И почему он упал?

— Ножки подогнулись! — отрапортовал Диего браво.

Действительно, передние ножки шкафа выглядели так, словно потекли от жары. Брак материала?

— Так, — паузы в исполнении шефа всегда выглядели внушительно. — Все едут в управление. Корти, захвати дверцу на экспертизу.

И грузно вышел.

* * *

Виртуальные человечки мельтешат в нарисованном пространстве, заполненном черными кубиками, — танцуют, взлетают, надолго застывают сломанными куклами. То один, то другой кубик вспухает ярким пузырем и превращается — в вычурный стол, глубокое кресло, хрупкую этажерку.

В окно чата беспрерывно выплевываются разноцветные реплики:

«Что думаете про задание?»

«Думаю, ЧК даст кровати. Столы были недавно, и тумбочки с креслами — были».

«ПРИДУРКИ!!! ЧК ПОЛЬЗУЕТСЯ ВАШИМИ ИДЕЯМИ!»

«Я новичок, объясните, что здесь происходит».

«Есть у меня две идейки насчет кроватей…»

«Черный куб проводит дизайнерские конкурсы. Хочешь участвовать, регистрируйся».

«Спасибо!»

«РАДУЙТЕСЬ! ОНИ ПОЛУЧАЮТ БАБКИ ЗА ВАШ ДИЗАЙН!!!»

«А вы заметили, что больше выигрывают девушки?»

«Да ладно, а Черч? И до него был Бэтмен».

«Пошел вон, УРОД!»

«Да что вы с ним разговариваете, это ж бот».

Подросток на секунду отрывается от экрана, обводит взглядом полутемный клуб, где в каждой узкой клетушке застыл перед монитором человек — неподвижный, как забытый аватар в виртуальном пространстве. Потом пробегается пальцами по клавишам и отправляет свое сообщение:

«Спорим, я вас сделаю?»

Чат взрывается:

«О, какие люди!»

«Тяжелая артиллерия подвалила. Пободаемся!»

«Черт, а я надеялся на следующий тур».

Подросток кусает губы, пряча довольную улыбку.

* * *

— Ваши версии я выслушал, — рычание шефа ничего хорошего не предвещало. — Разленились? Расслабились, а?

Риторические вопросы начальства не требовали ответов. Джон лениво чиркал карандашом по бумаге и ждал, когда шеф соблаговолит закончить разнос и перейдет к делу. Из-под карандаша появлялись очертания шкафа… того самого шкафа, вот напасть! Корти раздраженно оттолкнул карандаш, и тот покатился по столешнице, громко стуча гранями.

— Так! — Джон выдержал взбешенный взгляд начальства, хотя это было нелегко. — Диего — к экспертам с картриджами! Иван — опрашиваешь соседей пострадавшего. Корти… — пауза была достойна лучших образцов большой сцены, — поедешь в Корпорацию, получишь их мнение о происшествии.

— Но, шеф… — Джон растерялся, — это работа для стажера. Что они мне расскажут полезного? Может, я свидетелей опрошу или…

— Снова хочешь кому-нибудь морду набить, герой? Выполняй задание!

На ехидные улыбки коллег смотреть не хотелось. «Ладно, по дороге заскочу к Университету, с Клариссой пообедаю».

* * *

Кларисса порхнула за стол — свежая, легкая, раскосые глаза смотрят на мир в радостном удивлении.

— Привет, Джонни, радость моя.

Он отсалютовал бокалом.

— Как твоя работа?

— В институте ничего нового: студенты, как всегда, мечтают покорить мир, но ленятся учиться. И все поголовно играют в Куб-онлайн: добро бы проектировали в нем дизайны, но ведь все больше пари заключают.

— Эта игра — практически наркотик. Оболванивание и вытягивание денег — я прекрасно знаю, как это работает.

Она задумчиво улыбнулась.

— Конечно, многие годами валяют там дурака, но с другой стороны, для кого-то конкурсы — реальный шанс получить работу.

— Делать патроны для мультиков — не та работа, за которой стоит гоняться.

— Джонни, милый, будущее за мультиформерами, как бы неприятно нам это ни было. Сегодня мебель, завтра автомобили, дома. Молодых привлекает изменчивость, нестабильность. Мы с

тобой не любим программируемые вещи, а для Винни это, возможно…

Корти почувствовал, как каменеет лицо.

— Со своим сыном я разберусь сам.

Она потянулась к нему через стол, каштановая прядь упала на щеку.

— Не сердись, но мне кажется… ладно, не буду. Послушай лучше, мне заказали обставить гигантскую квартиру, представляешь, потолки два сорок пять. И отдельная кухня — пять метров!

Корти немедленно представил в этой кухне свой верстак, шкаф для инструментов — и остро позавидовал. А ее мысль уже порхнула дальше.

— И не забудь, что в субботу… Я представляю, как встанет твоя рама у меня в прихожей, такое зеркало, невероятно! Два метра визуально превратятся в четыре — целая галерея!

Он вспомнил изуродованную заготовку. Найти махагон за оставшиеся три дня — задача невыполнимая.

— Ты удивительный мастер. Сто лет назад твоя мебель ценилась бы, наверное, как черный куб размером с дом. Если бы ты только решил пустить тот столик в серию…

— Кларисса, — оборвал он. — Мы уже обсуждали это. Я коп. И я не буду продавать свою мебель, а тем более связываться с… мультиками, — последнее слово он буквально выплюнул.

* * *

Корти стиснул зубы. Все в этой фирме раздражало его: от колоссального черного куба на крыше здания до кресла-мультиформера, в которое он побрезговал садиться, от кубиков-брелоков, болтающихся повсюду, до холеной физиономии собеседника, вещавшего:

— …совершенно невозможно, наши мультиформеры абсолютно надежны, — человек отодвинул планшет с панорамой места преступления. — Разве что это была поддельная основа.

— Что это значит?

Чиновник сложил руки на круглом пузце. Корти подумал, что такие габариты не отрастишь в стандартной квартире, спланированной по Ле Корбюзье.

— Вы должны понимать, что мультиформеры — не просто материал, а сложная интеллектуальная система. На рынок

поступают поддельные, в основном китайские, основы под мультимебель. За это мы не несем ответственности.

— То есть вы пытаетесь сказать, что корпорация ни за что в этом случае ответственности не несет?

— Именно! — пухлый чиновник свел пальцы домиком.

— Интересно… а как получается, что «поддельная», — это слово Корти выделил голосом, — поддельная основа оказывается замечательно совместимой с оригинальными картриджами? Как же защитные коды?

Ему показалось, или взгляд чиновника вильнул?

— Э… коды? Ну, как-то пираты их узнают. Мы не можем менять коды слишком часто, поскольку это осложняет жизнь добросовестным пользователям…

«Вполне возможно, — подумал Корти, — информацию сливает сам отъевший пузо тип. Или другой — такой же сытый и благостный».

— Из-за пиратской основы шкаф может упасть?

— Упасть, сломаться — что угодно. Из-за плохого материала — все что угодно!

— Значит, мультики потенциально опасны.

— Помилуйте, даже обычная деревяшка может оказаться опасной, если стукнуть ею по голове. А наши изделия полностью безопасны при условии их легального приобретения…

Корти перегнулся через стол-мультик, сгреб толстяка за шкирку и ткнул носом в планшет:

— А потом шкаф падает кому-нибудь на голову, потому что корпорация больше заботится о распространении продукции, чем о безопасности пользователей?

— Нет, послушайте, — просипел толстяк, старательно отворачиваясь от раздавленного тела на снимке, — Черный куб — стремительно растущая фирма, и не всем это нравится. Конкуренты… происки…

Он захрипел. Корти брезгливо отшвырнул его в кресло и испытал мгновенное злорадство, когда оно перекосилось.

— Я еще вернусь, — сумрачно пообещал коп.

* * *

Кларисса покрутила на экране последнюю модель и перелистала альбом назад.

— Вот эта рама мне нравится. В ней есть стиль и характер.

Хотя работа все равно ученическая, ты же понимаешь.

Уинстон опустил голову. Крепкий, мускулистый, он казался младше своих лет из-за неуверенного выражения на лице.

— Мне очень нужно выиграть.

— Я понимаю, — мягко сказала Кларисса. — Если ты не будешь копировать эти элементы по всей раме, а вот здесь усилишь асимметрию, получится вполне конкурентоспособно.

— Но не шедевр.

— Винни, дизайн — не математическая задачка, а конкурс — не соревнования по бегу. Не стремись выиграть, а просто делай хорошую модель. Я видела эскиз, который твой отец делает для меня…

— Я не собираюсь использовать его работы! — взвился Уинстон.

— Не использовать, но учиться. Твой отец — настоящий мастер.

— Я знаю. Но он слышать не хочет о мультиках и конкурсе. Или о том, что я говорил с тобой.

Кларисса беспомощно развела руками. В этом был непонятный ей пунктик Джона: он будто прятал от нее своего сына.

— Если я не выиграю сейчас, через месяц мне придется пойти в полицейскую школу.

— Хочешь, я поговорю с ним?

Уинстон мотнул головой.

— Не надо. Будет только хуже.

Она запустила медленное вращение модели на экране. Совпадение: корпорация задала темой конкурса раму для зеркала. Ее мысли перескочили на ту раму, что обещал Джонни, — благородная фактура дерева и изысканный дизайн. Она удивлялась, как уживаются в его душе оригинальный мастер, суровый коп и деспотичный отец. Даже любовь Джона была осторожной, но она надеялась, что со временем растопит его сдержанность. А с сыном…

«В конце концов они договорятся, — малодушно успокоила она себя. — Он должен видеть, что лучше для мальчика».

* * *

— Где ты болтаешься?

Отец был недоволен и, кажется, слегка пьян. Винни пожалел,

что от Клариссы направился домой, а не в клуб.

— Гулял…

— Гулял, значит, — тон отца не предвещал ничего хорошего. — Ты две недели пропускаешь тренировки, ты месяц не прикасался к рубанку, зато находишь время гулять.

Винни остро чувствовал, насколько мала квартира для них двоих.

— Черчилль клал кирпичи, Линкольн был плотником, даже Ленин у русских не брезговал работать руками, а ты гуляешь, значит.

— Ты не давал мне закончить! Все время доделывал сам.

— Правильно. Ты же все испортишь, запорешь хорошее дерево. Вначале ты должен научиться, должен работать — упорно. Уинстон, ты мне обещал…

Винни почувствовал, что злая волна поднимается в нем, грозя смести плотину здравого смысла.

— Кто бы говорил об обещаниях. И о запоротом дереве, — он обвиняюще ткнул в недоделанную раму. — Когда ты собирался дарить это Клариссе — послезавтра?

Отец шагнул вперед и сразу занял все пространство. Винни съежился, повторяя про себя: «Он ни разу меня не ударил. Никогда».

Корти сдержался и сейчас. Выдохнул, тяжело протопал к верстаку, сел, мрачно перекладывая деревяшки, спиной излучая неодобрение. Винни забился в свой угол, отгородившись складной перегородкой от отцовской мрачности.

«Уйду я от него, — уныло думал он, растянувшись на узкой койке. — Выиграю конкурс, получу работу, сниму себе квартиру…»

За перегородкой взвыла пила.

* * *

Бутылка с граппой быстро пустела. На столе перед Джоном стояла фотография Манфредо, снятая со стены. Пить в одиночестве Корти всегда считал дурным тоном.

— Отец, ну хоть ты мне ответь, — Манфредо держал в руках лучковую пилу (антиквариат!) и внимательно слушал сына, — как быть с Уинстоном? Он почти взрослый, а в голове — ветер гуляет. Ладно бы о девочках думал — дело молодое, — Джованни чокнулся с фотографией, — а он о компьютерных игрушках. О

мультиках клятых!

Граппа обожгла пищевод.

— Как же он будет меня уважать, если я свое слово сдержать не могу? — Корти скосил глаза на составленные в углу детали несостоявшейся рамы. Потом посмотрел на фото отца, сурово нахмурил брови. — Да он и не уважает! Хамит. Ты бы меня за такое поведение…

Водка была горькой, словно лекарство.

— А как выполнить, как? Скажешь, раз уж дал слово, то…

Джон вытряс из бутылки последние капли. Помолчал над наполовину наполненной рюмкой, потом полез в карман. Карточка нашлась сразу.

— Ма Фу? Мне плевать, что ты там спишь! Болтал, что все можешь достать? Размеры запиши. Рама для зеркала, только самая лучшая…

* * *

— Замечательно! — начальство было в бешенстве. — Как это понимать?

— Это труп…

«Ох, помолчал бы ты, Диего, лучше…» — только и успел подумать Джон; а шеф обрушил на несчастного идиота всю силу своего сарказма. Тот только моргал, вытянувшись по стойке «смирно».

«А ведь действительно — странно, — Корти пытался понять, как же произошел этот… несчастный случай? Запах трехдневной давности трупа заставлял присутствующих зажимать носы и мешал сосредоточиться. — Как эта полка сумела упасть на голову девице? От стены до ее макушки добрых полметра. Если бы она просто слетела с шурупов — треснулась об пол, и все. Ну, может, взъерошила бы ей патлы…»

Превозмогая подкатывающуюся к горлу тошноту, Джон внимательно осматривал мебель, расплескавшую несчастной мозги. На плоскости, которой она прилегала к стене, было четыре выступа-ножки разной длины. «Понятно…»

— Ну как? — это шеф, размазав несчастного Диего, подкатывает с вопросом.

— Убийство, замаскированное под несчастный случай.

— Уверен?

— Смотрите. Нас хотят убедить, что полка висела вон на тех

штырях. Но если вы приложите ее к стене — штыри до мест крепления просто не дотянутся. Помешают ножки.

— Дармоеды! Почему только офицер Корти имеет голову на плечах? — шеф разошелся не на шутку. — Выгоню всех без пенсии!

— Отпечатков пальцев на орудии…

— А что, молекулярный гель перестали выпускать? Итак, убийца пробрался в квартиру, пока потерпевшая спала, взял полку, стоявшую на полу. Вот на этих ножках она и стояла…

Джон слушал, как шеф, увлекшись, воссоздавал картину преступления, и какая-то заноза не давала ему покоя. Ах да — на стене явственно виднелся более светлый контур, по размеру — точно такой же, как полка. И еще…

— Корти… Корти!

— А?

— Назначаешься руководителем рабочей группы по этому делу. Диего возьми. Опроси всех соседей… Ну не мне тебя учить. Работай.

— Только по этому? А там, где шкаф…

— Тот несчастный случай тут при чем?

— Смотрите.

Джон Корти потянулся над жертвой, щелкнул, и в его руках оказалась карта-патрон. Полка, размозжившая череп несчастной, начала стремительно чернеть.

— Дармоеды! — снова взвыл шеф. — Мультиков от обычной мебели отличить не можете? Ты что мне в протоколе написал?…

А Джон смотрел на стену, где в рамке выцветшей краски явственно виднелись вмятины. «Убийца снял полку со стены… Но как быть с тем, что на штыри ее не повесить? Никак. Ножки помешают».

* * *

— Хай, Черч.

Винни вздрагивает и сдергивает наушники. В клубе царит оживление, которое порой срывает виртуалов с мест, заставляя их искать живого общения. Один из завсегдатаев стоит над Винни, в его усмешке приязнь смешана с превосходством.

— О, Талер.

— Первый тур, да?

Уинстон машинально оглядывается на монитор, где

смоделирована рама для зеркала.

— Папа Карло успел приложить к этому руку? — насмешливо спрашивает Талер.

Винни вспыхивает. Понятно, откуда Талер знает прозвище отца, — его брат работает в полиции. А про тумбочку он сам рассказал. Дурак.

— Это моя модель, — говорит он с такой силой, что Талер делает шаг назад. За сетчатой перегородкой мелькает встревоженная физиономия Дхармы.

— Отлично. Все в этом клубе на твоей стороне, парень.

Он оборачивается, точно призывая других в свидетели, но они снова уткнулись в мониторы.

— Мы за тебя болеем, Черч. Будет классно, если победишь ты, а не надутый урод из частной школы. Хотя, если то, что я слышал про папу Карло — правда, лучше ему не знать, что твоя тумбочка — мультик.

Винни сглатывает. Это был его последний шанс поучаствовать в конкурсе: подаренный Клариссой абонемент Куба-онлайн заканчивался. Он выставил на конкурс модель отцовой тумбы из красного дерева и неожиданно выиграл. А после, подписывая себе окончательный приговор, продал исходную тумбу и заменил ее призом-мультиформером последней модели. За год Джон ни разу не усомнился в подлинности вещи, но Винни, натыкаясь в тесноте на тумбочку, вздрагивал от чувства вины.

Вырученного хватило на годовой абонемент.

— Мне нужна эта победа, — говорит он. — Или я попадаю в Черный куб, или буду копом.

Глаза Талера становятся злыми.

— И чем тебе не нравится работа в полиции?

— Я просто хочу быть дизайнером.

Приятель пожимает плечами.

— Тогда глянь, что у тебя с этой ерундовиной, — и тыкает пальцем в экран.

Винни смотрит и понимает, что угловая деталь в самом деле плоха. Примитивна. Вываливается из общего стиля. Невероятно, что он не замечал этого раньше. Забыв обо всем, парень бросается к клавиатуре.

* * *

— Нет, сэр, какие враги, она для этого была слишком обычной. Она мало работала — целыми днями смотрела визор. И еще готовила, у нее есть настоящая кухонная плита, вы же видели? Она готовила такую лазанью, м-м-м, я никогда подобной не ела. Я иногда оставляла ее с Машенькой, это моя дочка, она тихий ребенок, и если мне надо было к сестре или…

Корти насилу выпроводил словоохотливую соседку. День убит впустую: если верить соседям, приятельницам и коллегам, жертву некому было убивать. И не за что.

Он открыл файл с данными предыдущего трупа. Ничего общего между двумя трагедиями, никакой связи между жертвами. Но мультики в обеих комнатах, мультики, прихлопнувшие хозяев, не давали ему покоя.

Шкафы-убийцы, дьябло их побери!

Шеф сумрачно выслушал отчет.

— По-моему, нужно искать связи между двумя убийствами, — сказал Джон, выключая блокнот.

— О каких двух убийствах вы говорите, Корти? — нахмурился шеф. За спиной хихикнул Диего и явственно прошептал: «Суперверсия папы Карло».

— Убийства с использованием мультимебели Черного куба.

— Не усложняйте, Корти, не ищите умысел в несчастном случае. Продолжайте заниматься свидетелями. Кто-то должен был ночью проникнуть в квартиру, снять чертову полку, сбросить на жертву.

— Слишком сложно, шеф. Почему просто не придушить ее, не ударить свободным предметом — стулом хотя бы. Нет, я чувствую, дело в мультиках.

— Корти, оставьте свои предчувствия при себе. Мы все здесь понимаем, что у вас с мебелью особые отношения, — Диего сдавленно фыркнул. — Пусть они вам не мешают. И не ищите серию там, где ее нет. Вам все понятно?

— Да, шеф.

— И держите меня в курсе.

* * *

«Именины надвигаются неумолимо. Пушер кормит обещаниями успеть к сроку, но кто ж им верит, гадам… Махагон в продаже не появился», — все эти мысли крутились в голове, пока Джон менял фрезу. Для экспертизы о несчастном деле со

шкафом-мультиком нужен был маленький кусочек — а остальную дверцу Корти утащил домой. И вот сейчас, чувствуя себя полным идиотом, собирался пилить.

Материал обрабатывался легко, и верхняя часть зеркала была почти закончена. «Пластмасса — она пластмасса и есть, ни тебе структуры, ни направления волокон…» — за воем инструмента Джузеппе и не услышал, как вошел сын.

— Привет, па. Фигней маешься?

— Угу…

— Так тебе ж из этого никак дерево не сделать, так пластиком и останется! Давай я лучше тебе помогу?

— Чего? — мастер выключил машину.

— Кларисса нормальная тетка, она что, не поймет, если ты не успеешь к именинам?…

— Я обещал.

— Ну давай я тебе найду подходящую модель… или запрограммирую! Никто же не отличит.

Джузеппе заколебался.

— Нет, — наконец ответил он, — я на это не могу пойти. Как я буду к Клариссе приходить в гости и видеть… — он показал рукой на блестящую черную поверхность детали. — Пусть и под дерево замаскированное.

— Слушай, ну давай. А потом ты сделаешь нормальную раму из дерева и заменишь ей мультик!

На этот раз Джон думал еще дольше. Его взгляд скользнул по сиротливо стоящим в углу деталям, по возбужденному лицу сына, по фотографии Манфредо… Наконец он отрицательно покачал головой, уже открыл рот, чтобы сказать окончательное «нет», но тут ожил комм.

— Милый! — Голос Клариссы в трубке звенел от восторга. — Его все-таки привезли!

— Да?

— Оно такое… такое! Настоящее венецианское стекло! Я уж и не верила, что до именин успеют доставить, думала — не получится. Как оно в твоей раме будет смотреться! М-м-м…

— Я рад, — Джон откашлялся. — Я очень рад за тебя, правда…

— Что-то случилось? — Кларисса всегда тонко чувствовала его настроение.

— Неприятности на работе, ничего страшного…

— Хорошо! Жду послезавтра с нетерпением! Пока!

— Чао!

Джованни ткнул в кнопку завершения разговора и с силой провел ладонями по глазам. Ему было стыдно.

А потом он поднял лицо и увидел ожидающие глаза сына.

* * *

Винни держит палец над клавишей подтверждения отправки. Нажать ее — и ничего нельзя будет изменить. Не нажать — отказаться от шанса. От последнего шанса на нормальную работу.

Клуб бурлит сильнее обычного. Отдельные вскрики кажутся Винни цветными репликами чата.

— Да я реально был круче этого чма, которое победило!

— Гонишь, у тебя вообще диван был кривой.

— Это ты сейчас будешь кривой. У меня диван был из коллекции «Суперантик»!

— Так ты у ЧК взял и переделал? Ну ты дура-ак. Они же свои модели отслеживают.

— Я еще одну должен успеть. Задумка есть.

— Черч, а ты сколько штук сделал?

— Две, — и Уинстон решительно щелкает по кнопке отправки.

— Одну я видел, несимметричная такая, а вторая?

Винни пожимает плечами.

— А я пять моделей, все больше вероятности, что пройду. Одну из салона прошлого года взял и переделал немножко. Буковую.

— Это с розами, что ли?

— Да нет, там такая модерновая была…

Уинстону хочется вернуть все обратно. По крайней мере, отцовский проект не стоило выдавать за свой. Кларисса не обидится, а вот если узнает отец… Но модели зарегистрированы на конкурсе, и остается ждать результатов.

— Если я опять не войду в пятерку, я убью себя, — чей-то нервный голос срывается.

Винни включает музыку в наушниках погромче, чтобы не слышать чужих криков и собственных мыслей.

* * *

У входа на полу сидел позеленевший Диего. Из квартиры

тянуло тяжелым сладковатым запахом.

— Что там?

— Лучше бы мне не знать… Иди посмотри, не буду портить впечатление.

Да уж, такое Корти в последний раз видел пять лет назад, когда брал маньяка. Багровые брызги и потеки превращали комнатушку (шесть-семь метров — машинально отметил он) в жуткий паноптикум. Останки жертвы перемешались с черными обломками мультиформера. Эксперты в белых перемазанных костюмах казались инопланетянами. И этот запах…

Корти осторожно подошел к трупу и присвистнул.

— Сэр, — один из экспертов, незнакомый прилизанный тип. — Покиньте место происшествия, вы мешаете расследованию.

— Я коп, — Корти продемонстрировал жетон.

— Этот несчастный случай расследует служба безопасности Черного куба.

— Несчастный случай? Черта с два! Его как будто жевали.

— Сэр, покиньте квартиру.

— Или что?

— Или вы будете иметь дело с вашим начальством.

Взбешенный Корти вывалился наружу, набирая номер на комме. Диего, сидя на ступеньках, с интересом наблюдал за ним снизу вверх.

— Шеф! Что происходит, черт побери? Меня отослали от трупа, словно зеваку!

Ответ шефа сводился к тому, что дело передано в СБ корпорации как технически сложное. А если детектив Корти считает себя самым умным, то может сразу переводиться в водители такси.

— Уроды! — Джон с чувством пнул входную дверь и вытащил из кармана пакет с окровавленным патроном для мультика.

— Что это?

— Кресло.

Кровь запачкала картинку, но было видно, что кресло глубокое, с плавными очертаниями, на овальной платформе вместо ножек.

— Интересное кино: острых элементов не видно. А их, судя по состоянию тела, должна быть уйма.

— Чувак, похоже, запустил трансформацию, сидя на кубе, — вот и несчастный случай. Может, штыри вылезли в процессе? — Тут Диего внезапно сообразил. — Ты спер улику у ЧК?

— Обойдутся. Не нравится мне идея про несчастный случай. В таких устройствах должна быть «защита от дурака». И

корпорация на месте преступления. Многовато как-то случайностей, не находишь?

— Джон, ты собираешься соваться в чужое дело?

— Донесешь шефу?

Диего мотнул головой.

— Но и помогать не стану.

— Спасибо и на этом, — усмехнулся Корти и зашагал по лестнице.

* * *

— Джон Корти слушает!

— Нет, ну я говорил?! Я обещал? — Джону явственно представилось, как Ма Фу пучит глаза и размахивает руками, разговаривая по комму.

— Ты о чем, парень? — хотелось хоть на ком-нибудь сорвать злость.

— Я нашел тебе раму под зеркало! Мужик сказал — мужик сделал! Когда заберешь?

— Зеркало? — Это означает, что все-таки подарок будет. Казалось, пушер на том конце провода подпрыгивает от нетерпения. — Ладно, заеду по дороге…

Патрон был теплый от долгого лежания в кармане. Джон взвесил его на ладони, посмотрел на криво наклеенную этикетку: оригинальная модель, материал — махагон, размеры — соответствуют. Ладно, все не с пустыми руками к Клариссе идти, сунул картридж в карман.

А теперь — в Черный куб.

Джон не привык бросать работу неоконченной. Папа Манфредо этого бы не одобрил.

* * *

— Слушайте, я… я не могу… — толстячок нервничал, явно нервничал, и Корти это нравилось. — Лаборатории мне не подчиняются!

— Значит, так, — Джованни навис над чиновником из ЧК всеми своими ста девяноста двумя сантиметрами, — либо ты

делаешь, как я говорю, либо… — Джон сделал паузу в лучших традициях шефа и с удовлетворением увидел, как кадык собеседника дернулся. — У меня есть несколько неоконченных дел. Например, о педофиле, который расчленял своих жертв…

По вискам человека из ЧК уже катились крупные капли пота.

— И знаешь, — Джузеппе мечтательно улыбнулся, — если человека в чем-то таком заподозрили, пусть и ошибочно, путь в приличное общество ему закрыт. И работы он лишится, как пить дать… Предрассудки, видишь ли! Хочу рассказать тебе одну историю…

И внезапно рявкнул:

— Ведешь меня в технический отдел?

* * *

Техник был конкретен и деловит:

— Эта сгоревшая карточка — наша. Хотя и перепрошита. Взломано ограничение на многократность использования и внесены еще какие-то изменения; точнее не смогу сказать. Какой это был предмет?

— Шкаф.

— Ага, значит, черный куб массокатегории пять или шесть… Теперь вот эта. Что это было?

— Полка.

— Тут тоже взломан счетчик, и она лучше сохранилась… интересно. Смотрите, — техник оторвался от приборов. — Внесены изменения в код, мы их называем «виньетки».

— А это значит?

— Люди хотят, чтобы резьба на предмете складывалась в их имя. Ну и взламывают код. Или чтобы увеличить высоту полки на пару сантиметров. Стандартно это функция элитных и эксклюзивных моделей, но, — техник пожал плечами, — мы не стремимся особенно тщательно защищать модели от мелких изменений. Пусть себе развлекаются. Здесь, к примеру, добавлены ножки.

— А вот — кресло.

— Четвертая массокатегория… О! Взломщик напортачил! Хотел, видимо, подогнать кресло по фигуре — а сделал его хрупким! У вас все?

Джон, подчиняясь неясному порыву, протянул технику патрон, полученный от пушера.

— Так… Еще не активированный патрон и тоже — взломанный. Как интересно… Очень элегантное решение! Если вы этого мастера поймаете — мы его с удовольствием возьмем на работу.

— Ладно, это все? — спросил Джон, рассовывая картриджи по карманам.

— Ну… Разве что мелочь. Я не понимаю, зачем в этих моделях активированы емкостные датчики. Их обычно используют, если дверца должна открыться или свет зажечься при приближении хозяина…

* * *

День выдался тяжким, а он ни на сантиметр не приблизился к разгадке. Похоже, человек из ЧК с самого начала был прав: поломки — отдельно, а убийства — отдельно.

— Па-па-па-пам!

Уинстон сиял, как начищенная бляха полицейского-первогодка.

— Я это сделал! Отец, держи!

Джон покрутил в руках карточку-патрон. Да… прекрасная полиграфия, картинка переливается всеми цветами радуги. «Эксклюзивный образец, количество активаций — неограниченное».

— Молодец, сын, — вяло сказал Корти и сунул карточку в карман. — Молодец…

— И это все, что ты можешь сказать? Я вон и основу притащил!

На верстаке по-хозяйски расположился черный куб мультиформера, уже освобожденный из упаковки.

Несправедливо было обижать сына, но больше всего Корти хотел сесть за ширму с бутылочкой граппы. Под возмущенным взглядом Винни он не глядя вытащил из кармана патрон, сунул его в щель на кубе и без особого интереса посмотрел за трансформацией. Однако…

Раму было не отличить от настоящей. Корти провел пальцами по внешней стороне изделия, постучал — махагон, натуральный! Никакого сравнения с псевдодубом в квартире несчастного. Он бы, конечно, чуть глубже проточил канавки на стойках и по-другому раположил обвязки, но в целом…

— Diavolo!

— То-то же! Теперь ты понял?!

Слов не было. И надо было идти на праздник.

* * *

— Джонни, какая красота!

Кларисса буквально светилась изнутри. Она беспрестанно смотрелась в зеркало, трогала завитки на раме, гладила шелковистую поверхность.

— Джонни, ты удивительный мастер! Такое чувство дерева…

Корти принужденно улыбался, ни на секунду не забывая, что это мираж, подделка. Обман. «Сделаю деревянную и потихоньку заменю», — как заклинание, повторял он.

— А я купила настоящее шампанское ради такого случая. Идем, идем!

Пока он разливал шипучую жидкость по бокалам, Кларисса еще дважды подбегала к зеркалу.

Через час слегка отпустило. Устроившись в кольце его рук, Кларисса рассказывала о перспективной студентке, моде на псевдостеклянную мебель, и Корти не сразу заметил изменение ее тона.

— Джон, послушай, — ее глаза смотрели серьезно и настороженно. — Я хотела поговорить с тобой насчет Винни. Тебе не кажется, что из него вышел бы хороший дизайнер?

Он отстранился.

— Ремесленник, ты хочешь сказать? Который будет делать патроны для мультиков?

— Джон, не сердись. Послушай…

— Уинстон пойдет служить.

— Да, он пойдет в полицию ради тебя. Потому что он любит тебя и ценит твое мнение. Но, Джон, он ведь…

— Что?

— Нет, — Кларисса отвернулась, словно захлопнулись створки раковины. — Просто позволь ему решать самому.

Корти надвинулся на нее.

— Ты с ним разговаривала, да? Я же просил тебя не приближаться к моему сыну!

— Джон, от этого не будет вреда.

— От этого уже есть вред. Женщины! Способны только все испортить своим присутствием — его мать такая же. Я запрещаю тебе…

— Знаешь что, — она распрямилась: отчаянный кролик перед удавом, — ты ничего мне не запретишь, Джон Корти. Я буду поступать, как считаю нужным, а если тебе это не нравится, уходи.

Он хлопнул дверью прежде, чем понял, что произошло.

* * *

— И вы говорите, много таких случаев?

Перед Корти расположился унылый дохляк: голова на тонкой шее, словно шляпка поганки.

— Попадаются.

— Надо же, — юноша машинально потер ногу, уже в двадцатый раз. — И никто не подал в суд?

— Вы же отозвали иск.

— Адвокат сказал, я ничего не докажу, и будет даже хуже. Патроны-то у меня пиратские были, с рынка.

— Вот и у них тоже. А сама основа под мебель — тоже пиратская?

— Сам черный куб? А разве они бывают поддельные? Я о таком и не слышал никогда. Не, основу я в фирменном магазине покупал…

Корти оглядывал комнату. Самая дешевая мебель — поцарапанный пластик, точно не мультики. Но мебели много, и от этого кажется, что комната размером с ящик.

— Я сериал смотрел про капитана Андроида, а тут на меня шкаф рухнул. Ногу — пополам, — он вцепился обеими руками в покалеченную конечность. — А мог бы и шею. Эх! Не повезло…

Его взгляд стал мечтательным.

— Я месяц держался в пятерке. В Кубе-онлайн. Все шансы были на главный приз, но уж после травмы я ни-ни. Мультик сломался, а патроны я продал по дешевке. И про капитана Андроида не смотрю.

Корти сдержал вздох. Поди выясни, сколько на рынке таких патронов, едва не угробивших хозяина.

— А сейчас друг у меня играет. Там такие призы, если в топ-пять попадешь, у-у!

— Какие? — заинтересовался коп.

— Сто тысяч евро, черный куб большого размера, картриджи на элитную или даже экскюзивную модель. И потом тебя могут взять в ЧК на хорошую должность или отправить учиться с

полной стипендией. Топ-пять — это сила. Ой, а что это у вас за патрон?

Корти, похолодев, смотрел на пластиковую карту, которую машинально достал из кармана. На радужной карточке с изображением роскошной рамы значилось «эксклюзивный образец».

* * *

— Итак, — шеф постучал по столешнице концом ручки, — ты считаешь, что они кем-то подстроены? Все эти… поломки.

— Да, — под пронзительным взглядом шефа было неуютно.

— Их техник, значит, никакого криминала в перепрошивках не увидел? А ты так и не нашел мотив этих «убийств», верно?

— Да, но…

— А разве я давал тебе слово? — голос шефа, перешедшего на шепот, был страшен. — Я тебе что сказал? «Оставь это расследование!» Мои слова ничего не значат, верно? Ты у нас самый умный? — И тут шеф взревел: — Ну так послушай, великий сыщик!

И щелкнул клавишей комма. Голос Джона: «У меня есть несколько неоконченных дел. Например, о педофиле, который расчленял своих жертв… Если ты не поделишься — живо окажешься в камере по этому делу, а там неуютно…»

Щелчок остановки прозвучал, как взводимый курок.

В кабинете повисло молчание. Джон прокашлялся…

— Но…

Шеф рубанул по столу с размаху:

— Молчать!

Фото жены и детей, стоявшее на столе, подпрыгнуло и опрокинулось. «А рамка-то моей работы», — не ко времени подумал Джон.

— Жетон и пистолет — на стол! Ты отстранен до завершения служебного расследования и моли господа, что я твой начальник и тебя знаю сто лет. Но только попробуй моргнуть без моего приказа… Я сдам тебя волкам из службы внутренней безопасности, и храни тогда господь твою душу. Свободен!

* * *

Копа Ма Фу заметил издалека и подумал было смыться. Но, с другой стороны, вдруг он опять за рамой пришел или за тумбочкой какой. Может, ему мультики понравились.

— Чего хотел?

— Консультацию, — взгляд копа был тяжел, как куб седьмой массокатегории. — Зеркало мое помнишь?

— Не вопрос, — Ма Фу с готовностью достал скрепленные резинкой патроны. — Решил еще кому подарить?

Коп брезгливо покрутил карточку в руках.

— Оригинальная модель, значит. Это хуже эксклюзива?

— Да ну, мужик. Эксклюзив — это вообще. Но если тебе надо…

— А это что? — коп выложил на стол сверкнувшую радужным карточку. Ма Фу пригляделся.

— Индивидуальная оцифровка. Ну, пришел мужик со своей моделью, сделал единственную карточку — вот. Оп-па, — восхитился он. — Одинаковые модельки-то!

— Тогда откуда эта взялась?

— Так с конкурса же. Из Куба-онлайн.

Коп прищурился. И Ма Фу подумал, что зря не сбежал.

— Мужик выставил модель на конкурс, ее пустили в тираж. Ну и мы подоспели.

— На конкурс, значит, — коп сгреб оба патрона и развернулся. Ма Фу дернулся следом — отобрать картридж: средненький, конечно, патрон, но все же денег стоит. И остановился.

Проводил копа взглядом. «Не зря я подстраховался, — думал он удовлетворенно. — Не зря».

* * *

— Уинстон!

Сын отпрыгнул от верстака, куча деревяшек разлетелась по полу. Корти равнодушно окинул взглядом модель: миниатюрная палуба, тонкие мачты…

И выложил на столешницу два патрона.

— Тебе есть что сказать?

Винни застыл с видом одновременно наглым и виноватым.

— Тогда я скажу. Ты сделал для меня раму — спасибо, сын. Потом ты взял мою — мою! — раму и засунул в игру! И теперь

она продается на каждом углу. Завтра ее увидит Кларисса…

— Она знает, что я играю.

— А что ты используешь мои работы, она тоже знает?

Уинстон отвел глаза.

— Мой сын играет в игру для дебилов. Делает патроны для мультиков! А я удивлялся, почему ты пропускаешь тренировки. Ваша гребаная пластмасса никого не обманет. Вот настоящая вещь, — он любовно погладил поверхность тумбы. — Я тебе назову минимум пять характеристик, по которым можно отличить настоящую мебель от мультика-подделки. Во-первых, вес, во-вторых, текстура древесины…

Винни открыл рот, но Корти был слишком взбешен, чтобы позволять сыну оправдываться.

— Они еще и опасны! У меня три трупа на руках, и всех погубили твои чертовы мультики! И никто еще не разбирался, как вас зомбирует эта чертова игра!

— Я прошел во второй тур! — заорал Винни. — Я в пятерке! У меня есть шанс победить, получить кучу денег и учиться на дизайнера, а не тешить твое самолюбие, что у тебя сын носит форму!

И осекся.

Джон повернул налившуюся свинцом шею.

— Тешить мое самолюбие, значит, — просипел он и взревел: — Марш в комнату! Будешь сидеть дома неделю! Месяц!

— Не буду! Я буду играть в Куб, и ты ничего мне не запретишь!

— Уинстон!

Грохнула перегородка, заскрипели пружины матраса. Тяжело дыша, Корти привалился к верстаку.

Он считал, что держит все под контролем. Но что делать с откровенным бунтом — ударить сына? Запереть? Корти растерялся. Он машинально вертел в руках радужную «эксклюзивную» карточку, когда хлопнула входная дверь.

Сын ушел.

* * *

— Я всегда честно делал свою работу! — стакан стукнул о стол. — И что теперь? Что, отец? Как бы ты поступил на моем месте?

Манфредо на фото молчал.

— Они меня прижали. Подделали запись и… А!

Джузеппе широким жестом смахнул со стола деревяшки, так что они врезались в дальнюю стену.

— Ты меня не поймешь и будешь презирать, но, отец… мне надо мальчика поставить на ноги, понимаешь? Идти против системы — это для молодых идиотов, считающих, что они бессмертны.

Пустая бутылка отправилась в полет и с хлопком врезалась в стену. Черепашка-уборщик вылезла из своей норки и начала подбирать кусочки стекла, старательно объезжая деревяшки.

— У-умная… — выговорил Джон, провожая труженицу взглядом, и потащил пробку из следующей бутылки. — Прости, отец, но я с этим расследованием завязал. Баста!

Джон посмотрел на хмурящегося отца, отвернул фотокарточку лицом к стене и решительно присосался к горлышку.

* * *

Ночью сын не объявился.

Едва проснувшись, Джон осознал, что Винни не вернулся. Его подбросило с кровати, хмель мгновенно выдуло из головы. Комм сына не отвечал. И тренер ничего не знал, Уинстон в секции месяца три не появлялся. «Связался с наркотой? С уголовщиной? Где он может быть?»

— Кларисса, Уинстон не у тебя? С вечера пропал… Да, я приеду, спасибо. Хорошо…

Доехал быстро. Кларисса ждала в дверях, на лице тревога. Про Винни — ничего нового. «Попал под машину? Уехал из города?»

— Ты своих подключил?

— Да, ищут. Пока — пустышка. Где он может быть?

— В клубе проверяли?

— В каком?

— «Черном кубике»… что? Ты не знал? Джонни, твой сын весь год играет в Куб-онлайн, проводит там кучу времени, а ты — не знаешь? Как же он тебя боится, милый…

Корти пробормотал что-то невнятное.

— Ладно, сейчас это неважно, — девушка смягчилась. — Я сделаю кофе, а ты набери клуб по комму. А после подумаем, куда еще мог деться Винни.

— Диего, проверь еще один адрес… Да, я жду.

На душе было муторно. Джон походил по комнате, тронул нежно звякнувшую подвеску-ветерок, включил и выключил лампу с вышитым абажуром. Его окружала масса безделушек, и большинство Кларисса сделала сама: керамические вазочки, занавеска из стеклянных бусин, стильные статуэтки. Она умела работать руками — как и он. И так же ценила настоящую работу. Так что мешает упрямому копу довериться ей до конца?

Сердце заколотилось прежде, чем он понял, что слышит. Звон упавшей чашки? Сдавленный всхлип?

Джон кидается в прихожую.

Клариса отчаянно бьется за жизнь. Взбесившееся зеркало выпустило плеть-лозу, стягивает шею. Другой отросток захлестнул талию. Кларисса цепляется за щупальце, ломает ногти — бесполезно! Джон бросается к ней, со всей силы, страшно рубит ребром ладони по отростку. На тренировках он ломал кирпичи и гнул стальные прутья с палец толщиной, но плеть лишь пружинит от удара. Осколки драгоценного венецианского стекла хрустят под ногами. Кларисса задыхается. Корти обхватывает щупальце обеими руками, упирается ногой в стену, дергает! Рвет еще раз, так, что взвывают мышцы спины.

Мультипластмасса чернеет, но и только.

— А! Дьябло! — коп отскакивает, лезет под полу пиджака — всадить в тварь весь барабан… Под пальцами — пустота кобуры.

Кларисса багровеет, хрипит. Соскальзывают слабеющие руки. Чертовы мультики победили его.

…МУЛЬТИКИ?…

Долгую секунду Корти ищет разъем. Патрон летит в угол и рама-монстр стремительно чернеет. Теперь один удар, и черные путы разорваны.

— Ну, ну, ну… Дыши, девочка, дыши… — слава богу, гортань цела, но следы останутся надолго. — Дыши, все хорошо. Все закончилось. Я с тобой…

— Ты? — ненависти в ее хрипе было столько, что Корти отпрянул. — Ты приволок это в мой дом?

Она пнула черный обломок.

— Прости, родная, я… не успевал…

— И великий… мастер Джон выдал мультик… за свое творение?

Корти сглотнул. Сказать было нечего.

— Вон из моего дома! — девушка натужно закашлялась. — Вон!

Джон Корти постоял секунду, глядя на Клариссу, скорчившуюся на полу, и вышел из квартиры. Он машинально вызвал службу медицинской помощи и остановился на лестнице. Куда идти?..

Комм задергался.

— Слушаю. Да, насчет Уинстона Корти. Что с моим сыном?

* * *

Дорога показалась ему ведущей прямо в ад.

«Мамма миа, — шептал Корти, — только бы не… только бы…»

Джон сам не знал, что «только бы». Мир рушился вокруг, и он пытался удержать хотя бы обломки.

Винни смотрел настороженно. Грудь стягивала повязка, но в остальном он выглядел, как обычно. Корти едва не отказали ноги от мгновенного облегчения.

— Ножевое ранение, — пояснил усталый врач. — Нападающий был не слишком умелым, а ваш сын, как он говорит, занимался единоборствами.

Господи, какое счастье, что заставлял Винни ходить на тренировки!

— Легкие не задеты, но дня два понаблюдать не мешает.

— Хорошо, — он во все глаза смотрел на сына. И тот буравил его упрямым взглядом.

— Уин… Винни, кто это был?

— Я не знаю, пап. Я не разглядел. Но… знаешь, это кто-то из нашего клуба. Он убежал через лаз, а никто посторонний о нем не знает.

Мгновенная вспышка гордости: «Мой сын! Не растерялся, запомнил важное…»

— Винни… у тебя есть список игроков? Победителей этой

вашей игры?

— В Кубе-онлайн? Конечно, да у них и на сайте ники вывешивают.

— А настоящие имена?

— Ну пап… Ну, я могу добраться, только я тебе этого не показывал.

— Винни!

Корти осторожно прижал сына к себе. Тот завозился, пристраивая комм, засопел.

— Вот они. Нынешний тур — черт, я же вылечу теперь, жалко. Предыдущий, и старые еще.

Джон почти без удивления прочел имена всех трех жертв. Каждый из них входил в вожделенную пятерку… чтобы пасть жертвой мультиформера. И еще одно имя было ему знакомо.

— Винни, мне нужно ехать.

— Пап. Ты… меня извини.

Корти потрепал его по голове.

— Но ты учти, я все равно…

— Потом поговорим.

* * *

— Ты хочешь сказать, он убивал ради игры?

— Ради победы, шеф. Устранял конкурентов.

— И для этого продавал специальные патроны для шкафов-убийц? Тумбочек? Он мог запрограммировать что угодно, а мы об этом не узнаем, пока не получим очередной труп?

Корти угрюмо кивает. Призраки зубастого кресла и зеркала-гарроты будут еще долго преследовать его.

— Я хотел бы сам произвести арест, шеф. Мой жетон…

— Арест? — шеф выглядит искренне удивленным. — Никакого ареста. Молодец, что вычислил психа, а дальше пусть с ним разбирается Черный куб. Это их дело.

— Их дело? Я не слышал, чтобы они делали работу полиции.

— Ну… — шеф поднимает глаза к потолку. — У них, видимо, свой интерес. Думаю, они возьмут его на работу — в закрытый отдел. Он же специалист, профессионал.

Корти кажется, что он ослышался.

— Шеф, этот урод программировал мебель на убийство, а они дадут ему карт-бланш? Мой сын попал в больницу!

— Да-да, жаль, что так получилось с твоим сыном, но у нас

есть вышестоящее начальство… Это теперь не наше дело.

У Джона кожа на скулах натягивается так, что вот-вот порвется.

— Это мое дело, шеф.

— Успокойтесь, Корти.

— Если вы не отдадите приказ об аресте, я все равно до него доберусь.

— Даже не вздумайте. Вам мало дисциплинарных взысканий? Так будете уволены. Без пенсии!

Корти уже в дверях. Он оборачивается и переспрашивает с хищной усмешкой:

— Уволен, говорите?

— Корти! — кричит шеф ему в спину, пытается вскочить, но застревает между столом и стулом. Торопливо набирает вызов на комме. — Корти! Вернись, идиот!

«Вызов не может быть установлен…»

* * *

— Сукин ты сын!

Пушер от удара летит наземь, опрокидывая столики с выложенными на них напильниками, сверлами, пассатижами и пильными дисками.

— Самый умный, да? — и в морду ему, с выкаченными глазами! Так, чтобы умылся кровью, каналья! — Вставай, трус, дерись как мужчина!

Продавцы давно разбежались. А как тут не спрятаться, когда посреди маленького рынка бушует двухметровый демон, грозя разнести все и вся. И хорошо! Когда нет свидетелей, это — хорошо.

— Бери нож, давай! Дерись! Или ты можешь убивать только исподтишка, мразь?

Нет, валяющийся сломанной куклой на заплеванной земле парень не хочет драться, он плачет, он в ужасе. Плевать! Корти вынимает из кармана куртки «чистый» пистолет. Иногда даже у самых честных полицейских в руках застревают полезные вещи. Нужные для подобных ситуаций.

Этот трусливый убийца просит о пощаде?

Умоляет?..

Плевать!

Выстрел! Эхо бьется между стенами. А на грязном асфальте

плачет, размазывая грязь вперемешку со слезами, так и не повзрослевший подросток, спутавший игру и жизнь. Решивший, что ради победы позволено все. И теперь узнавший, что и он тоже смертен.

Пистолет в руках Джона Корти не дрожит. Дуло смотрит точно в голову парню, убившему троих, напавшему на его сына, покушавшемуся на его женщину. Мастер Джон смотрит на мразь у своих ног, сплевывает и несколькими заученными движениями превращает пистолет в груду деталей. Швыряет их в кучу перевернутых столиков, разворачивается и идет между рядами.

А с улицы навстречу ему выбегают бравые ребята, затянутые с униформу со значком черного куба на шевроне.

* * *

Полицейский Джон Корти по прозвищу папа Карло укрепил деталь на верстаке. Его всегда успокаивала работа с деревом. «Раненый сын, взбесившееся зеркало, презрение Клариссы и недовольный взгляд отца с фотографии — как все это выкинуть из головы?» Мастер Джон в несколько взмахов зензубеля доработал шип, примерил его к стойкам рамы «всухую» — все в порядке, никакой щели. Осталось чуть подрезать, вывести фаски, отшлифовать и — можно ставить на клей.

Джон потянулся поставить рубанок на место и, конечно же, по закону подлости, задел плечом полку. «Ах, ты!..» Но — ругайся, не ругайся, а в комнате на одиннадцать метров особенно не развернешься. «Разве что мультимебель…» — Джон усмехнулся и запустил пилу. «Amore, amore a prima, a prima vista!..» Мастер слышал арию инструмента и начал подпевать: «Un bel giorno…»

Он не видел, как тумбочка красного дерева, стоявшая в углу, шевельнулась. Сперва неуверенно, а затем все тверже переставляя ножки-лапы, она стала пробираться вдоль стены комнаты, заходя к мастеру со спины.

Натан Блай
Реверс

Рассказ

— Пятнадцатый вышел! — повар положил на стол, заваленный полными пакетами, еще один и поспешно ушел на кухню. На смену серому утру 14 февраля приходил не менее серый вечер, а небольшой ресторан доставки «Самурай»[1] уже начал превращаться в местное представительство ада на Земле. Разрывались от звонков все три телефона, с кухни несло специями и волнами шел жар, диспетчеры собирали деньги у курьеров-водителей, которые суетливо вываливали на стол смятые купюры из карманов.

— Какой козел придумал этот день? — возмутилась Аля в ответ на резкий звонок телефона.

— Лучше спроси, почему наши попугаи его переняли, — мрачно ответил Олег, запихивая чеки и сдачу в карманы. — Блин, дважды придется до машины ходить!

Он быстро дошел до входной двери и открыл ее пинком. Его уже не радовал большой километраж, за который в конце месяца выплатят солидную сумму. Сегодня пришлось начать работать в девять, а конца смены в ближайшие десять часов не намечалось.

Белая с пятнами ржавчины «Ока» покорно мигнула — Олег снял ее с сигнализации и бережно сложил заказы на заднее сиденье. Прикинул, что на переднем уместится еще штук пять. Хлопнула металлическая дверь — на улицу выбежала Аля с несколькими заказами:

— Олег, бери быстрее и уезжай!

Он сел за руль и резко крутанул ключ в замке зажигания, двигатель мерно застрекотал, печь обдала ноги волной горячего воздуха. Чертова работа! Весь день за рулем, приходится то и дело бегать по темным и заплеванным подъездам, выслушивать от клиентов претензии. Будто водители формируют заказы и готовят еду. Нам-то какое дело до этих заморочек?

Он резко ткнул пальцем в кнопку включения японской автомагнитолы, такой старой, что с нее даже стерлось название фирмы-производителя. Надежный кассетник, с удовлетворением подумал Олег, сколько лет безотказно работает. Отработанным движением вытянул кассету из коробки между сидений и воткнул ее в черный зев магнитолы. Неожиданно щелкнул реверс,

перебросил головку, немного подумал и вернул обратно. Колонки с хрипом и треском выдали композицию «Перезагрузка».

Вот чертов день! Даже отличная магнитола заглючила — наверно, перегрелась…

Курьер перешел на третью передачу, плавно входя в поворот на улицу Луначарского, попутно вспоминая первый адрес. Рядом с заказчиком жил его старый друг — так ему было проще запоминать нужные дома. Машина натужно скрипнула. Надо бы что-нибудь приятное вспомнить, а то точно к двенадцати рехнусь, лениво подумал курьер, все равно еду на чистых рефлексах.

— А ведь раньше была нормальная работа, с хорошей зарплатой — почему же так все вышло?

— Как почему? А потому, — проснулся холодный и чужой голос. — ты же сам ушел.

— Нет, мне помогли…

Перед глазами встала яркая картинка — белый лист формата А4 с аккуратно выведенными словами «Прошу уволить меня по собственному желанию», синяя подпись и рядышком дата.

— А из-за чего это произошло? — поинтересовался тот же голос. — Ты помнишь?

— Такое не забудешь, — ответил курьер. И перед ним закрутились яркие картины прошлого, будто неведомый киномеханик прокручивал назад пленку. Вот он сидит за компьютером и отчаянно пытается подготовить отчет за прошедший период по произведенным операциям. Баланс не сходится, да и не может сойтись. Галя в очередной раз все запутала и выключила свою машину, чтобы он не смог воспользоваться необходимыми данными. В глазах уже давно «песок» от долгого сидения перед монитором, хочется спать, усталое тело уже буквально рыдает: «спать, спать, ну дай же мне поспать!» В углу монитора медленно сменяются цифры — 5.00. Утром ждет разнос от шефа и лишение премии. Внезапно открывшаяся лазейка: из фирмы можно увести миллионы и при этом не попасться. К горлу поднимается тяжелый ком: одно нажатие кнопки, и через пару недель ты — миллионер. Деньги — на подставной счет за рубеж, прокрутить несколько десятков раз, чтобы запутать следы, а потом на счет подставного лица. Достать паспорт какого-нибудь бомжа — и деньги в кармане. Нет, слишком страшно, вдруг найдут… Нет, это глупо — так рисковать, ведь еще и карьера рухнет…

Следующий кадр еще ярче — утреннее совещание, яркий свет точечных ламп. В голове бьется одна мысль — «опять не успел, слишком мало времени». Шеф величественно-грозен — ему по-другому и нельзя: мелкий начальник, который приходит на

работу с утра, проводит планерку, а потом под выдуманным предлогом убегает домой пить пиво.

— Ну-с, чем нас порадует господин Николаев? — он благожелательно щурится.

— Я не успел доделать, Александр Николаевич…

— Опять?! Ты опять ни черта не сделал, хотя получил это задание три дня тому назад!

— Но я же делал отчет по другому НПЗ.

— Долго копаешься. Лишаю тебя премии, прямо сейчас напишу приказ.

Галина Сергеевна оправляет элегантный пиджачок, слишком не идущий старой деве с крашенными хной волосами.

— А он ничего не делает, Александр Николаевич! Целыми днями на компьютере играет.

Конечно, играю. Четыре дня в неделю делать нечего, а потом резко подваливают задание, которое, оказывается, надо выполнить за день, затем мою работу рассматривают под микроскопом в поисках малейшей ошибки. Бывает и так: два дня делаешь одно, а потом подкидывают другое — в пятницу же изумленно пожимают плечами и говорят: «А ты был должен все сделать!».

— Сейчас же сотри все игры со своей машины, — распоряжается шеф.

Из-за второго стола подает голос подпевала Галины, Татьяна Ивановна, располневшая женщина лет пятидесяти.

— А еще он несколько раз в день ходит курить и слишком громко стучит по клавиатуре!

Сама никогда не признается, что весь день играет в пасьянсы, а ее работу делают другие люди. Остается всего лишь выдать эти результаты за свои, отсюда и такая скорость выполнения. К тому же полдня Татьяна Ивановна каждые пятнадцать минут прозванивает своего мужа с двумя вопросами: «Ты где, дорогой? Что делаешь?»

— Так, ты в курсе, что наш отдел могут лишить премии? Курить можно только два раза в день!

— Хорошо, Александр Николаевич, я постараюсь курить меньше.

— Все, планерка закончена, а я поеду домой — сантехник должен прийти, — шеф разворачивается и, забыв о приказе, быстро исчезает за дверью.

— Олег, если ты не справляешься, возможно, тебе лучше уволиться. Что ты теряешь? У тебя ни жены, ни детей, найдешь себе более подходящую работу, вернешь уверенность в себе, я тебе от чистого сердца говорю, — Татьяна Ивановна даже ленится

встать из-за стола…

Многим позже курьер узнал, что его «зачищали» — место нужно было знакомой девочке, которая забеременела неизвестно от кого и теперь нуждалась в пособии.

За лобовым стеклом мелькнул нужный номер дома, грубо измалеванный черной краской на желтой стене. Он вынырнул из пучины воспоминаний и резко свернул на крохотный пятачок стоянки. Вынул товарные чеки, сверил их пару раз с номерами на пакетах — и только сейчас заметил, как в машине удушливо пахнет специями и дешевым табаком.

— Тьфу, чтоб вас с этими сушами! — и опрометью побежал к подъезду. Внутри было темно, воняло кошачьей и человеческой мочой, а заодно табаком. Курьер взлетел по деревянным ступеням на четвертый этаж и позвонил в семнадцатую квартиру. Внутри послышались шаги, в замочной скважине заскрежетал ключ, и через минуту железная дверь распахнулась. Изо рта вылетела заранее заготовленная фраза:

— Здравствуйте, служба доставки!

Девушка в розовом халатике цепко схватила пакет и сунула пачку купюр.

— А что так долго? Мы уже заждались… — и, не дожидаясь ответа, захлопнула дверь.

«Наплевать», — решил про себя курьер и кубарем слетел вниз по лестнице. Следующий заказ нужно было занести в новую девятиэтажку напротив. Он набрал нужный номер на домофоне, через минуту раздался веселый мужской голос:

— Але?

— Служба доставки!

— О, заходи! Девятый этаж.

— Спасибо!

Курьер быстро приехал наверх, на площадке уже стоял полный мужик в лоснящихся тренировочных штанах с пузырями на коленях и полосатой тельняшке.

— Здорово! — и тут же протянул тощую пачку сотенных купюр. — Без сдачи. А это лично тебе, — он протянул сотню, — Молодец, быстро приехал.

— О, спасибо огромное.

— Давай, счастливого пути!

— И вам хорошо погулять!

По пути вниз курьер вспоминал дорогу к следующим домам, знаки и места кормления гаишников. Теперь район, где когда-то гуляли с Ладой. Грела душу только что свалившаяся с неба сотенная купюра. Бензин куплю, решил он про себя, запрыгивая в салон машины. Не глядя, достал новую кассету и вставил в

кассетник. Магнитола снова щелкнула реверсом — глюк продолжал повторяться. Заиграл Ace of Base — музыка времен института, безумных оргий четвертого и пятого курса, время Лады. Оно было не таким уж и плохим…

К тому же халявную сотню можно было потратить и на пиво после смены. Все одно — завтрашний день выходной и можно отоспаться.

— Сотня — это, конечно, хорошо, — проговорил откуда изнутри ледяной голос. — Вот только, дорогой, давай-ка вспомним, сколько лет ты учился и сколько потратил на это сил. Разве все это было ради работы курьера?

— Да у нас почти все ребята работают с «вышками», подумаешь…

— Это они, а другое дело — ты. Ребята-то моложе тебя, для них это времянка. А ты опять тормозишь.

— Мне просто не везет с работой.

— Лжешь, ты боишься быть тем, кто ты есть. Вспомни, за что тебя бросила Лада…

На улице загорелись мертвенно-бледные лампы фонарей, озаряя серые кучи снега и льда. «Ока» застрекотала двигателем и вывернула на проспект. Курьер рефлекторно крутил руль, переключал передачи, а тем временем его накрывала новая волна воспоминаний…

Теплая миниатюрная ладошка Лады в руке, нежные и безумно долгие поцелуи на скамейке под роняющим листья кленом и, конечно, бесконечные разговоры. Вот здесь раньше постоянно проходили, а здесь — любимый парк…

Почему-то эту крохотную девушку всегда хотелось обнимать и никогда не отпускать от себя. А помнишь, когда она впервые сказала, что любит тебя? Мимоходом, как бы невзначай, а ведь встречаться начали «от делать нечего».

И последний удар, нанесенный спокойно, в спину:

— Извини, дорогой, но я больше не буду встречаться с тобой.

— Но почему? — будто что-то тяжело ударило в переносицу, закружилась голова.

— Мы никуда не ходим, ни с кем не общаемся. Мне просто скучно.

— Зачем ты мне все это говоришь?

— Ты спросил, а я честно ответила, только потому, что ты сильный. Прости, давай останемся друзьями.

Пластик телефонной трубки казался Олегу просто раскаленным. Просто у бедного студента не было денег — все банально в этой жизни. Той ночью он выкурил пять пачек сигарет и выпил бутылку водки, закусывая черным хлебом и луком…

Курьер резко свернул на Кустова, местные власти развлекались, называя новые улицы именами якобы известных просветителей. На самом деле Кустов был просто местным воришкой, пишущим дрянные стишки о родном крае по принципу — «что вижу, то и пою», которого полицейские однажды пристрелили во время облавы. Теперь воришка стал национальным героем, ему даже недавно бюстик в сквере поставили, скромненький такой, спрятали подальше в глубину сквера.

Курьер привычно припарковался возле мусорных баков — все остальное пространство заняли автомобили жильцов. Привычно пробежал по ступеням на третий этаж, попутно костеря отключенный лифт, и позвонил в пятнадцатую квартиру.

— Там кто? — спросил пьяный мужской баритон.

— Служба доставки! — Вот черт, опять нарвался.

Дверь открыли минуты через две.

— Заходи! — приглашающе махнул рукой мужик в застиранных семейных трусах. — На бабло, отсчитай, сколько надо, а то я пьяный совсем.

Курьер поставил пакет на стол, аккуратно отсчитал положенное количество купюр, попутно поддерживая порывающегося упасть на пол клиента за локоть. Тот внезапно ожил.

— Слышь, брат! Давай выпьем — сегодня такой день! У меня водка мировая есть, а закуску ты привез.

— Извините, но я не могу — за рулем.

— Да плюнь ты на эту работу! Бери телефон, говори, мол, остался у меня водку пить.

— Не могу — надо заказы везти.

— Ну, ты какой…Ну езжай тогда.

В машине курьер закурил, пожал плечами «Приколист!» Он въехал в микрорайон Речной, включил автомагнитолу и сунул в нее новую кассету, та привычно щелкнула реверсом… Из колонок раздалось позвякивание цепей — «Наутилиус Помпилиус»: с первого по третий курс, покупка этой «Оки», время учебы и первых прогулов, время Насти… Потраченное впустую время.

— Ты помнишь ее? Сейчас мы едем мимо ее дома.

— Да, только как-то смутно.

— Сколько ты на нее потратил времени?

— Три года.

— Что ты получил в итоге? Ни одного поцелуя и кучу потраченного времени и нервов. К тому же у нее был парень, с которым она спала, — наркоман и алкоголик, еще с десятком она встречалась, чтобы весело провести время. Оно того стоило?

— Я ничего не мог с собой поделать.

— Мог. Вспомни, когда-то ты бросил Инну, которая любила тебя на самом деле. Сделал это спокойно и хладнокровно, рассчитав все, до последнего слова. Но сделал, как настоящий трус, просто позвонив вечером по телефону. Что же ты обижаешься на Ладу?

— Не обижаюсь.

…Поздним вечером Олег не выдержал, схватил телефонную трубку и набрал номер. После долгих месяцев прогулок и бесчисленных подаренных роз он впервые решился признаться Настеньке в любви.

— Алло. Настя?

— Привет! Как дела?

— Нормально, — сердце екнуло и подкатилось к самому горлу. — Пойдем сегодня гулять? На улице отличная погода.

— Не могу, мы с мамой варим смородиновое варенье. Ну я пошла, а вечером созвонимся.

— Насть, подожди, — зависла пауза, и воздух в легких вдруг стал тяжелее свинца. — Стань моей девушкой.

— Обнимания, целования? Ну ты меня расстроил — такое хорошее настроение было. Извини, но никакой любви между нами не будет. Давай останемся друзьями.

— Но я жить без тебя не могу, — на плечи будто рухнуло небо, придавив многотонной тяжестью.

— Ох, ну и достанется мне потом. Давай я тебе вечером позвоню — поговорим?

Тем вечером она так и не позвонила. Олег впал в депрессию. Сидел и тупо смотрел на белый потолок: ему казалось, что жизнь кончилась. Магнитофон непрерывно крутил «Князя Тишины». Вставал только на работу, ел и пил, не ощущая вкуса, «Ока» тем временем мирно пылилась на парковке. Он решил вычеркнуть Настю из своей жизни навсегда, но позвонил сам через неделю — трясясь, будто алкоголик в ожидании бутылки водки…

Газ, тормоз, сцепление — курьер механически нажимал педали, индикатор топлива медленно и неуклонно подходил к нулю. Зато пакетов поубавилось. В нагрудном кармане запиликала дешевая, но надежная «Нокиа» — на дисплее висела надпись «Оператор».

— Але!

— Ты где?

— Подъезжаю на последний заказ.

— Скоро обратно приедешь?

— Через час, далеко заехал.

— Давай быстрее, у нас тут запара. Санькину машину вдрызг

какой-то мажорик на джипе разбил.

Курьер вжал педаль газа в пол, машину начало потихоньку «тащить» по укатанному льду. В голове мелькнула глумливая мысль: стритрейсеры, гонщики — да любой курьер их сделает. Вон, Санек рассказывал — стоял на светофоре, а у него что-то с холостыми оборотами случилось, так он газовал, чтобы не заглохнуть. Рядом встала стритрейсерская «четырнадцатая» — вся в модном «обвесе» и тонировке. Ее водитель тоже принялся жать на педаль газа. Зеленый загорелся, Санек на своей «шестой» ушел вперед сразу же, «гонщик» догнал только на следующем перекрестке, когда он уже тормозил, чтобы во двор заехать…

Вскоре курьер заехал во двор нужного дома, заглушил мотор, лениво потянулся и закурил. Бежать уже совсем не хотелось, к тому же клиент сейчас будет ругаться.

Так же не спеша поднялся на четырнадцатый этаж и позвонил. В квартире слышался пьяный гогот. Черт, опять! Оттуда выскочила пришибленная девочка.

— Здравствуйте, сколько мы вам должны?

— Тысячу пятьдесят.

Поспешно сунула курьеру нужную сумму, из квартиры послышался пьяный вопль:

— Ну и че эти суки со своим суши приперлись так рано?

Курьер хмыкнул. Ну вот и пойми этих людей: то рано, то поздно. Смешно… А еще смешнее, когда какой-нибудь студент копилку разобьет и все деньги на суши потратит. Не понимаю…

Он сел в машину, привычно услышал, как щелкнул реверс на магнитоле, — почти сразу заиграла старенькая кассета, Enigma пела про возвращение к самому себе. Курьер не спеша воткнул первую передачу и плавно поехал обратно.

Холодный голос вновь обратился к нему:

— Ты помнишь этот этаж?

— Нет. Послушай, может, я уже стал шизофреником?

— В этой жизни все может быть. На этом этаже ты впервые целовался с Инной.

— Да, но оценил я ее гораздо позже. Слишком поздно.

— Ты бы не хотел все вернуть назад и исправить свои ошибки? Может, лучше выйдет?

— Остаться с Инной?

— Ну а если хорошо подумать? Она сделала тебя более мягким и восприимчивым. В кого ты превратился? Помнишь, каким был раньше? Помнишь свои правила: никогда ничего просто так не делай — только если это принесет выгоду. Никогда и никому ничего не говори о своих планах, язык мой — враг мой. Много лет тому назад ты был другим: решительным и жестким.

Может, не стоило изменяться? Нажми на реверс. Как ты тогда говорил о себе?

— Я в режиме «железного марша», — рука Олега нажала на кнопку «реверс». И он громко, истерично рассмеялся; все так же неистово хохоча, завел двигатель и поехал на базу.

Он даже не заметил, что спидометр начал крутиться в обратную сторону — сначала убирал по одному километру, потом по два, а дальше все быстрей и быстрей.

Олег снова и снова задавал себе вопрос: а что я мог сделать тогда? И утомленный мозг начал прокручивать повтор ситуации.

…Вот снова школьный двор, вечер и гитары. Снова смотрит голубыми глазами Инна, только что познакомились и теперь мило треплются о пустяках…

— Извини, но мне пора, — резкий разворот, будто на армейском плацу выполнил команду «кругом!».

— Пока, — растерянно шепчет Инна, в голубых, как небо, глазах, плещется недоумение: «Ну чем я его обидела?»

Олег маршевым шагом идет домой — в голове четкая, холодная как лед мысль: «Так было надо, я не имею права тратить время на такие пустяки, как любовь. Мне нужны деньги…»

Он не заметил, как его руки медленно — будто полуостывший воск потек вниз из формочки — обволокли тонкие черные кожаные перчатки. Просто поддал газу, радуясь верно подобранному решению. Мимо неслись сплошным рядом фонарные столбы.

…Четвертый этаж института, старый вытертый паркет, запах пыли и гомон студентов. В тот день Олег сидел на подоконнике, когда к нему подошел Гриша с двумя незнакомыми девушками.

— Здоров! Знакомься — Оля и Настя.

Что-то подозрительно зашевелилось в душе, когда заискрились золотом русые волосы на солнце, вокруг фигурки Насти появился туманный ореол. Но железная воля раздавила зарождающиеся ростки влюбленности.

— Пока, — равнодушно ответил Олег, — я очень занят…

…За рулем «Оки» сидел уже совершенно другой человек — черный обтягивающий френч, черные брюки, длинные волосы собраны в хвост, на котором блестит серебряная заколка. Маленькая машинка пошла на пределе своей скорости, резко подпрыгивая на кочках, стрелка тахометра медленно подползала к предельным оборотам. Водитель ничего не замечал, погруженный в воспоминания.

…Вот он сидит за компьютером и готовит отчет за прошедший период по произведенным операциям. Баланс уже сошелся, хотя Галя в очередной раз все запутала и выключила

свою машину, установив пароль, чтобы он не смог воспользоваться необходимыми данными. Пароль он уже запомнил, когда порылся вечерком в ее личных вещах и нашел рабочий блокнот.

Теперь ему оставалось только вывести деньги через внезапно открывшуюся лазейку на заранее подготовленный счет в оффшорной зоне. При этом красиво подставив Татьяну Ивановну — он не сомневался, что админ сумеет отследить, с какой машины осуществлен перевод. Ну ничего, все одно — завтра операция будет проведена по высшему разряду. А за решеткой эта дамочка уже не сможет играть в пасьянсы и через каждые пять минут названивать мужу. Ха, даже доброе дело сделал: поживет мужик спокойно на старости лет…

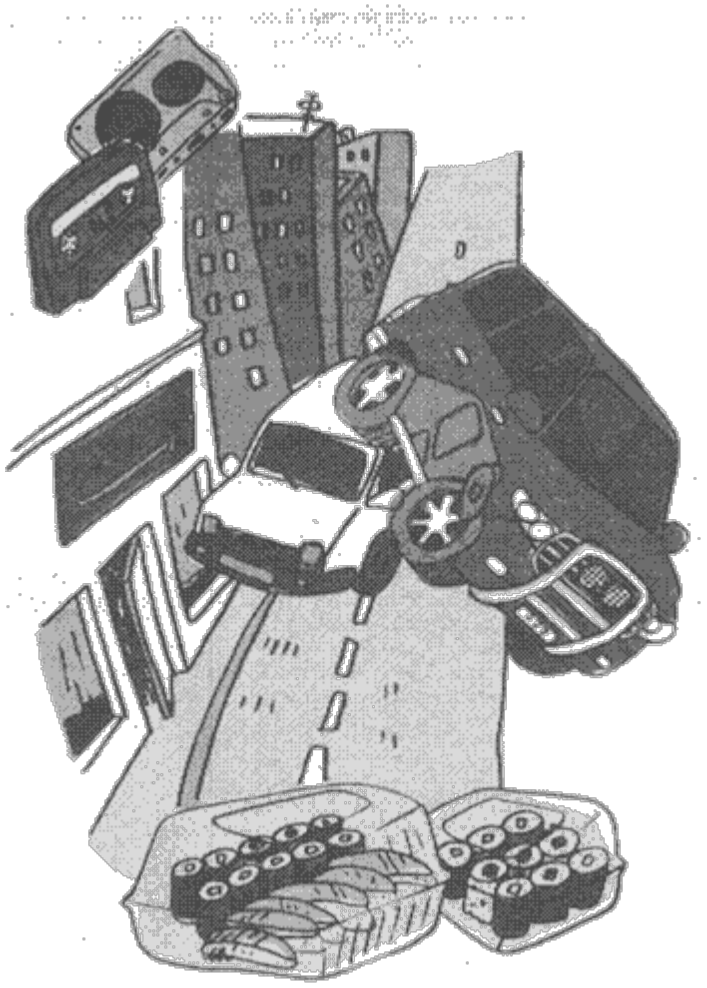
Ровно через неделю за ней пришли суровые ребята из СБ в сопровождении замученного жизнью следователя.

Как выяснилось позже, Галина активно пыталась защитить подружку и свалить вину на Олега. Зато на рабочем месте Татьяны Ивановны быстренько обосновалась новенькая — тихая и спокойная девочка, с которой Олег установил отношения в рамках «Здравствуйте» и «До свидания».

А потом несчастье случилось и с бедной Галей — в темном подъезде ей проломили голову арматурным прутом, забрали все деньги и вырвали серьги из ушей. На похоронах Олег стоял ровно пять минут, мысленно аплодируя себе: следователь был уверен, что убийство — дело рук наркоманов, тем более район неблагополучный. Хорошо ребята поработали — профи, ничего не скажешь.

Через полгода Олег Алексеевич стал замом начальника отдела, а еще через полгода — уволился под горестные причитания шефа. С собой он унес заодно и все необходимые для захвата предприятия данные…

«Ока» быстро раскалилась, ее обволокло густым облаком электрических разрядов — за машиной оставалась полоса расплавленного снега и льда. Этот сгусток то появлялся, то исчезал на несколько мгновений.



Гаишник потом божился, что на его радаре отмечена скорость НЛО, пронесшегося мимо в двенадцать ночи. На следующий день в газете поместили его интервью с фотографией. Прославился бравый представитель властей ровно на месяц. Потом рухнул капитальный двухэтажный гараж, и об НЛО вместе с гаишником забыли.

Наконец бешено несущееся облако спало, растворилось без следа. Теперь по дороге мчался двухсотый «ленд крузер», окрашенный в «красный металлик». На главной улице города за ним погналась патрульная машина, включив «люстру». Из динамиков несся нервный голос гаишника: «Ленд крузер! Номер 777 — немедленно остановитесь!»

Олег Алексеевич удивился — зачем он так гнал? Спокойно припарковал джип возле бордюра и достал удостоверение депутата местного Госсобрания. Гаишник тут же подскочил к

открытому окну, но, увидев лицо водителя, отшатнулся и, пробормотав: «Извините», медленно побрел к своей машине.

А нарушитель спокойно покатил к ресторану доставки «Самурай», помня, что ему обязательно нужно туда заехать — но зачем? Этого он не помнил. Еще появлялась в мыслях какая-то Лада…

Около ресторана он вышел из машины и, отсчитывая шаги, пошел по свежевыпавшему белому снегу. Прошел вовнутрь, грохнув металлической дверью, и прошел к операторам.

На него изумленно воззрилась девушка:

— Молодой человек, вам кого? Вы за заказом приехали?

Олег смутно вспомнил, что он был должен привезти сюда какие-то деньги. Но тут из своего кабинета вышел, сияя американской улыбкой, директор.

— Олег Алексеевич! Как замечательно, что вы к нам приехали! Ваш заказ уже давно готов. Прошу!

Олег вытянул толстую пачку купюр из кармана…

— Нет-нет, что вы! — замахал руками директор.

Олег молча положил пятитысячную купюру на стол и, взяв пакет, вышел на улицу. На небе холодно сияли звезды…

Аля потом еще целый час пыталась вспомнить, почему же ей кажется таким знакомым этот человек, хотя она никогда не смотрит местных каналов. Еще она думала, почему же у него такие ледяные и страшные глаза, будто за ними, словно за воротами, стоят легионы Ада.

Олег же поехал домой, борясь с желанием вышвырнуть пакет с суши в окно. В его душе прочно обосновалось ледяное спокойствие, стандартное состояние — никаких эмоций, только холодный и чистый разум. Человек-машина, человек-функция — так его называли за спиной. Олег это знал, но ему было все равно. А тут раздражение из-за каких-то там роллов. Непорядок.

CD-плеер крутил его любимую песню «Технологии»: «Все, что ты хочешь…» Как раз самый любимый отрывок:

> …Ты правил жесткой рукой
> Ошибки прежних надежд,
> Скрывая сердце свое
> За блеском черных одежд.
> Ты смотришь на безмолвную толпу,
> Любой из них лишь твой должник —
> Но ты не должен никому.

Олег Алексеевич никогда не ошибался — всегда принимал только верные решения.

Он вошел в свой особняк, аккуратно снял ботинки и прошел в гостиную. Возле камина на диване сидела Настя в белом махровом халатике и смотрела в огонь. Она даже не повернула голову — давно привыкла к чеканному шагу мужа.

— Олег, это ты?

— Я. Возьми, — он сунул ей пакет. — Отнеси на кухню.

— О, суши, дорогой, как это мило. Мы будем отмечать День влюбленных?

Он посмотрел ей в глаза:

— Где ты тут видишь влюбленных? Шлюха! — Последнее слово сорвалось само по себе — внезапная злость неприятно удивила его.

— Не смотри на меня так, мне страшно, — замерла Настя. Она прекрасно знала, как муж умеет «читать» людей: весь ее флирт и кавалеры не были для него тайной.

— Я пошел спать. — Он поднялся на второй этаж. Нет, сегодня странный день, решил про себя Олег и выпил валерьянки. Мозг уже обсчитывал варианты завтрашней сделки — как всегда, предусматривая абсолютно все: тип личности, возможности…

Он продолжал работать даже во сне, и все складывалось просто отлично. Только еще одно чувство стало ему докучать: Олегу Алексеевичу, владельцу огромной корпорации и нескольких банков, казалось, будто его обокрали, увели из-под носа что-то нематериальное. Вот только одного он понять не мог — что у него украли?

Сергей Соловьев
Ледяные ночи октября

Рассказ

Всему приходит конец, в том числе и путешествиям во времени. Рассказ «Ледяные ночи октября» — завершение цикла «Петля Амфисбены» (см. «Полдень» за январь-февраль 2010). Последнее путешествие во времени, однако, не может полностью принадлежать времени — оно должно содержать в себе нечто вневременное. Конец чуда — нахождение причины, конец тайны — раскрытие смысла.

1. Разговоры с собой

Дача

Ледяные ночи октября… Я — призрак самого себя, я — дух из прошлого на старой профессорской даче. Ни единого фонаря на полкилометра вокруг. Правда, по темному шоссе иногда проносятся машины. Если стоишь в дальнем конце участка у забора, видно, как за холмом медленно набухает сияние, затем — световой взрыв, слепящие фары, и мимо метеором проносится автомобиль, обычно на большой скорости, где-то за сотню. Когда машина приближается с другой стороны, световое шоу выглядит по другому — около озера крутой поворот, его проходят медленно, а потом стремительно ускоряются, рыча двигателем на низкой передаче.

Вход и въезд на участок сбоку, со стороны переулка. За переулком — высоковольтная линия, лес.

Я остро чувствую свое одиночество. Одиночество в качестве человеческого существа: с другими человеческими существами меня мало что связывает. Это не значит, что я совсем не вижу людей или у меня плохое настроение. Я с давних пор мечтал побольше времени проводить наедине с космосом или хотя бы с безлюдной природой. Людей вокруг всегда было слишком много, это мешает. Тех, кого я вижу теперь, я по большей части вижу случайно, а главное — перед ними у меня нет никаких обязательств.

Но в космическом смысле я не одинок. Как я могу в этом сомневаться после всего, что со мной случилось?

Когда-то в моде было рассуждать о втором начале термодинамики и тепловой смерти вселенной. Но второе начало применимо только к замкнутым системам. Обычно делается подмена — замкнутость понимают в смысле замкнутости в пространстве, хотя на самом деле любая незамкнутость — например, по уровням структуры — делает второе начало неприменимым. А сколько этих иерархических уровней — что вверх, что вниз — и как они друг с другом связаны, никому толком не известно. Говорят, что для того, чтобы добраться до глубоких уровней, нужны огромные энергии. Но, во-первых, это ежели мы пытаемся взломать их силой — ведь взлом всегда требует больше энергии, чем открывание двери ключом. Во-вторых, труднодоступность этих уровней не мешает им деликатно влиять на другие, более доступные. А в-третьих, в космосе необходимые энергии есть. Взять другую модную тему — черные дыры, сингулярности. Сингулярность — абсолютное средство взломать любые, сколь угодно глубокие структурные уровни, выплеснуть наружу столько негэнтропии — отрицания энтропии, — сколько потребуется. С лихвой может хватить на создание новой вселенной…

Из этих рассуждений видно, что мое состояние гораздо ближе к бесшабашному восторгу и мистическому экстазу, чем к тоске и унынию. Хотя со строго материалистической точки зрения радоваться мне нечему — мой, как говорят теперь, спонсор недавно погиб, живу я на птичьих правах, будущее мое неопределенно.

Одно из самых забавных последствий путешествий во времени — нарушение естественной возрастной иерархии. Не так давно в возрасте девяноста с чем-то лет умер Гоша — он помогал мне восемнадцатилетним мальчишкой запустить Машину. Мне тогда было около пятидесяти — и Гоша меня интересовал очень мало. Так сказать, что мне — гениальному ученому-физику, изобретателю Машины — какой-то Гоша?! Тогда я еще не знал, что другой мой знакомый, пожилой лаборант Георгий Валентинович (он был лет на десять меня старше), это тоже Гоша, только прошедший уже большую часть своей жизненной траектории. К Георгию Валентиновичу я относился с некоторым уважением, но его внутренним миром интересовался очень мало.

Следующий скачок — Г. В. уже около 90, а я перелетел лет на пятнадцать в будущее, в дикое постперестроечное время. (Раньше и само-то название «Перестройка» мне не было известно.) Но мне по-прежнему немногим более пятидесяти. Я наконец-то начинаю

им (Гошей) интересоваться, но он стар и слаб, ему не до меня…

М. К., мой бывший гэбистский куратор. Мой спонсор до недавнего времени. До моего скачка через время он, чуть меня моложе, — либеральный, но подловатый офицер КГБ. После скачка — вальяжный, щедрый, опьяненный собственными успехами мошенник-экстрасенс. Увертливый, как угорь, благодетель. Где-то даже не лишенный художественного вкуса и человеческого такта. Поселивший меня на самой старой из трех своих дач — вполне профессорской по привычной мне атмосфере шестидесятых и глубокой своей запущенности…

Наконец, родители Гоши — до скачка это слабо интересующая меня моложавая инженерная пара. После — добрые старики, возможно, после недавней гибели М. К., — мой единственный якорь спасения.

Все это потрясающе интересно — и абсолютно неважно. Во всяком случае, так я думал до самого последнего времени. Теперь я в этом сомневаюсь. Контекстные переменные тоже могут иметь существенное значение.

2. Животные и люди

Лохматый

Он ночует под верандой одной из дач, через два участка от меня. Мне бы хотелось, чтобы он перешел на мой участок. Он часто приходит ко мне в гости, но ночевать упорно возвращается к себе. Большая голова, серая густая шерсть, острые уши. Излишне философичен и добродушен для той доли «кавказца», которая ему досталась от родителей. Любит лежать у ворот гаража (собственно говоря, сарая, который М. К. успел переоборудовать в гараж), чтобы видеть одновременно вход в дом и ворота… Я выхожу на крыльцо, потягиваюсь. Лохматый уже здесь — он смотрит на меня, а я на него.

В его присутствии мне гораздо спокойнее — к дому никто не подойдет незаметно. Лучше бы он оставался на участке на ночь. Правда, в его пристутствии мне бы, наверное, не удалось познакомиться с некоторыми другими моими «четвероногими друзьями». Но надо ли было знакомиться с ними?

Еж Ежович (а может быть, Еж Ёж)

По идее, ежам уже пора впадать в спячку, но этот иногда

появляется на участке. В сумерках, менее холодными вечерами, когда Лохматый уже ушел, шуршит опавшими листьями, пыхтит, постукивает иглами.

Запах Лохматого (должен же еж чувствовать собачий запах) его, похоже, беспокоит мало, меня он не боится, выискивает что-то свое. Лохматый, который приходит утром, ежиный запах, очевидно, чувствует и подолгу обнюхивает те места, где вечером шебуршился Еёж, но, необычайно флегматичный для пса, не пытается идти по следу или разыскивать нору или гнездо — или как там называются те места, которые ежи готовят себе для спячки на зиму…

К слову, Еж Еёж — это имя персонажа одной старой пьесы. Авторы — Анри Волохонский и Алексей Хвостенко. Пьеса под названием «Первый гриб», на мой взгляд, совершенно детская, без всякого «эзопова языка» и двойного смысла, почему-то оказалась в семидесятые годы в «самиздате». Помню, я видел ее перепечатку. Возможно, из-за того, что самих авторов кто-то занес в какие-то списки. М. К. говорил, что оба теперь на Западе.

Если мне удалось однажды построить машину времени, может, теперь удастся построить «машину пространства»? В мире не слишком много новых идей, кажется, на эту тему тоже была написана какая-то фантастика. Но часто самое главное не в идеях, или, скажем так, не в идеях самих по себе, а в одной дополнительной — вдруг это возможно на самом деле?!

Птички

Прочитал в журнале «В мире науки» — русской версии Scientific American, которой меня до своей гибели снабжал М. К., — довольно убедительную статью о том, что птицы — это потомки динозавров. Очень мило. Курица, смутно припоминающая о днях величия своих предков-тираннозавров… В результате прочтения мне стало гораздо интереснее наблюдать за птицами, которые прилетают на участок. Вороны чувствуют, что я о чем-то догадываюсь, и меряют меня подозрительными взглядами.

Прилетают крикливые пестро раскрашенные сойки — невольно задаешься вопросом: может, сообщества динозавров были так же крикливы и пестро раскрашены. А сколько, наверно, было всякой мелочи — наподобие наших синиц, воробьев… Длиннохвостые сороки предупреждают меня стрекотом, если на

соседних участках происходит что-нибудь необычное.

Видимо, пора поговорить о людях.

Зимогор

Может быть, стоило бы сказать сейчас о людской мерзости и злобе — мне есть *что* вспомнить на эту тему. В общем, это не очень интересно — война, лагерь. Лица, загорелые от долгого труда на открытом воздухе, казались мне тогда (и долгое время после) как бы покрытыми тонким слоем дерьма. Нет, об этом пока говорить не хочется. Лучше несколько слов о Зимогоре.

Прозвище это не я сам придумал — узнал летом, когда на соседних дачах еще кто-то жил. Этимология кажется понятной — зима + гора, круглогодичный обитатель дачи, которая стоит на «горе», попросту — самой высокой части дачного квартала. Но познакомился я с самим Зимогором только осенью.

Интеллигентного человека сразу видно — обходя с разных сторон глубокую лужу посреди переулка, мы как бы вежливо раскланялись, взмахнув невидимыми шляпами. Незримому мушкетерскому приветствию нисколько не мешало то, что голова Зимогора была замотана толстым бабьим платком. Не мешали ни его засаленная кофта без пуговиц, ни ватные штаны с вылезшей на колене ватой, ни валенки с галошами — так же как и моя дачная одежда, из-за которой я не менее Зимогора походил на огородное пугало.

— Я смотрю, вы уж с весны тут живете, — улыбнулся щербатым ртом Зимогор. — На зиму решили остаться?

— Да похоже на то…

А какие еще есть у меня варианты, если М. К. погиб? Но об этом я пока говорить ни с кем не собираюсь.

— Заходите как-нибудь… чайку попить…

— Спасибо, обязательно загляну.

На даче у М. К. я действительно с весны. До этого я в основном жил в городе. Также из милости М. К., на различных его квартирах. То есть «его» — в современном, частнособственническом смысле; он даже умудрился, потакая какой-то своей таинственной причуде, приобрести мою прежнюю квартиру на Петроградской. На похоронах мне сказали, что в ней-то он и погиб.

(К слову, сейчас, когда я впервые записал эту информацию на бумаге, она наводит меня на некоторые мысли. — Не забыть!)

Итак, о Зимогоре.

Вскоре после нашего знакомства я действительно зашел к нему на чаек.

Что мне было до этого о нем известно — от М. К., от соседей?

То, что Зимогор — широко известный в советское время переводчик с французского. Сейчас он, конечно, по-прежнему кое-кому известен как переводчик, но широко известным его никак не назовешь, ибо где теперь вся та читающая публика? Читающая — или хотя бы обменивающаяся книгами? Корова времени слизнула шершавым языком. Что еще? Что живет он бедно, возможно, на одну только обесценившуюся пенсию. Можно было предположить, что человек он интересный, если только не выжил из ума, наподобие Плюшкина. Вот, пожалуй, и все.

Настоящего чая у него не было, только травяной. На веранде лежали разложенные для просушки на газете красноватые листья иван-чая.

Сам он был одет на этот раз в ватник поверх той же кофты, те же штаны, валенки, голова замотана тем же толстым платком. На руках — митенки (перчатки со срезанными кончиками пальцев).

— Я тут записывал кое-что, холодно, — пояснил он. — Можете не раздеваться.

Он провел меня в комнату. От небольшой железной печки (типа буржуйки) в углу шло тепло, но это эфемерное тепло скорее подчеркивало холод и сырость, очевидно, давно господствовавшие в этой комнате с пузырящимися обоями. Коленчатая труба, обмотанная обрывками асбеста, через форточку была выведена на улицу. А каково здесь зимой?

Зимогор снял с печки закопченный чайник, закрыл чугунным диском открывшуюся конфорку.

— Место для гостей, — он указал мне на стул, стоявший спиной к печке.

Около печки лежала груда хвороста и стоял прислоненный к стенке топорик.

— Если хотите, я подброшу. Дров у меня нет, приходится самому собирать хворост. Большую печку этим натопить трудно.

— У меня хватит до весны, могу поделиться.

— Спасибо.

В нормальном интеллигентском разговоре обычно присутствует что-то игровое, он может напоминать игру в шахматы, игру в бисер, как у Гессе, что-нибудь почтенно-

карточное, например бридж, — главное, возникают, иногда в виде возможности, иногда реализуясь до конца, многоходовые комбинации, но в нашем разговоре с Зимогором начисто отсутствовала всякая многоходовость. Так, немного, чуть — усталое тепло, желание быть приятным, без надежды и перспективы, а в основном — глинистая тяжесть.

— Вы в технике разбираетесь?

— Немного.

— Я тут нашел кое-что на чердаке, можете взглянуть?

В России известен единственный универсальный способ борьбы с сыростью, холодом и глинистой тяжестью, хотя в последние годы я не часто им пользуюсь; я не зря прихватил, идя к Зимогору, фляжку коньяка. (На *моей* даче после смерти М. К. остались немалые запасы — коньяк он любил.)

В глазах Зимогора появился слабый блеск, щеки чуть зарумянились.

Выпив еще по рюмке, мы поднялись наверх.

Планировка дачи Зимогора не слишком отличалась от планировки *моей* — те же самые постройки конца пятидесятых, некогда казавшиеся роскошью. В ту пору на таких солидных дачах жили профессора и генералы. Наверху была пара жилых комнат и пара чердачных помещений под шиферными скатами крыши. На кирпичной печной трубе виднелись потёки воды.

— Не на что ремонтировать, — пожаловался Зимогор. — Правда, вниз пока не протекает.

Он открыл низкую дверцу чердака, пошарил в темноте и достал винтовку с длинным тонким стволом.

— Мелкокалиберная, бельгийского производства. Думаю, мой отец спрятал. Привез после войны… Я помню, в детстве отец давал мне пострелять. К ней должны подходить обычные патроны для мелкокалиберной винтовки, но у нее что-то с затвором — наверное, слишком долго лежала в сырости. Так посмотрите?

— По-моему, ее надо прежде всего разобрать и почистить.

— Так вы сможете? Возьмите на несколько дней, если хотите.

Коснувшись оружия, разговор пошел веселее. Взяв винтовку, мы спустились вниз.

— Патроны у меня есть, — выдвинув ящик стола, Зимогор показал картонную упаковку.

— А вы знаете, от кого собираетесь обороняться?

— Зачем конкретизировать… С оружием как-то спокойнее… Хотя, конечно, от двуногих волков это не спасет.

— Но бывает дичь и поменьше, правильно?

— Именно.

Двуногие волки

Пожалуй, время сказать и о них, иначе многое в нашем разговоре будет непонятно. (К слову, М. К., когда я переехал на дачу, оставил мне газовый пистолет. Этого мало.)

Первый раз они заходили ко мне весной. Двое.

— Что, дядя, ничего не надо?

Тощие, обтрепанные, в какой-то немыслимой обуви, но с волчьими глазами.

— Дров поколоть, забор поправить?

Я отказался — вежливо, но твердо, чувствуя исходящую от них опасность. В то время я, однако, не особенно боялся. М. К. навещал меня почти каждую неделю, беспокоясь о том, как продвигается проект. Приближалось лето, приезжали все новые соседи, дачный квартал заполнялся людьми. Сомнительная парочка на своих предложениях не настаивала, и я о ней забыл надолго.

Вновь они появились в середине августа.

На этот раз они выглядели лучше — загорелые, в потертой, но чистой одежде. «Волчинка» в глазах, впрочем, никуда не делась. Не особенно молодые, думаю, за сорок. У одного на запястье никелированная цепочка, у другого на среднем пальце татуировка — перстень. Обыкновенный, с черным квадратом.

— Здрасьте. А правду говорят, что вы профессор? — это тот, который с цепочкой.

Другой, с перстнем, держал в руке брезентовую сумку, из которой торчало горлышко бутылки.

— Да, пожалуй, правду, — ненужная гордость помешала мне отречься от профессорского звания.

— С детства мечтал познакомиться с профессором, — покачал головой окольцованный. — Не откажетесь по чуть-чуть? — он приподнял сумку.

Мне по-прежнему думалось, что опасность не так уж велика, а лучше побыстрее разобраться в ситуации. Разговаривали мы у калитки. Открыв калитку, я пригласил их зайти. Не стал звать в дом (что было разумно), а усадил у круглого садового стола и принес из дому стаканы. Да только мне ли не знать, что разумных

предосторожностей достаточно не всегда, а волку протянешь палец — он и руку отъест. Не надо, впрочем, думать, что со мной самим что-то случилось.

Все выглядело очень естественно, границ никаких они как будто не переходили…

В бутылке, которую они принесли с собой, был обыкновенный портвейн, и даже, пожалуй, не поддельный.

На закуску я набрал десяток яблок — прямо с дерева.

— Хорошо тут у вас… Как Ньютон — сидишь под деревом, теории изобретаешь.

— Почему бы и нет? Если думается — почему не думать?

— Вот видишь, — тот, что с кольцом, обратился к младшему, — я тебе что говорил, думать надо всегда.

Нет смысла пересказывать весь наш треп — в нем не было ничего особенного. Они меня чуть-чуть беззлобно подначивали, я, в какой-то степени не без удовольствия, поддавался, распускал перед профанами павлиний хвост ученого-изобретателя, впрочем, заботясь о том, чтобы не сказать чего лишнего. День был удивительно приятный, можно сказать, один из последних безоблачных теплых дней этого лета. Золотистый портвейн, легкий ветерок, голоса детей, возвращающихся с озера, доносящиеся с дачного переулка.

Бутылка вскоре закончилась. У меня в доме тоже была бутылка портвейна — я предложил сравнить. Вот так они ненадолго (действительно ненадолго), зайдя вместе со мной, все же попали в дом. Без присмотра один из них (младший) оставался самое большее тридцать секунд. В той комнате, где находится стол, в выдвижном ящике которого лежали ключи от городской квартиры. От моей бывшей квартиры, теперь принадлежавшей моему спонсору М. К. По секрету от него, я сохранил комплект для себя.

Пропажу я, разумеется, заметил не сразу, много дней спустя. А весь смысл этой пропажи осознал позже, в сентябре, после того, как услышал о его гибели. И то не сразу.

3. Страх в литературе и жизни

Страх в литературе

Зимогор читает мне вслух.

Перед этим он объявляет мне в качестве предуведомления: «Перевод. Потрясающий писатель. Альфред Жарри. Главное у него, конечно, „Король Убю“, замечательная пьеса. Первая

реплика — „Merdre!“ — „дерьмо“, но с разницей в одну букву. Я еще не придумал, как лучше переводить. А это из другого произведения — „Страх в гостях у Любви, или Девушка-Страх приходит в гости к Амуру“.»

С. — У тебя на часах три стрелки. Для чего?

А. — Здесь так принято.

С. — Боже мой, зачем эти три стрелки? Когда я на них смотрю, у меня мурашки по коже.

А. — Нет ничего проще. Успокойтесь. Первая показывает часы, вторая минуты, а третья неподвижна. Это знак моего равнодушия.

С. — Ты так шутишь… Вы не осмелитесь претендовать… Нет, ты не осмелишься…

А. — Дернуть за сердечный стоп-кран?

С. — Я не понимаю, о чем вы говорите…

А. — А когда я молчу?

С. — Я вас понимаю лучше.

А. — Ну вот вам и объяснение.

С. — Какое объяснение?

А. — Которого я вам не собираюсь давать.

Страх в жизни

Я-то знаю причину своего страха, к сожалению, он носит совсем не литературную природу. Вопрос — что мне делать? Сколько можно бояться?

Я был на «проводах тела» М. К. в крематории, а потом на захоронении его праха — маленькой такой пластмассовой урночки.

Я более или менее знаю, как его убили, а после того как сопоставил факты (пропажа ключей), думаю, знаю, кто.

Окна большинства дач по соседству наглухо закрыты на зиму — ставнями, щитами. На этой даче тоже имелся комплект щитов, оставшийся от прежних хозяев.

В начале октября, когда я сообразил, что к чему, я достал их из сарая и закрыл все окна, кроме верхних, мансардных. Днем я снимаю также щит на кухне, чтобы было видно калитку (щит крепится изнутри). Когда я в доме, входную дверь я держу закрытой на крючок, а ночью дополнительно блокирую деревянным брусом. Для этого по сторонам от нее к стенам привинчены скобы — прежние хозяева все предусмотрели. Ничего удивительного, большинство дач, как известно, грабят почти

каждый год.

Под подушкой у меня лежит газовый пистолет, а под кроватью топор. Уходя, я все запираю на ключ.

Голос разума

Рациональное планирование — единственное спасение от страха, затягивающего меня, как трясина.

Пока М. К. был жив, я не очень-то спешил восстанавливать Машину. Зачем — чтобы ею воспользовался М. К.?

А если ею воспользуюсь я сам — куда я на этот раз попаду? Контролировать перемещения я еще не научился, не надо строить иллюзий.

Кроме того (хотя бы перед самим собой надо быть откровенным), я боялся, что у меня ничего не получится. Я не до конца понимал, как мне удалось дважды запустить ее в прошлом.

Последние дни перед прежними запусками я работал, как безумный. Можно подумать, ключевой составляющей тоже был страх. Только тогда я боялся КГБ, а сейчас боюсь смертоубийственной шпаны, убийц М. К.

Впрочем… Хоть раз в жизни, в этих неизвестно кому предназначенных записках, можно высказаться откровенно? Между спецслужбами и шпаной нет большой разницы. То же глубинное родство, которое они сами когда-то готовы были подчеркивать в лагере, называя уголовников «социально близкими». Та же готовность, как кошке с мышкой, играть с человеческой жизнью.

Мои ближайшие действия.

а) Проверить свой счет в сберкассе, возможно, ежемесячный спонсорский перевод от М. К. успел пройти, несмотря на его гибель.

б) Съездить в город — за деталями, необходимыми для восстановления Машины.

в) Отремонтировать винтовку Зимогора.

Надо спешить — Зимогор говорил, что недавно он видел моих «волков» в поселке около магазина.

4. В город и обратно

Старая записная книжка

В город я еду на электричке. В сберкассу деньги, к счастью, пришли. Счет, разумеется, рублевый, но в пересчете на доллары у меня есть где-то около полутора тысяч. Доллары могут понадобиться, а в поселке, конечно, ничего не поменяешь. Я снял почти все, но закрывать счет еще рано — вдруг этот перевод из замогилья не самый последний.

Иметь при себе большую сумму денег в наше время небезопасно — но медлить еще опаснее.

Было бы нелепо начинать с магазинов, хотя, на поверхностный взгляд, они ломятся от качественной заграничной техники: там можно купить кое-какие мелочи, вроде хорошего кабеля (инструменты у меня есть), но не то, что мне действительно нужно. Вся надежда на старую записную книжку и на адреса, которые в ней…

Спрашивается, если книжка старая, может быть, в ней все устарело? Нет, не все — конечно, я не спешил, как бы там покойник ни порывался ускорить работы, пока был жив (это его гибель толкает меня вперед лучше любых аргументов), но контакты проверял, чистил… короче…

Четыре завода

Мрачный октябрьский денек. В Петергоф я не поеду, хотя самые прочные связи у меня были с мастерскими НИИММ — института математики и механики. Слишком далеко. Что остается?

Развалины (или почти развалины) у воды. Чуть дальше — дымящаяся свалка. Чуть ближе — канал, ведущий к заливу, «ковш» с катерами. Бывшее НПО имени Коминтерна. Развал, разруха — но в экспериментальных мастерских теплится жизнь и даже остались кое-какие старые знакомые.

Это — первый из четырех заводов, которые я решил посетить. Я позвонил по телефону с Финляндского вокзала, доехал на метро до «Василеостровской», поймал машину…

На самом деле я, конечно, понимал, что главной проблемой будет доставка всего, что мне удастся раздобыть, на дачу. Я мог бы, побивая рекорды скорости и потратив часть денег, объехать четыре завода, используя частников, — связываться с таксистами в наше время чистое безумие. Но останавливать случайную машину для вывоза тяжелых деталей — в предположении, что мне их удастся добыть, — идея тоже довольно нелепая.

Можно представить себе эту сцену: я с пятидесятикилограммовым соленоидом ловлю частника в глуши Шкиперского протока. Поэтому еще до звонка на завод я позвонил родителям Гоши и договорился о возможности переночевать у них. Я рассчитал, что утром смогу воспользоваться их машиной.

Пропуск мне приготовили — в этом состояла основная функция еще остававшихся в бывшем НПО научных сотрудников. Договариваться всегда проще с рабочими — большинство органически ненавидят бюрократические формальности и не пытаются отыгрываться на тебе за свое униженное положение, как разнообразные мелкие «ответственные лица». Но восстановление контактов после моего путешествия все же пошло на пользу — мне не задавали лишних вопросов, зная, что периодически я что-то по мелочи заказываю. Выживать приходится всем…

Обычно рабочие приглашали меня выпить стаканчик-другой, но тут даже им передалась моя сосредоточенность на деле — договориться удалось минут за двадцать. Завтра утром все будет готово, меня будут ждать в условленном месте. Охрана, которая тоже страдала от бескормицы, будет, как водится, смотреть в другую сторону…

Со старого телефона в заводской лаборатории я обзвонил оставшиеся три завода. Все, кто был мне нужен, оказались на месте.

Следующий мой пункт назначения — «Электроаппарат» в районе Косой линии. Правда, голос моего тамошнего контакта звучал несколько странно.

Странно было и то, что он предложил встретиться в кафе. В полуподвале, через несколько линий от завода.

До места встречи мне пришлось добираться на маршрутке — быстрее, чем ловить в этих краях машину.

Он ждал меня на остановке, не той, которая ближе к заводу, а следующей. Тоже — его выбор.

Один из старых моих знакомых, еще с семидесятых, если не шестидесятых, который как был, так и остался инженером, а в его возрасте и в наших условиях, если человек не полный бездельник и бездарь, это означает в значительной мере — представитель рабочего класса, разве что несколько меньше пьющий и несколько больше любящий книги.

Принадлежность к поколению «шестидесятников» означала (в его случае) также несколько большую честность — что позволило мне задать прямой вопрос и получить прямой ответ.

— Что с тобой? Что стряслось?

— Что-что. Зама генерального вчера грохнули. Скорей всего, очередной передел собственности не за горами. Вам-то, Иван Александрович, что от нас нужно?

Наиболее странным в моих отношениях с целым рядом моих старых знакомых на производстве было то, что мне не задавали лишних вопросов. Например, касающихся такого очевидного факта, как возраст. Почему, скажите на милось, вы почти не постарели, дорогой И. А.? Ведь прошло больше двадцати лет. Не думаю, что это объяснялось особой деликатностью. Возможно, они что-то слышали, о чем-то догадывались, и вообще людям нужна надежда на чудо. Пусть даже чудо (по слухам) произошло не с ними.

— Высоковольтные переключатели, — я достал листок со спецификациями. — Не позже, чем завтра утром.

После этого мы обсудили вопрос о ценах (в пределах моих возможностей) и заказали по кофе с коньяком.

Он сидел передо мной и смотрел в стол — седой, обрюзгший, усталый. А все же людям нужно чудо…

— Значит, завтра утром? Подъедете со стороны кольца трамвая, остановитесь на Косой, не приближаясь к заводу. Старая синяя «фиеста»? Десять утра?

Я кивнул.

— Я подъеду на заводском пикапе, сразу перегрузим. Половину денег сейчас, чтобы я мог все организовать, остальное потом.

— Договорились.

На печальном заводе Козицкого (третий пункт назначения) все было просто — там мне был нужен всего лишь небольшой экранчик и высоковольтный кабель. Договоренность была достигнута за считанные минуты.

Четвертый пункт. Последний скелет советской священной коровы — объединение (или уже бывшее объединение) «Светлана».

После этого оставалось только глубоко вздохнуть и отправиться наконец к родителям Гоши, моего первого ассистента по использованию Машины.

Поймал с этой целью очередного частника на проспекте Мориса Тореза.

Родители

Родители Гоши (по привычке называю их Т. В. и В. Ф. — в те, блаженной памяти, шестидесятые-семидесятые годы людей очень любили называть по инициалам) живут на Охте.

Собственно, времени у меня мало, надо бы записывать только самое существенное. Прошлый раз, когда я готовил Машину к запуску, я почти ничего не записывал — по крайней мере, на заключительном, самом важном этапе. Я был в слишком большой панике. Память сохранила подробности не совсем четко. Очень некстати. По сути дела, я не знаю, почему Машина (это нелепое нагромождение научно-фантастических деталей) все же сработала — и даже сработала дважды.

Самое главное

(Из того, что было сказано у родителей Гоши.) Упадок и разрушение небольшой бизнес-империи, которую только-только начинал создавать М. К. Все тащат и отгрызают кто что может. Что существенно для меня? У М. К. нет наследников. Ни прямых, ни даже, насколько известно, отдаленных. Значит — максимум через 6 месяцев вся недвижимость, принадлежавшая ему, отойдет государству. Редкий случай, когда мафиозные связи и коррупция едва ли смогут повлиять на исход дела. Движимость, конечно, растащат, бизнес тоже, как кто успеет. Вопрос, с какого счета (на имя М. К. или нет) мне переводятся деньги — и что с ними будет.

Татьяна (Т. В.) уверена, что убийство М. К. организовали его бывшие сослуживцы — по работе в «органах» или нынешние — по бизнесу. Я-то знаю, что это не так, — я знаю, кто убийцы. Т. В. за меня искренне беспокоится, полагая, что убийцы доберутся и до меня.

Кое в чем она права, хотя и исходит из ложных предпосылок. «Органы» действительно представляют для меня опасность. Что известно обо мне бывшим коллегам М. К. — точнее, известно ли им, кто я и чем занимаюсь?

Возможно, они об этом не помнят — прошло много лет, семидесятые — это иная эпоха. М. К., возможно, скрывал от них информацию, заботясь исключительно о своих собственных интересах. Однако они меня видели — в крематории и позже, при захоронении праха. Значит, наверняка заинтересовались, стали копать. Что они сделают, если выяснят? Арестуют меня как шпиона, чтобы держать под контролем?

Вывод один — счет идет на дни, а может, на часы или

минуты.

Немного сентиментальности

Но до утра все равно ничего предпринять невозможно. Так что мы — пьем и вспоминаем. В. Ф., муж Т. В., наконец-то подошел к столу.

Мои воспоминания движутся несколькими параллельными потоками. Думаю — то же и у моих собеседников. Слова выглядывают из этих невидимых потоков, как камни. Общих тем не так много — Крым, покойный М. К. О покойном ничего, кроме хорошего.

О Гоше, я думаю, лучше не говорить, хотя это в принципе тоже общая тема.

Похороны бедного М. К. курьезным образом состояли из двух этапов (пока он на протяжении многих лет был моим куратором от КГБ, мне и в голову бы не пришло назвать его «бедным».)

Сначала была церемония в крематории, тело в закрытом гробу. Мои знакомые дачные волки его слишком изуродовали.

Потом, через несколько дней, после того как Татьяне выдали урночку с прахом, церемония захоронения урны.

Я и тогда, и сейчас, думая об этом, ей сочувствую. Она не была М. К. особенно близким человеком, но у него вообще не было близких. Забрать урну ее уговорила вся и всяческая братва, собравшаяся в крематории, — бывшие его коллеги по работе в «органах», коллеги по работе в нейропсихической лаборатории, заведовать которой его назначили в семидесятые годы, и нынешние коллеги — по экстрасенсорному и прочему бизнесу.

Ей хватило решимости не пойти на корпоративные поминки. Я, разумеется, на них тоже не ходил.

Захоронение праха было скромнее. Без толпы всевозможных хищников, бросающих друг на друга жадные взгляды с проблесками ненависти и страха.

Там помимо меня и Т. В. были в основном стареющие бывшие гэбисты. Плюс полувзводик курсантов с карабинами, заряженными холостыми патронами. Бывшему полковнику полагался скромный салют.

Желтые листья, вороны, с карканьем разлетающиеся от пальбы.

Нет уж, лучше вспоминать о Крыме или о еще более давнем прошлом, как В. Ф., внесший свою лепту воспоминаний рассказом о поездке с молодым М. К. во внутреннюю Монголию вскоре

после войны (В. Ф. уже тогда был фотографом). Разумеется, со шпионскими целями.

Крым — самые счастливые годы. Конец пятидесятых, годы надежд. В этом вопросе что я, что В. Ф. с Т. В. — одного мнения: Советского Союза упущенный шанс.

Даже присутствие М. К. рядом меня не очень смущало. Да и думали мы с ним в то время во многом одинаково. Пили на террасах ресторанов легкое вино, ели шашлыки, болтали о будущем, слушали шум прибоя, провожали взглядом луч пограничного прожектора, скользящий вдоль пляжа (нет ли шпионов).

Да был ли шанс? Не знаю. Но люди, которые способны были реализовать его, в то время еще существовали.

Т. В. и В. Ф. в те годы тоже часто бывали в Крыму, и тоже вспоминают Крым с ностальгией. Магнолии и розы, фиолетовые россыпи на обрывистых горах, окружающих Ялту…

Символ времени

Мы выпиваем по последней, и Т. В. стелит мне постель в «детской» (так они по старой памяти называют комнатку покойного Гоши). Я засыпаю, и мне снятся бронзовые часы с ангелочками — такие когда-то у моих родителей стояли на буфете, только те, что мне снятся, размером с Медного всадника. Очертаниями они тоже напоминают памятник Фальконе.

Утро туманное

Будильник поднимает меня в 6.30. В. Ф. в свой черед появляется, зевая, из второй комнаты. Пьем кофе, идем в гараж. (В углу двора здесь еще красуются ржавые гаражи.) У В. Ф. старый «форд-фиеста». Машина небольшая, но… как-нибудь все погрузим. На Охте туман.

Через весь город едем к заводу Коминтерна. Затем — на Косую линию, как договорено, затем — на Пятую, к заводу Козицкого, затем — в район «Светланы». За мелкими аксессуарами — в один из расплодившихся в последние годы торговых центров. Затем — за город, на дачу. Последний спокойный час, трасса, Выборгское шоссе, когда делать нечего и

можно просто смотреть на дорогу.

Еловые леса по краям дороги все еще окутаны дымкой, но туман постепенно рассеивается. Низкие облака, серый денек, но дождя пока нет.

5. В поселке

У магазина

Проезжая мимо поселкового магазина, замечаю моих знакомых «волков». Не помню, говорил ли я, что поселок довольно большой, в центральной его части даже в это время, вне сезона, что-то работает, сохраняется, как сейчас говорят, какая-то деловая активность. «Волки» — это плохо. Они вполне могут ко мне наведаться.

Пустынный дачный квартал, где я живу, — за мостом, по другую сторону речки.

По ту сторону

У меня мелькает мысль, не обратиться ли к В. Ф. за помощью при монтаже Машины. Ведь помогал же мне когда-то Гоша! Мы переезжаем через мост, едем по шоссе, сворачиваем в переулок…

Хорошо, что незнакомая скромная машина не могла привлечь волчьего внимания.

Я открываю ворота, В. Ф. заезжает на участок.

Дача совершенно обычная, окруженная штакетным деревянным забором, М. К. не успел ее «модернизировать».

В.Ф. помогает мне выгрузить покупки и отнести в дом.

Я решаю, что обращаться к нему за помощью не стоит. Хватит с меня того, что произошло в свое время с Гошей. Справлюсь сам. Дал бы мне Бог несколько дней. Высоковольтная линия за переулком мне понадобится.

Мы прощаемся. Догадывается ли В. Ф., что я собираюсь делать? Наверное. Но он садится в машину и, не говоря больше ни слова, уезжает.

Пояснение

Эти записки я закончил в последний день перед экспериментом. Начерно все готово. Остается только протянуть провода и подсоединиться с надлежащими предосторожностями к высоковольтной линии.

Зачем они написаны?

Чтобы объяснить, что я понимаю и чего не понимаю. Я не понимаю, почему эксперимент мне уже дважды удавался. Я знаю, кто убил М. К. Я уверен, что через несколько дней В. Ф. приедет посмотреть, что здесь происходит, — один или с Т. В. Я говорил ей, где у меня на даче хранятся бумаги. Я думаю, намек был ей понятен.

6. Петля Амфисбены

Гринь и дядя Вано уже третий день опять жили в поселке. В верхней его части, ближе к станции, где обитало большинство постоянного населения, в отличие от летних обитателей дачного нижнего поселка, находившегося за мостом.

Жили они у Маруси-Нины. Это была давняя их приятельница, которая охотно и умело занималась сбытом наворованного по дачам. К ее достоинствам также относилось белое, упругое, почти девичье тело. Правда, у нее было багровое лицо сорокалетней алкоголички, но на лицо, в конце концов, можно было и не смотреть.

Без малого — праздник жизни.

Омрачало праздник два важных обстоятельства. Во-первых, подходили к концу деньги, которые нашлись у полковника (или бизнесмена), которого они грохнули на городской квартире. То, что он полковник, по крайней мере бывший, было написано в просроченном удостоверении, лежавшем у покойника в кармане.

Во-вторых, они не были «мокрушниками», они не были даже настоящими уважаемыми ворами, хотя оба в прошлом сидели, — и им было страшно.

Профессор, живший на даче за рекой, наверняка мог обнаружить пропажу ключей, догадаться, кто убил полковника. Если он ее еще не обнаружил, он заметит ее в будущем. Сообщит. Убийство полковника наверняка будут расследовать.

Им нравился профессор, но они решили, что его надо убрать.

Например, с помощью небольшого пистолета, которым они завладели, когда убили полковника.

Но их продолжали мучать сомнения.

В тот день, ближе к вечеру, они все же собрались и пошли. Настоящей темноты они побаивались. Пистолет оттягивал карман пиджака дяди Вано под курткой.

Идя через поселок, они продолжали еще накануне начатый разговор.

— Мне кажется, он сидел.

— Если и сидел — сто лет назад. А потом, за что сидел, а, Гринь? За дис-си-дент-ство? За что его жалеть?

— Я не жалею, дядя Вано, я уважаю.

— Я тоже уважаю — понятное дело, он на-сто-я-щий профессор. Но нам от этого не легче.

Но, как говорится, язык болтает, а руки делают. В магазине по дороге они купили бутылку портвейна. Еще вопрос, удастся ли приблизиться к профессору незаметно, — лучше завязать разговор, предложить выпить, как раньше.

Профессор, однако, застал их врасплох.

Они обнаружили профессора на участке у забора. Он был в резиновых сапогах, резиновах перчатках, в желтом макинтоше и держал в каждой руке по проводу с оголенными концами. Он первый их окликнул:

— Вас-то мне и надо!

Они остановились, несколько растерявшись.

— Необходимо электричество, — он повел оголенным проводом в сторону высковольтной линии, тихо гудевшей у леса по другую сторону переулка. — Боюсь, без вашей помощи это займет слишком много времени.

Гринь и дядя Вано переглянулись.

— Поможем? — рот Гриня растянула медленная ухмылка.

— Поможем, как же иначе, — кивнул дядя Вано.

Оба в это мгновение почувствовали облегчение — хотя бы потому, что необходимость «мокрого дела» на время откладывалась (оба очень наглядно представляли себе эту «мокроту»). Кроме того, с электричеством всегда возможны несчастные случаи, глядишь, судьба сама как-нибудь распорядится жизнью профессора. Вдобавок в его голосе было сегодня нечто командное, требующее безусловного исполнения, а в них помимо старомодного уважения к профессорскому званию сохранялось, быть может, кое что от пионерского детства.

В этот момент у сарая что-то зашевелилось. Поднялся и подошел к профессору здоровенный серый пес. Это еще более осложнило диспозицию.

— Кавказец? — спросил дядя Вано.

— Не бойтесь, он не тронет, — сказал профессор и потрепал огромного пса за ухом. Пес только покосился на него — дескать, какие будут указания?

— Не трогать, Лохматый, это свои, — сказал профессор. Пес улегся у его ног, продолжая внимательно наблюдать за Гринем и

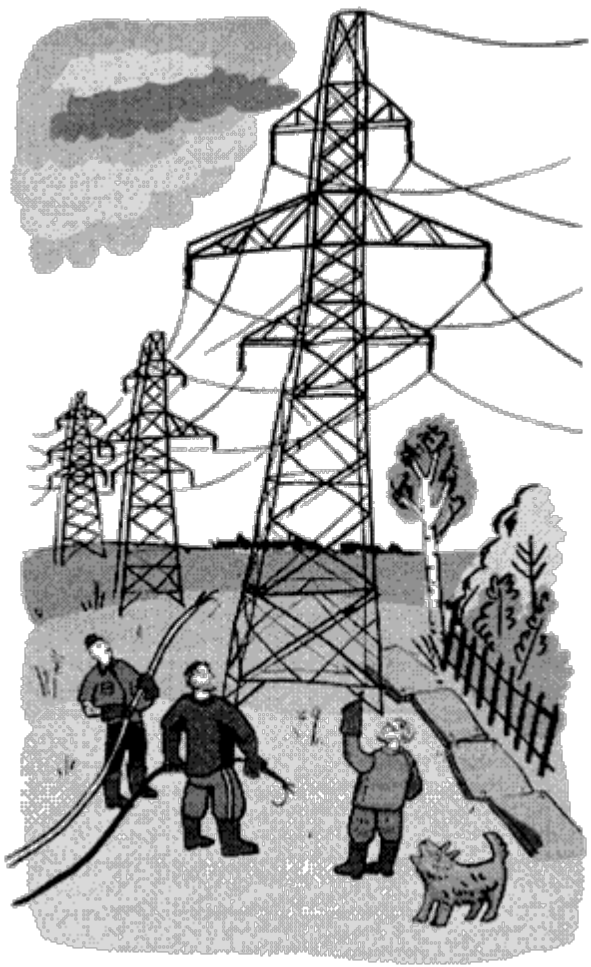
дядей Вано. Профессор продолжал:

— Мы привяжем эти провода к шестам. Придется, я думаю, свалить пару тонких березок. Вон те, я думаю, подойдут, — он показал на край леса. — Я вам дам топорик. Я тем временем прикреплю к концам проводов крючья. Затем мы их привяжем к березкам и осторожно с помошью шестов занесем крючки на провода — мне сегодня понадобится высокое напряжение.

Дядя Вано прислонил сеточку с портвейном к елке около калитки.

Потом они сами удивлялись, с какой легкостью профессор сумел втянуть их в работу. С другой стороны, одним грехом на душе меньше — а это тоже кое-что значит.

Профессор принес из дому топорик, две пары резиновых сапог, две пары резиновых перчаток.



Провозившись почти час, уже в сумерках, им все-таки удалось, ничего не закоротив, аккуратно зацепить свои провода за провода высоковольтной линии. Профессор ослабил специальные узлы, крепившие провода к шестам, освобожденные шесты швырнули на землю.

— Теперь идемте в дом, это еще не все. Будете дергать за рубильник.

Профессор, не оглядываясь, пошел в дом, Лохматый, оглядываясь через плечо, за ним, а последними — Гринь и дядя Вано. Гринь похлопал себя по карману, поглядел со значением. Дядя Вано покачал головой, молча показал рукой на провода.

Поднялись по скрипучей лестнице в мансарду. Провода тянулись туда же.

У одной стены на столе находился наскоро собранный пульт управления со свисающими проводами. Компьютер, клавиатура. Что-то вроде огромного соленоида стояло вертикально на полу. Был еще второй стол с измерительными приборами, но основная часть электрической схемы лепилась по стенам. Высоковольтный переключатель с рубильником у двери.

— К сожалению, аппаратура немного не готова. Я не могу одновременно работать за пультом и подключать высокое напряжение. Сейчас я приведу аппаратуру в готовность, затем подойду к этому столу… По моему знаку включите рубильник.

Гринь с дядей Вано остановились у входа в комнату. Профессор что-то в последний раз проверял на стенах. Лохматый, который зашел сразу за профессором, улегся у стола.

— А это не опасно? — спросил Гринь.

— Для вас — нет.

Гринь и дядя Вано переглянулись. Профессор подошел к столу.

— Включайте!

Дядя Вано медленно двинул вперед рубильник.

— Не надо бояться, быстрее!

В этот минуту профессор показался дяде Вано сумасшедшим — или очень сильно испуганным человеком. Руки профессора буквально тряслись, перед тем как ударить по клавишам. Сверкнула искра, запахло озоном, загудело электричество. Пальцы профессора забегали по клавиатуре.

Гринь, который отступил назад, когда дядя Вано включал рубильник, отошел еще на несколько шагов. В конце коридорчика было окно. Привлеченный каким-то отдельным шумом, он выглянул на улицу. Колени его подогнулись, ноги стали как пластилиновые. У ворот дачи стоял джип, а за ним — БМВ. Обе машины — с тонированными стеклами. Четверо мужиков очень

спортивного вида (один, не скрываясь, держал в лапах короткоствольный автомат) с недоумением разглядывали провода. Из БМВ лезли еще какие-то типы.

Доковыляв кое-как обратно до двери комнаты, Гринь прошептал в ухо дяде Вано:

— Атас, дядя Вано, там какой-то спецназ наехал.

Затем он заглянул в комнату.

Возле стола клубилось нечто — как бы продетая через соленоид серая труба с ясно намеченными поперечными кольцами.

Затем из отверстия в ящике, укрепленном на стене, вырвался яркий зеленый луч и рассек вдоль брюхо вызванной профессором фантастической змеи. Труба резко изогнулась, края разреза разошлись. Стала видна внутренность трубы — туманная воронка, уходящая в неведомое.

Профессор, видимо, был готов к этому — он отошел от стола и шагнул прямо в расширившуюся дыру. Пес, шерсть на загривке дыбом, вскочил и вслед за профессором прыгнул туда же.

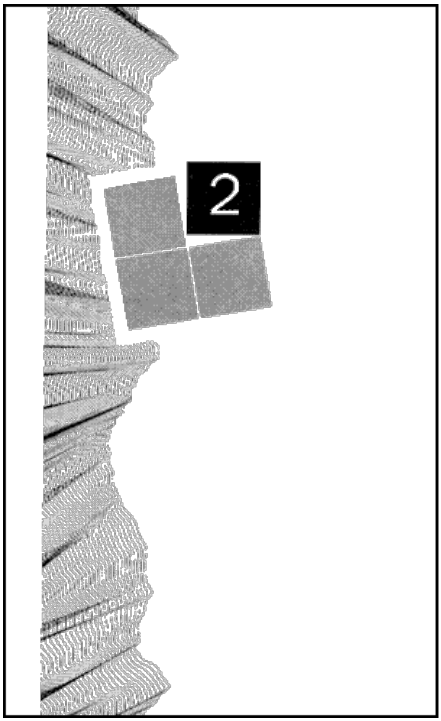
— Что? — внезапно крикнул дядя Вано.

— Спецназ внизу. С автоматами… — громче, плачущим голосом повторил Гринь. Такого ужаса он не испытывал уже давно.

— Влипли…

Дядя Вано, сохранивший чуть больше хладнокровия, вытащил из кармана пистолет и успел бросить его в серую воронку. Затем выключил рубильник. Труба исчезла.

Людей, приехавших на двух машинах, они встретили с заранее поднятыми руками.



Личности
Идеи
Мысли

Личности, идеи, мысли

Антон Первушин
В тисках энергетического кризиса
(Очерк из цикла «Угрозы будущего»)

Сколько я себя помню, всё время идут разговоры о близящемся энергетическом кризисе. Дескать, углеводороды закончатся в течение ближайших 15–20 лет и тогда человеческая цивилизация будет отброшена в век пара, начнутся беспощадные войны за последние капли нефти, к власти придут тоталитарные вожди, народы надолго забудут о комфорте и демократии, наступит темная, мрачная эра. Единственным спасением может стать только управляемая термоядерная реакция (так называемый «термояд»), которая обеспечит человечество практически дармовой энергией.

Россия как газовая держава

Но время идет, а нефть не кончается, цены на нее то растут, то падают, открываются новые богатые месторождения, и прокладываются новые трубопроводы. Вообще слухи о конце углеводородной эры оказались сильно преувеличены. Тем не менее энергетический кризис всё же может грянуть — потребление энергии растет очень быстро, и расширением добычи проблему уже не решить. К тому же нефть нужна в химической промышленности, и очень нерационально жечь ее просто так, оказывая дополнительное «давление» на окружающую среду.

Энергетики поняли это одними из первых, опередив футурологов, которые, сочиняя свои концепции будущего, часто забывают о самом главном — об энергии и способах ее преобразования. Еще в 1970-е была сформулирована концепция «газовой паузы» — то есть периода между двумя эпохами (не побоюсь этого слова!) в развитии энергетики: эпохами нефти и… угля.

Да-да, это не описка. Те, кто считает, что времена угля и пара ушли в прошлое, ошибаются. Уголь по-прежнему остается одним из самых приоритетных видов топлива, поскольку сравнительно дешев и его разведанные запасы огромны. Например, если говорить о странах СНГ, то разведанных запасов нефти нам хватит на 50 лет, запасов природного газа — на 70 лет, а угля —

на 590 лет!

Однако есть нюанс — энергетика на каменном угле чрезвычайно затратна и грязна. Давно доказано, что по выбросам вредных веществ, в том числе и радиоактивному загрязнению, угольная энергетика превосходит атомную. В городах, снабжаемых угольными электростанциями, очень нездоровая обстановка. Поэтому было принято решение увеличить долю газа в энергетике страны, снизив вредное воздействие и обеспечив растущее потребление.

Тут надо вернуться к основам и напомнить читателям, что по методам преобразования энергии мы еще не вышли из XIX века и на обычных тепловых, и на атомных станциях стоят огромные турбины, которые вращает водяной пар. Сам же пар получается в котле или реакторе, по сути это огромные чайники. К сожалению, Вселенная устроена таким образом, что мы не можем преобразовать всю энергию, которую получаем в тепловом цикле, часть ее, довольно большую, нам приходится выбрасывать в окружающую среду. Для этого рядом с тепловыми станциями строят градирни (огромные толстые белые трубы гиперболоидной формы), а рядом с атомными выкапывают пруд-охладитель. Совершенство энергетической установки определяется коэффициентом полезного действия (к.п.д.), который можно повысить, например, за счет увеличения температуры в котле. Однако и разогревать рабочее тело (в данном случае пар) до бесконечности мы не можем: раньше или позже прогорят стенки.

Для повышения к.п.д. энергетики придумали использовать комбинированные установки. Представьте себе турбину, работающую не на паре, а на газе, который сгорает непосредственно в ее проточной части. Чем выше температура на входе в такую турбину, тем выше ее эффективность, но и на выходе температура газовой смеси всё еще очень высока. А если сделать так, чтобы выходящая смесь не улетала просто так, а грела воду в котле, к которому подключены небольшие паровые турбины? Таким образом мы резко повысим общую мощность и эффективность энергоустановки — экономия газа при этом составит аж 35 %! Долгое время развитие подобных парогазовых установок (ПГУ) с котлами-утилизаторами (КУ) сдерживалось отсутствием компактных систем охлаждения для мощных газовых турбин, позволяющих работать с высокими температурами. Но в середине 1990-х такие системы появились, и западные компании (ABB-Alstom, General Electric, Siemens, Pratt Whitney) выпустили на рынок целую серию мощных энергетических газотурбинных установок.

Природный газ хорош еще и своими свойствами. Прежде

всего он бесцветен, не имеет запаха (то, что считается «запахом газа», на самом деле является запахом меркаптанов — специальных ароматизирующих веществ). Он высококалориен и при сжигании оставляет после себя только углекислый газ и водяной пар. И его очень много в России — то есть по разведанным запасам мы впереди планеты всей. По данным Международного газового союза, в мире имеется 118 триллионов кубометров доказанных запасов газа, в России доказанные запасы — от 48 до 64 триллионов кубометров (в этом вопросе источники разнятся, хотя с каждым годом количество доказанных запасов растет). Поскольку триллион кубометров газа примерно эквивалентен миллиарду тонн нефти, то можно утверждать, что доказанные запасы газа в нашей стране значительно превышают разведанные запасы нефти.

Газ хорош как топливо именно для городских электростанций, потому что в городах очень неравномерный график потребления, имеются утренние и вечерние пики, а электростанции с газовыми турбинами отличаются высокой маневренностью, допуская суточное снижение нагрузки до 50 %, в отличие от 30 % у угольных и 10 % у атомных станций.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Россия еще в рамках Советского Союза начала тотальную газификацию. Столь развитого потребления газа, как в странах СНГ, нет больше нигде в мире. 68 % отопления в нашей холодной стране обеспечивается газом. Газовыми баллонами постоянно пользуются 18 миллионов человек. Энергетика давно и успешно осваивает этот вид топлива, еще в 1990 году все старые ТЭЦ в Москве были переведены на газ, а в настоящее время в черте столицы и на ее окраинах вырастают, словно грибы после дождя, малые электростанции с газотурбинными установками, в том числе созданными на основе авиационных двигателей.

Проблемы тотальной газификации

Казалось бы, перспективы самые радужные. Дешевое и экологически чистое топливо, которое вполне может заменить мазут и уран на электростанциях и бензин в автомобилях, — качай и пользуйся, получай удовольствие. Почему же энергетики постоянно говорят о том, что «газовая пауза» слишком и даже опасно затянулась (в 1970-е считалось, что она продлится не более 10–15 лет), а правительство призывает бизнесменов активнее инвестировать в проекты, связанные с каменноугольной энергетикой, которая грязна и малоэффективна?

Выясняется, что не всё так просто. Прежде всего наша газовая «мощь» завязана на крупные месторождения (Ямбург, Уренгой, Медвежье), сосредоточенные в Надым-Пур-Тазовском районе, которые дают 92 % всей добычи. Все эти месторождения находятся довольно далеко от мест потребления — газ поставляется по трем транспортным «коридорам» длиной свыше 3,5 тысячи километров. Эти коридоры представляют собой довольно сложные системы, состоящие из трубопроводов, газоперекачивающих станций и хранилищ. Серьезная авария (или теракт) на любом из них могут привести к срыву поставок и энергетическому коллапсу в европейской части России. Создание же новых «коридоров», как и освоение новых крупных месторождений, — довольно сложное и затратное дело. При этом потребность в газе растет: развитые государства оценили прелести газификации и готовы платить за него всё больше. Согласно оценке Международного газового союза, мировое потребление газа к 2030 году вырастет на 70-130 %. При этом основной прирост потребления придется на США и страны Азии, прирост в Европе ожидается более скромный, около 2 % в год, однако Европа и так уже давно подсела на «газовую иглу» и в абсолютных величинах это довольно весомые цифры. Таким образом, газ становится дефицитом, что не может не сказаться на его цене. И вот тут возникает серьезная проблема. К примеру, с громкого скандала началась эксплуатация прошедшего глубокую модернизацию второго блока Северо-Западной ТЭЦ, что под Санкт-Петербургом: ленточку торжественно перерезали, а газа для блока не нашли. По данным экспертов, как минимум девять новых энергоблоков, которые будут введены в эксплуатацию в ближайшее время, могут столкнуться с нехваткой топлива. Разумеется, газ можно купить не только у «Газпрома», но только «Газпром» торгует им по фиксированным заниженным ценам.

Фиксированные цены на газ внутри страны, которые в разы меньше мировых, были установлены волюнтаристским решением правительства еще в 1990-е годы. Считалось, что резкое подорожание газа и, соответственно, электроэнергии вызовет социальный взрыв. Взрыва избежали, но заложили мину замедленного действия под здание энергетики, а вместе с ней и экономики России.

Дело в том, что из-за искусственного антирыночного сдерживания цен на газ он был и остается наиболее дешевым видом топлива в нашей стране. Например, в 1999 году 1 тонна условного топлива (тут) стоила в виде газа — 263 рубля, в виде угля — 336 рублей, в виде мазута — 424 рубля. По другим данным, в среднем по стране цена на газ в 4–5 раз ниже цены на

мазут, и даже в угольных регионах уголь стоит в 1,5–2 раза дороже, чем «голубое топливо». Как бы то ни было, сжигать природный газ даже в угольных регионах и дешевле, и эффективнее в экологическом плане, нежели другие виды топлива. Пользуясь дешевизной газа, энергетики, вместо того чтобы использовать «газовую паузу» для создания новых технологий, форсируют использование газа как топлива. Это чрезмерное потребление в последние годы не компенсируется приростом запасов за счет новой разведки, освоения новых месторождений. Балансовые запасы газа сокращаются, ведь имеющиеся месторождения не бездонны, и сохранение газовой ориентации грозит тем, что однажды большая часть российских ТЭС останется без топлива.

По идее, разведкой и разработкой новых месторождений должен заниматься «Газпром», но как раз у него и нет свободных денег на проведение столь затратных мероприятий. Раньше считалось, что эти деньги корпорация заработает на внешнем рынке, но быстро выяснилось, что львиную долю прибыли забирает обслуживание транспортных коридоров и строительство новых («Северный» и «Южный» потоки). Так, в структуре суммарных издержек на добычу и доставку российского газа от месторождения до границы с Германией на собственно добычу приходится лишь 22 %, плату за транзит странам и территориям, по которым проходит газопровод, — 19 %, а на расходы по транспортировке — 59 %! При установлении же тарифов на газ внутри России огромные транспортные расходы учитываются не в полной мере, варьируясь по трем экономическим зонам. Если в районе добычи тариф составляет 100 %, то в примыкающей зоне — 105 %, в отдаленных районах — 110 %. Понятно, что столь незначительные различия в тарифах совершенно не соответствуют истинным различиям затрат на транспортировку газа в разные районы страны. Если же в полном объеме учесть расходы на транспортировку газа в Европу, то российский газ окажется настолько дорогим топливом, что его попросту невыгодно будет покупать! Замкнутый круг.

Разумеется, «Газпром» при поддержке государства всё равно собирается осваивать новые крупные месторождения, призванные компенсировать падающую добычу. Но нужно помнить, что эти месторождения расположены в районах с очень суровыми природно-климатическими условиями и полным отсутствием инфраструктуры (Арктический шельф, Ямал, Восточная Сибирь). Их освоение потребует не только огромных инвестиций и внедрения уникальных технологий, но и принципиально другого уровня цен на внутреннем рынке. При этом быстрое повышение

объемов добычи газа проблематично из-за большой продолжительности подобных инвестиционных проектов. Поэтому не удивляйтесь тому, что наше правительство и сам «Газпром» постоянно ищут за рубежом партнеров для освоения российских месторождений, — субсидирование дешевым газом собственной экономики не могло пройти бесследно, в России необходимых средств сегодня просто нет.

Но и это только часть большой проблемы. Огромное количество практически дармового газа по сути развратило потребителей. Пропал не только стимул к его своевременной оплате (для борьбы с неплатежами «Газпрому» пришлось даже создавать специальную структуру «Межрегионгаз»), но у них отбили и всякую охоту беречь ресурсы. На большинстве производств эксплуатируются устаревшие энергорасточительные технологии. Так, к.п.д. газовых электростанций с паровыми турбинами в России составляет 38 %, в то время как в мире активно внедряются парогазовые установки с к.п.д. 53–57 %. А расход газа в металлургии и производстве аммиака в России превышает аналогичные зарубежные показатели в 1,6–2,2 раза. Представьте, что будет, если завтра либерализовать в России цены на газ, подняв их до уровня мировых. Энергетики, металлурги и химики окажутся неконкурентоспособны, промышленность просто ляжет, а за ней и экономика.

Свет в конце трубы?

Тем не менее вводить рыночные цены всё равно необходимо, поскольку только так можно заставить наших промышленников и энергетиков преодолеть «газовую паузу», которая действительно затянулась. Ведь Россия обладает еще одним преимуществом: наши угли — самые качественные в мире по зольности и сернистости (например, станции на канско-ачинских углях можно строить даже без систем улавливания азота и серы), что позволит существенно сэкономить на очистке. Правда, пока не все новейшие технологии угольной генерации доведены нашими энергомашиностроителями до уровня массовой промышленной эксплуатации. Эксперты говорят, что по этим технологиям мы на грани отставания с так называемыми «суперсверхкритическими параметрами работы котлов» (максимальная температура сжигания 600 ˚С, тогда как японцы жгут уже на 700 ˚С). Понятно, что инвестиции в научно-исследовательскую работу по преодолению отставания найдутся только в том случае, если уголь снова станет основным топливом.

Решение об увеличении внутренних цен на газ до уровня европейских было принято нашим правительством еще 13 ноября 2006 года. Программа перехода рассчитана на пять лет, а следовательно, уже к началу 2012 года российский потребитель начнет платить за газ по полной.

Эта программа успешно выполняется. Так, уже в 2006 году Минпромэнерго выпустило приказ, разрешающий «Газпрому» реализовывать газ в объеме до пяти миллиардов кубометров в рамках биржевой торговли по свободным ценам. Продавцами могут выступать «Газпром» и независимые производители газа, покупателями — энергетики и промышленные предприятия остальных отраслей, которые уже сейчас испытывают дефицит «голубого топлива». В качестве организации, утвержденной Минпромэнерго для осуществления эксперимента по биржевой торговле газом в формате «5 + 5», выступает электронная торговая площадка «Межрегионгаз». Первые электронные торги прошли 22 ноября 2006 года. Эксперимент показал, что потребители готовы платить за необходимые им объемы в полтора раза больше, чем по госрасценкам.

Впрочем, и этого недостаточно. Посему была выработана Энергетическая стратегия, включающая и требование перевести на уголь те электростанции, которые сжигали его раньше. Но это не просто возвращение в 1980-е — планируется наладить обогащение угля до сжигания в топках, а также очистку выбросов от загрязнителей. Существует список, включающий 41 электростанцию, которые планируется перевести на уголь в первую очередь. Все они, за исключением Челябинской ТЭЦ-1, находятся в Европейской части России. В списке встречаются и тепловые электростанции, которые и так сжигают уголь наряду с другим топливом (например, Новочеркасская ГРЭС), — для них планируется увеличение доли сжигания угля.

Эффективным становится и ускоренное замещение старых газовых установок новыми. Это обеспечивает экономию газа за счет более высокого к.п.д. и, соответственно, более низкого расхода топлива. К 2011 году закончится ресурс 14 крупных энергоблоков, а до 2015 года выработает срок основная часть существующих крупных паротурбинных установок, поэтому в период 2011–2015 годов замена оборудования может приобрести значительные масштабы.

Однако при всей привлекательности идей, заложенных в Энергостратегию, ее реализация связана со значительным увеличением инвестиций. Кроме того, нужна система правовых, административных и экономических мер, стимулирующих более эффективное использование газа. Ими могут стать, например,

предоставление государственных гарантий и прямая финансовая поддержка энергосберегающих проектов, ускоренная амортизация газосберегающего оборудования и так далее. Приходит время вводить более жесткое регулирование нормативов использования газа, правил учета и контроля газопотребления, обязательную сертификацию оборудования газомазутных электростанций на соответствие нормативам расхода топлива.

К сожалению, в настоящее время вся активность в этом направлении ограничивается декларациями. Конкретных механизмов реализации Энергостратегии, нормативных и подзаконных актов пока нет. Несмотря на многочисленные громкие заявления, по-прежнему сохраняется неопределенность относительно механизмов и динамики повышения цен на газ. А без этого любые меры по газосбережению останутся невостребованными.

Казалось бы, в такой ответственный момент, когда энергетика должна приспособиться к новым ценам и провести модернизацию производства, чтобы вернуться на новом технологическом уровне к каменному углю в качестве основного топлива, государство просто обязано удержать все рычаги управления энергетикой при себе. Однако вместо этого нас «обрадовали» завершением реформы РАО ЕЭС (Российское открытое акционерное общество энергетики и электрификации), в рамках которой частным управляющим кампаниям были переданы за очень скромную компенсацию (около 30 миллиардов долларов) около 108 миллионов киловатт готовых генерирующих мощностей — в основном тепловых станций. Если вспомнить, что ввод в строй новых мощностей обходится в 1,5–2 тысячи долларов за киловатт, то получится, что российская тепловая энергетика была распродана за сумму, составляющую всего не более одной пятой ее реальной стоимости!

Ладно, продали и продали. Надеялись, видимо, что «частники» более оборотисты и более заинтересованы в создании высокоэффективных ресурсосберегающих технологий. Но уже сегодня можно говорить, что эти ожидания не оправдываются. Ссылаясь на экономический кризис и отсутствие кредитных ресурсов, энергокомпании начинают свертывать инвестиционные программы, которые им «навязало» государство. Вместо модернизации они только задирают цены, благо недавно прошла очередная девальвация национальной валюты. С января цены на электроэнергию в регионах России выросли на 20–27 %. Для промышленности в 2009 году предел роста цен был установлен в 19 %, однако манипуляции энергетиков с розничным ценообразованием привели к тому, что в ряде регионов у

предприятий (особенно средних и малых) сумма платежей за электроэнергию выросла в два раза и более, в связи с чем они оказались на пороге банкротства.

Даже президент Дмитрий Медведев был вынужден признать, что с мест поступает информация о саботировании энергокомпаниями инвестиционных обязательств. На первом заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России, которое состоялось 18 июня 2009 года, президент прямо так и сказал:

«С проблемами энергоэффективности в нашей стране пока очень плохо, одна болтовня на эту тему идет, и ничего не происходит. Причем даже кризис, на который все уповали, абсолютно не помог, никто энергоэффективностью не занимается, себестоимость не падает».

С учетом того, что грядет период замены оборудования и глубокой модернизации существующих электростанций с переходом на уголь, ситуация выглядит совсем аховой. Если правительство не решится пойти на жесткие или даже жестокие меры, Россию и вправду может накрыть «конец света» в самом прямом, а не переносном смысле.

Список использованных источников и литературы

Арутюнов В. «Газовая пауза» длиной в столетие. Роль газохимии в энергообеспечении страны стремительно возрастает / В.Арутюнов [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http:// www.ng.ru/science/2003-11-26/13_gas.html

Гайдук И. Газовая пауза. По ком звонит колокол? / И.Гайдук [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://www.ngv.ru/ article.aspx?articleID = 23181

Грунь В. На трубе, как на игле. Уголь — основа энергетической безопасности страны / В. Грунь, И. Блудилин [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://www.russia-today.ru/2002/ no_16/16_economics_1.htm

Дмитрий Медведев: с проблемой энергоэффективности в нашей стране пока очень плохо [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://www.1tv.ru/news/economic/145926

Ильин Е. Особенности выбора газовых турбин для ТЭЦ России / Е. Ильин, В. Неуймин. // Надежность и безопасность энергетики. — 2008. — № 2.

Калашников Л. Будет ли конец света? / Л. Калашников [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://kprf.ru/rus_ soc767387.html

Катренко В. Гость «Голоса России» — Председатель Комитета Госдумы по энергетике, транспорту и связи Владимир Катренко / В. Катренко, И. Кудрин [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://www.vor.ru/VIS_A_VIS_new/VCatrenko_wl251_arx.html

Медведев назвал пять направлений, в которых России нужен технологический прорыв [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://newsru.com/russia/18jun2009/medvkomissia.html

Модернизацией экономики займутся в Кремле [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://newsru.com/finance/21may2009/komissia.html

Паршев А. Почему Америка наступает. Книга для тех, кто остается в России / А. Паршев. — М.: АСТ, Астрель, 2006.

Первушин А. «Газовая пауза» или «газовая петля»? / А. Первушин. // Секретные материалы XX века. — 2009. — № 17.

Природный газ скоро станет важнее нефти: концерны вкладывают миллиарды в новые проекты по добыче природного газа [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://stra.teg.ru/lenta/energy/1132

«Северный» и «Южный» потоки защитят Европу от проблем с газом [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://www.rian.ru/economy/20090518/171484563.html

Странам СНГ хватит нефти на 55 лет, газа — на 77 лет, угля — на 590 лет [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://stra.teg.ru/lenta/energy/957/

Тепловая генерация: ограничение по газу [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://www.raexpert.ru/researches/energy/teploenergetic/3/

Чайка Ф. «Газовая пауза» или «Вторая угольная волна»? / Ф.Чайка [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://fin.izvestia.ru/cfin/tmpl-art/id_art-1091037

Шмаров А. Газовая пауза закончилась / А. Шмаров // Эксперт. — 2006. — № 48.

Энергетические газотурбинные установки и энергетические установки на базе газопоршневых и дизельных двухтопливных двигателей. Часть 1. Энергетические газотурбинные установки (Аналитический отчет) [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http: //www.rosteplo.ru/Tech_stat/stat_shablon.php?id=787

Михаил Нехорошев
Фантастика страстей наших, или Фантастика non fiction

Достоевский тоже писал фантастику, если судить по формальным признакам. В 1876–1877 годах Федор Михайлович издавал журнал «Дневник писателя». Из скромной колонки редактора Достоевский сделал ежемесячник — он был не только издателем, но и единственным автором. «Записываю мои впечатления по поводу всего, что наиболее поражает меня в текущих событиях». Так сказать, эссе без конца и без края, и фантазировать можно, сколько душе угодно.

«Сон смешного человека» — апрельский выпуск «Дневника» за 1877 год — органическая часть этого потока и обозначен автором как «фантастический рассказ». «Сон» — вариации Достоевского на темы Достоевского. Конспект любимых мотивов. Смешной человек — потому только и смешон, что из общего ряда вышел. Живет в комнате «от хозяев», окно чердачное, клеенчатый диван, за стенкой пьют водку и в карты играют. Как помнится, у Разумихина был «клеенчатый турецкий диван», и у Раскольникова было нечто похожее… Несчастная, промокшая до нитки девочка на улице, ее умирающая мать. Бедные люди, одним словом… Терзания души смешного человека. Попытка самоубийства. И сон.

Почему сон? Ну как же, у нас традиция. У Владимира Одоевского в «Живом мертвеце» герой проснулся после смерти, а Достоевский еще к первому своему роману, к «Бедным людям», взял эпиграф из Одоевского и позже рассказ «Бобок» написал прямо по канве «Живого мертвеца». Корень тут не в заимствовании, а в пристрастии Достоевского к изображению снов. Тут Федор Михайлович, можно сказать, впереди словесности всей, он в «Преступлении и наказании» обронил и обоснование своего пристрастия: «В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенной выпуклостию, яркостью и черезвычайным сходством с действительностью». Каждый пишет, как он дышит, иначе не бывает.

Вот и снится чудный сон герою про идеальное общество на какой-то далекой планете. Золотой век. Земля до грехопадения. Эдем. Иллюстрации к Библии, хотя и своеобразные в высшей степени. «У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и беспрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной,

тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной».

Да, конечно, как же иначе: единение с Целым, звездное небо, всемирная отзывчивость, проще говоря — счастье для всех даром. Простите великодушно, последнее — из Стругацких.

Одним словом, философия потеснила религию, и получился у Достоевского замечательный парадокс: история про запретный плод исчезла, а в грехопадении человечества оказалась виновной цивилизация. И не сыскать аргументов в защиту цивилизации, потому что она, родимая, есть результат познания мира, она, стало быть, тот самый питомник, где растут яблоньки разных и не всегда полезных сортов. А движут цивилизацию пассионарии или просто бесы, которые вечно под ребро толкают приличных людей. Все верно, и все тривиально. А картинки-то явились смешному человеку после того, как он во сне застрелился и могильный холод ощутил — опять получился сон после смерти, опять Достоевский повторил полюбившийся мотив. «Сон» написан в тот самый момент, когда братья Карамазовы и прочие персонажи уже толпились и шумели около кабинета писателя, а даль великого романа виднелась еще не совсем отчетливо. «Сон» — этюды к будущему полотну. Интересны они, по правде сказать, только специалистам.

Вот и вся фантастика, другой у Федора Михайловича не было. Он, конечно, был друг парадоксов, но не всех подряд. Технический прогресс он как бы и не замечал, хотя самое то было время, и вот именно тогда начиналась фантастика научно-техническая. Жюля Верна запойно читала вся Европа, и Россия в том числе. «Пять недель на воздушном шаре» — первый роман будущего классика — весьма оперативно перевели на русский, и скупой на похвалу Салтыков-Щедрин одобрительно писал о познавательной ценности этого сочинения. В 1877 году — в том самом, когда «Сон» напечатан, — у издателя Этцеля обедали Иван Тургенев и Жюль Верн. Иван Сергеевич просто рассыпался в комплиментах французскому коллеге и от себя, и от Льва Толстого… А Достоевский все о вечном, все о душе, а как про электричество, так ни полслова. И если считать, что Федор Михайлович писал фантастику, так это была фантастика страстей человеческих, сочинения, где реальность — самая затрапезная, а то и просто гнусная! — никакими силами не отделима от философии. Всякие передовые достижения — они, конечно, вносят в нашу грешную жизнь новые краски, но сути дела не меняют.

Все так, но мог же Федор Михайлович упомянуть в «Сне смешного человека» какой-нибудь таинственный аппарат,

уносящий героя в звездные дали, — светлые умы уже создавали проекты самолетов. Работа светлых умов была полна страстей и риска, и разные фантастические сюжеты там разворачивались прямо в реальности. Жизнь писала фантастику non fiction, не задумываясь о требованиях к жанру. Федор Михайлович — если б случай такой выпал — мог бы прочесть в «Кронштадтском вестнике» от 12 января все того же 1877 года заметки полковника Богословского об одном примечательном событии.

«На днях нам довелось быть при опытах над летательным аппаратом, придуманным нашим моряком г. Можайским. Изобретатель весьма верно решил давно стоявший на очереди вопрос воздухоплавания. Аппарат при помощи своих двигательных снарядов не только летает, бегает по земле, но может и плавать…»

Полковник приписал событию излишнюю значимость. Первые строки его текста — обычная рекламная заставка. Ему довелось наблюдать модель, которая вопросы воздухоплавания, конечно, не решала, хотя и была, судя по всему, отменно хороша. Правда, двигалась она за счет пружины часового механизма — далеко не улетишь. Не первая, заметим, и не последняя модель такого рода. От прочих «модельеров» Александр Федорович Можайский отличался эрудицией и необыкновенным — фантастическим! — упорством. Он решал задачу, которая в тот момент решения не имела, потому что не было подходящего двигателя для летательного аппарата. И все это знали давным-давно.

В царстве двигателей паровая машина занимала в те времена верхнюю ступеньку пьедестала почета. Электрические, внутреннего сгорания и прочие «движки» она уверенно обходила по всем показателям, а вот для будущего самолета не слишком-то годилась. В 1852 году парижанин Анри Жиффар построил дирижабль как раз с паровой машиной. Масса машины с котлом — 160 кг, мощность — всего 3 лошадиных силы, и черный дым из трубы. Жиффар летал на этом «паровозе», но продолжения работ не было: изобретение не сулило экономических и иных выгод. Нужен был двигатель «несравненно легчайший в отношении доставляемой работы», как писал в 1856 году русский генерал К. И. Константинов. Николаус Отто — тоже друг парадоксов — получил патент на свой четырехтактный двигатель как раз в 1877 году — много знаков пришлось на этот год. Увы, это был еще не тот «двигатель Отто», что и по сей день ставят в автомобилях, потому что гениальный изобретатель в электротехнике был слаб и в патентной заявке не было даже электрического зажигания. Потому через тридцать лет после опытов Жиффара — в 1882 году — Можайский будет строить самолет с двумя паровыми

машинами. Что, безусловно, классический, непревзойденный образец фантастики non fiction.

Вот же ситуация: все знали, что самолет не дирижабль, а тем более не паровоз, но все-таки пытались летать с помощью паровой машины. Очень, понимаете ли, хотелось. Страсть как хотелось. Вот и Можайский был обуреваем этой страстью, хотя во внешних проявлениях всегда был сдержан. Он вовсе не походил на рассеянного чудака, который бегает по улицам, роняя листы с расчетами и гениальными озарениями, тем паче — на деловитого умельца, способного из скромной идеи сделать патент, а из патента — капитал. Можайский — потомственный моряк, сын адмирала, а к концу жизни и сам адмирал. Лицом — красавец, статью — богатырь. Всю жизнь служил во флоте, хотя и бывал временами в отставке. Модели свои демонстрировал не гуляющей публике, а военному министерству, куда был послан проект летательного аппарата, имеющего, по заявлению автора, большие перспективы в предстоящей войне с Турцией. Проводилась рекламная акция, а заметка Богословского — типичный пиар. 20 числа все того же января 1877 года по распоряжению министра графа Милютина образована особая комиссия для рассмотрения проекта Можайского. В составе комиссии был великий Менделеев, большой энтузиаст воздухоплавания, кстати сказать. Комиссия рассмотрела, одобрила и ассигновала на продолжение работ 3000 рублей.

Выходит так, что Можайский был весьма практичный фантаст. Он получил деньги, предъявив модель и пообещав перспективы военного применения. Когда будет это самое применение — никому не известно. Зато понятно всем — не только членам комиссии! — что в войне с Турцией летающие модели не помогут, что от рекламы до реальности дистанция может быть огромного размера. А деньги все-таки дали! Потому что Павел Богословский — инженер-кораблестроитель, член Морского технического комитета, пиарщик Можайского и сверх того — член той самой комиссии! Потому что комиссия вообще симпатизировала Можайскому, так уж звезды сложились.

Звезды — это само собой, а для России тогда сложилось судьбоносное противостояние с Османской империей. Да что Россия — вся Европа была озабочена «восточным вопросом», то есть Балканами. В 1875-м — восстания против турок в Боснии и Герцеговине, в 1876-м — в Болгарии. В России идет массовое движение в поддержку братьев-славян. Достоевский опять спорит с Тургеневым: Федор Михайлович мечтает сплотить вокруг России все славянские народы под эгидой православия, а Иван Сергеевич мыслит скромнее — освободить болгар. В 1876-м

армией Сербии и русскими добровольцами командует русский генерал Черняев, Сербия терпит поражение. Достоевский все в том же «Дневнике писателя» дает большую главу «Новый фазис восточного вопроса». Дипломаты всех уровней работают днем и ночью. План войны с Турцией составлен в России еще в октябре 1876-го, а 2 ноября объявлена мобилизация. Легко сообразить, что модели Можайского тут решительно ни при чем. Особенно если помнить, что России было необходимо выиграть войну в одну кампанию. Так уж оно сложилось. Не по звездам, а по геополитической ситуации.

Ну, право же, какое дело военному ведомству до проектов Можайского, если его главная сиюминутная забота — переброска войск и снаряжения. Железные дороги, военно-дорожные команды, строительные подразделения, телеграф и прочая инфраструктура. Начальником железнодорожных сообщений тыла армии назначен С. Ю. Витте… А все-таки за три месяца до начала войны министерство находит возможным рассматривать проект Александра Федоровича — вот какие дела творились при проклятом царском режиме! Фантастика, одним словом. Комиссия дает деньги, хотя в проекте, по существу, не расчеты, а прикидки — еще никто не умеет считать такие вещи. Тут все понятно и — редкий случай — все правильно. Ну действительно, ученые непременно же фантасты, а иначе им пороха не выдумать, а перспективы очевидны, хотя и не сегодня и, сами понимаете, не бесплатно.

С перспективами — это потом, а текущие дела военное ведомство исполнило с успехом, и в феврале 1878-го подписан Сан-Стефанский договор. Позже, на Берлинском конгрессе, условия договора, выгодные для России, были урезаны, но это — по дипломатическому ведомству. А вот, к примеру, железная дорога Бендеры — Галац была по военной необходимости построена с небывалой быстротой, да сверх того проект этой дороги был представлен на III Всемирной выставке в Париже в 1878 году как выдающееся достижение инженерной работы. Кстати, на выставке большую популярность имел привязной аэростат Жиффара — помните такого? — и сам Менделеев опробовал этот аттракцион и был удовлетворен весьма. То есть все персонажи присутствуют, история продолжается со всеми сближениями и случайными рифмами. В феврале 1878-го — Сан-Стефанский договор, а в апреле — заседание комиссии по проекту будущего самолета. Состав комиссии заметно изменился. Менделеев, как мы наблюдаем, был в загранкомандировке, где Богословский — неизвестно, а во главе комиссии поставлен генерал-лейтенант Герман Паукер, профессор Николаевской

инженерной академии. В книжке 1951 года издания вы прочтете, что подлый немец Паукер был враг России и прочее, но это как раз фантастика. Время-то шло, энтузиастов сменили люди сугубо практические, требующие не идей, а расчетов, которых не было и быть не могло. А Паукер, мало того что тридцать лет преподавал высшую математику и строительную механику, так и был, по-нынешнему говоря, не в теме. Натурально, он не мог одобрить этот проект.

Звезды поменяли свое благорасположение, а трезвый фантаст методично осаждал военное и морское ведомства. Морским министерством тогда заведовал С. С. Лесовский, под командованием которого Можайский в молодости служил на корвете «Диана». Не знаю, насколько они были близки, но морское министерство всячески поддерживало фантаста и писало, например, министерству финансов, что «ввиду весьма важных в военном отношении результатов, которые можно ожидать от успешного разрешения вопроса о воздухоплавании, признает согласным с интересами правительства оказать возможное пособие капитану Можайскому в настоящем деле». Министерство финансов, само собой, норовило отказать «ввиду затруднительного в настоящее время положения Государственного Казначейства». В 1880 году Минфин все-таки выделил 2500 рублей, и начались суровые будни: закупка паровых машин в Англии и постройка аппарата в натуральную, так сказать, величину в Красном Селе.

Во множестве советских и постсоветских источников мелькает множество версий о результатах этих трудов. Там, знаете ли, чудеса, там за штурвалом самолета Можайского сидит механик Голубев, который близкая родня поручику Киже, там дата испытаний варьируется в интервале трех лет, там стенания о горестной судьбе гения нашего, которого травили «царские чиновники и иностранцы на русской службе». Там полет фантазии, что вполне в теме. А в «Военной энциклопедии» (1915 год, изд. И. Д. Сытина) можно прочесть: «…аппарат был построен, при материальной поддержке военного ведомства, лишь в 1884–1885 гг. ‹…› Первый полет аэроплана на военном поле в Красном Селе дал результаты неважные: аппарат отделился от земли, но, будучи неустойчивым, накренился на бок и поломал крыло. Дальнейших опытов не было за неимением средств. Аппарат Можайского интересен как первая практическая попытка построить большой аэроплан».

Чуда не случилось, фантастика non fiction не знает чудес. Не было нужных движков — да что движки! — не было теории, позволяющей рассчитать компоновку аппарата, подъемную силу и

все прочее. Никто не знал, как обеспечить устойчивость и управляемость в полете. Можайскому все время не хватало денег, но поистине — не в деньгах тут счастье. Хирам Максим — изобретатель того самого пулемета! — имел средства, которые Можайскому и не снились. Сообразно средствам он в 1893 году — почти через десять лет после Можайского — построил нечто грандиозное: длина — 60 метров, мощность движка — 362 л. с. То есть лошадиных сил было в десять раз больше, чем у Можайского, но движок — опять паровая машина! Результаты испытаний традиционны: оно взлетело и упало. Паровая машина — ахиллесова пята первопроходцев авиации, она же — родимое пятно промышленной революции.

Еще через десять лет братья Райт построят то самое, что получит титул первого самолета. Они поставят двигатель внутреннего сгорания, и примечательно, что купить именно тот движок, что был им потребен, они не могли — ассортимент был еще скуден. Они собрали свой двигатель из готовых компонентов и, так сказать, «на коленке» открыли эпоху подлинной авиации, эпоху аппаратов тяжелее воздуха. «Коленка» оказалась поворотной точкой, точкой бифуркации, если угодно.

Братья Райт, конечно, славные ребята, рукастые мужики, энтузиасты и фантасты, но никакими признаками гениальности они не отмечены. Просто время пришло — «в срок яблоко спадает спелое». Но не сам**о** — тут многие потрудились: Дедал с Икаром, Лилиенталь, Можайский, Адер и другие фантасты. Братья Райт получили лавры за себя и за парней всего мира, названных выше. Но яблоко, что ни говори, упало в хорошие руки, а что касается славы и справедливости, так первое место всегда одно, слава, как известно, всего лишь яркая заплата на ветхом рубище, а справедливость — самая утопичная фантазия из всех мыслимых утопий.

Если верить источникам, есть тут еще одна случайная, но дивная рифма — чем случайней, тем вернее, не правда ли? Пишут, что папаша Райт подарил своим мальчикам игрушку-вертолетик именно осенью 1878-го, в то самое время, когда Можайский воевал с комиссией Паукера. Можайский хотел летать, но — простите банальность — он не был вольной птицей. Западные умельцы сперва создавали свои творения, и только позже военные прибирали их к рукам. А Можайский шел особым путем — традиция у нас такая. С одной стороны — фантаст, с другой — работа на военно-промышленный комплекс. «Ввиду весьма важных в военном отношении результатов» — помните эту формулу? — работы были засекречены, для нынешних исследователей остались только открытые материалы, и честные

авторы печально вздыхают: «Судьба личного архива, расчетов, чертежей и других проектных материалов А. Ф. Можайского пока остается неизвестной».

Привычное дело: режим секретности плюс череда войн и революций — в этом омуте целые миры сгинули. Такова реальность, которая non fiction, и модель, восхищавшая полковника Богословского, исчезла в этой реальности без следа. А в иной реальности — скорее символической, нежели фантастической, — «воздухоплавательный снаряд» Можайского летал, вероятно, не только в Михайловском манеже, который нынче ФГУП «Зимний стадион». Видимо, «моделька» воспарила над городом и, оставляя по правому крылу шпиль Петропавловки, взяла курс примерно на норд-вест — ну чисто нынешний беспилотник. Приземлилась она на берегу речки Ждановки, как раз там, где в далеком 1712 году была основана первая в России Военно-инженерная школа. В XVIII веке это славное заведение имело неформальный титул «ждановская академия», а в XX стало Военно-космической академией имени Можайского. Что ж, награда нашла героя — это дело в любой реальности справедливо вполне.

И совсем другой коленкор, когда нынешний начальник академии говорит в прямом эфире, что Александр Федорович — «изобретатель первого в мире самолета». Изобретатель самолета, который не летал, — еще одна вариация фантастики non fiction. Можно считать, что она звучит гордо, можно смеяться над патетической мифологией. Простор для толкований безбрежен, нива для дискуссий такова, что и глазом не обшаришь. Ну действительно, Можайский построил самолет, который не летал, а в незапамятные времена — конкретно в 1586 году от Р. Х. — славный мастер Чохов отлил орудие невиданного калибра, так называемую Царь-пушку, которая не стреляла. И не надо разводить руками, что, мол, традиция у нас такая и особый путь. Специалисты расскажут вам, что вроде бы нашли в жерле орудия следы пороховые, что, видимо, хоть раз да стреляла пушка, конечно, не ядрами, а какой-нибудь картечью, и еще много-много интересного. И ни один специалист не скажет, зачем и кому понадобилась эта сорокатонная громадина! Ну разве что на страх врагам. Пушки на Москве отливали и за сто лет до Чохова. Иван III успешно воевал Новгород в 1479-м и Тверь в 1485-м, и осадные московские пушки немало способствовали ратным успехам. Кстати, литье медных пушек — впервые на Руси — наладил легендарный Аристотель Фиоровanти, тот самый, что Успенский собор в Кремле построил.

Кроме сугубо практических, у изобретателей есть и другие

мотивы. Сдается мне, что Андрей Чохов делал Царь-пушку вовсе не «ввиду весьма важных в военном отношении результатов», а потому что хотел себе и всему миру доказать — и такое могу. Настоящие мастера — всегда люди больших страстей. Превзойти все известное — это для них полдела. Превзойти неизвестное — то есть сделать вроде бы невозможное — вот какая гордыня обуревает великих мастеров. И все они — фантасты-утописты. Они страсть как гордятся своими творениями, хотя однозначно оценить пользу тех же самолетов не получается. Не получается с позиции так называемых общечеловеческих ценностей, зато получается в части «весьма важных в военном отношении результатов». Причудливая получается картинка: человек так устроен, что без конца изобретает что-то, творит вторую природу, которая есть цивилизация, а внутреннее устройство человека нисколько от этого не меняется. И все потому, что так природа захотела, а нас не спросила. Вот и вся фантастика.

P. S. *«В самом деле: какое право имела эта природа производить меня на свет вследствие каких-то там своих вечных законов? Я создан с сознанием и эту природу сознал: какое право она имела производить меня, без моей воли на то, сознающего?»*

(Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, октябрь, 1876 год, глава первая)

Сергей Стрельченко
Укус Кактуса, или Паразит поневоле
(Трактовка фантаста)

«Поразительный паразит».

В. В. Маяковский, из фантастической пьесы «Клоп»

На первой полосе газеты «Жизнь» была анонсирована сенсационная статья Натальи Кремневой «В теле девушки растет кактус. Уникальный случай поверг в шок медиков и биологов». О публикации мне в тот же день сообщил по телефону старый знакомый.

— Реальность всегда фантастичней, чем то, о чем вы все пишете! Могли ли фантасты предвидеть такое?

Я скромно ответил:

— Могли.

Но был очень горд за собратьев по жанру.

В среде фантастов, философов и физиков-теоретиков, размышляющих о сущности мироздания, бытует мнение: «Все, что способен вообразить человек, — возможно в реальности. Оно где-то есть, было или же будет».

Гипотеза спорная. Но право на существование имеет. Предвидел же Алексей Толстой появление лазера. Один малоизвестный американский фантаст в детальных параметрах описал атомную бомбу. С ним поработали агенты спецслужб… и убедились — утечки информации нет. Пришел к этому сам, путем размышлений. (К чести спецслужб, его отпустили, и он продолжал жить и творить на ниве фантастики).

Известный австрийский фантаст Герберт Франке еще раз подтвердил эту гипотезу. В 1982 году мюнхенское издательство Wilhelm Goldmann Verlag опубликовало его очень короткий рассказ о злоключении девушки с планеты Земля в системе Сириуса. Ей захотелось украсить жилище красивым цветочным кустом. Растение впилось в тело девушки. Она обратилась к хирургу. Как все похоже!

Есть сходство и более детальное. Растение не было хищным. Оно вовсе не монстр, привлекающий жертв красотой, чтобы скрыть опасную сущность. Обычный цветочный куст, каких кругом много. В русском переводе А. Холмской рассказ очень

удачно назван — «Паразит поневоле».

Фантасты по большей части всегда дилетанты. Недаром же говорят: желаешь высказаться в той области, где не являешься узким специалистом, — пиши рассказ или научно-популярную статью. Бывало, что дилетанты опережали специалистов. Такое случалось не раз. Примером тому такие фантасты, как Ж. Верн и А. Кларк.

Но дилетанты и есть дилетанты. Что знают специалисты?

По мнению двух наших научных светил в вопросах теоретической паразитологии Ю. И. Полянского и Е. Н. Павловского, есть масса путей появления паразитических видов. Так, например, предком паразита может стать хищник, если жертва намного больше размером. Возможно и нечто обратное. Кого-то съели, но не смогли переварить. Он же освоился и стал, в свою очередь, есть обидчика изнутри. Ведь именно так поступил барон Мюнхгаузен, когда его проглотила огромная рыба. Он стал питаться икрой.

Среди множества ведущих к паразитизму путей есть тот, что один к одному подходит к случаю в Ереване.

На сухом научном языке это звучит так: «Случайное поселение одного организма в теле другого».

Сенсация с Наринэ имела малоизвестную, но давнюю предысторию. В последней трети XX века в не интересной для широкого читателя специальной, чисто научной литературе неоднократно появлялись публикации о заражении людей щетинками кактуса.

Но медики и биологи воспринимали это как некий курьез. Редкостный, странный, но в то же время совсем не опасный.

Тогда это было именно так. После укола под кожей появлялось некое образование — гранулема. Она легко удалялась врачом. Хирург обрабатывал ранку. Порез легко заживал, и — никаких осложнений. Тем более — рецидивов с повторным образованием гранулем.

Но в Ереване произошло нечто иное. Кактус сделал качественно новый принципиальный шаг, скачок на пути превращения в узкоспециализированного паразита. Объектом его являемся мы — биологический вид homo sapiens.

Не надо видеть в кактусе некое зловредное существо, исчадие ада, стремящееся погубить род людской. Каждый выживает, как может.

Фантаст Герберт Франке хотел показать происшедшее со стороны растения.

«Его беспокоила непривычная обстановка. Ему было больно, страшно и голодно. Но рядом с ним находилось нечто теплое и

мягкое. Он запустил в него корни и ощутил желанный живительный вкус. По листьям и стеблям разливалась приятная сытость».

Пока что событие в Ереване укладывается в рамки понятия «случайный паразитизм». Нетрудно уничтожить первопроходца.

Пока это несложно. Но между тем известно: любой возбудитель болезни — будь-то микроб, клещ или кожный грибок — приобретает со временем стойкость к тем методам, что против него применяют. Он как бы учится быть сильнее, неуязвимей.

Эпидемиологи знают — важна профилактика. Не дай себя заразить. И на моем окне растут симпатичные кактусы. Не видел в них раньше угрозы. Теперь я буду оберегать от щетинок пальчики маленькой дочери. Мне кажется, так должен поступать каждый.

Возможно, кто-то сделает вывод, что кактусы следует запретить, как запретили некоторые породы опасных собак. Я думаю — это крайность. Уж слишком многое тогда придется признать запретным. Мы будем жить под стеклянными колпаками, передвигаясь по своей планете в скафандрах. Об этом тоже писали фантасты.

Есть у китайцев проклятие: «Чтобы ты жил в эпоху больших перемен». Мы с вами живем в такую эпоху. Речь не идет о переменах мировоззренческих и социальных. У нас на глазах происходит изменение биосферы.

Раньше считалось, что эволюция движется плавно и постепенно, подобно сонно текущей реке. Теперь популярна теория взрывных, скачкообразных изменений.

Не следует преувеличивать роль человека. Такое периодически повторялось до нас. Возможно, мы истребили мамонтов. Но динозавры вымерли задолго до появления человека.

Но между тем весьма очевидно и очень наглядно, что человек способствует изменению биосферы. Простейший пример — случайное перемещение видов с помощью человека. На Волге появилась популяция крабов. Пока небольшая. В Москве-реке живут гуппи.

Попав в новые условия, любой биологический вид стремится выжить, освоиться, сохраниться. При этом он изменяется, приобретая новые свойства. Возможно, лет через двести наши потомки будут бояться войти в теплую воду речных пляжей. Вдруг гуппи станут чем-то вроде пираний?

Случай с кактусом не единственный. В научной литературе прошли публикации о неизвестной ранее болезни слизистой оболочки носа. Болезнь пока редкая, нетипичная. Эпидемиологи

были удивлены, узнав, что возбудителем является живущий на дереве гриб. Он вовсе не редкость. Мы часто с ним контактируем, гуляя в лесах и городских парках. Гриб — паразит дерева — перебирается на человека. Выходит, нам следует быть осторожней, вдыхая аромат коры дерева. Еще в семидесятые годи прошлого века польские ученые заметили, что безобидные ранее почвенные бактерии вселяются в человека и разрушают легкие, почки и даже мозг. Но это лишь единичные случаи. Опять же — пока.

Есть много такого, что воспринимается еще как курьезы. В последнее время увеличилось количество людей, укушенных тараканами. Кусается не некий новый опасный вид, а хорошо знакомый нам с детства рыжий сосед. Учащаются случаи нападения птиц на людей. Чаще всего это вороны и чайки, птицы, веками живущие рядом с людьми, не вызывавшие у людей опасений. В Норвегии и ФРГ уже описаны случаи со смертельным исходом. Анатомически птицы все те же, но изменилось их поведение и биохимия.

Последнее — дело серьезное. Есть версия, что динозавры вымерли от изменений в биохимии растений. Они вдруг стали для них ядовиты.

Не ждет ли нас судьба динозавров? Совсем недавно по югу России прокатилась волна отравлений грибами. У нас в Волгограде погибли десятки. При этом страдали и старые опытные грибники, способные отличить гриб от его ядовитого двойника.

Примерно в это же время зарегистрированы массовые отравления морской рыбой. Анализ показал: причина не в загрязнении пищи индустриальными выбросами. Живое меняется само по себе, приобретая новые свойства. Прямого участия человека здесь не заметно.

Но кактус мы спровоцировали сами. Мы делали это веками, выращивая его на своих подоконниках. Он долго оставался индифферентным, но в конце концов поддался на провокацию.

Кактус — растение цветковое. Цветковые размножаются за счет семян. Но есть и другой способ — вегетативный. Путем отростков, побегов. Цветами и семенами он размножается в пустынях Мексики, на своей исторической родине, а цветоводы предпочитают вегетативные способы. Вот первая провокация. Важнее вторая. Это прививка. То, что в природе практически невозможно. Но дачники из года в год практикуют такое. Растение прививается на другое. Груша — на яблоню, черешня — на вишню. Лихие «мичуринцы» хорошо забавлялись. Они прививали яблоню к вербе и даже к сосне. На вербе вырастали

маленькие горькие, твердые, как дерево, яблоки, а на сосне они пахли смолой.

Подобная практика привоя-подвоя давно применяется любителями кактусов. Возьмите любую книгу — пособие кактусоводов. В ней почти всегда есть глава о привоях-подвоях, то есть о том, как лучше соединить два биологически чужеродных организма. Как следствие, кактус приобрел опыт такого сживления.

Далее — новый прорыв. Он перешел от растений к животным. Согласно систематической классификации, мы входим в животное царство.

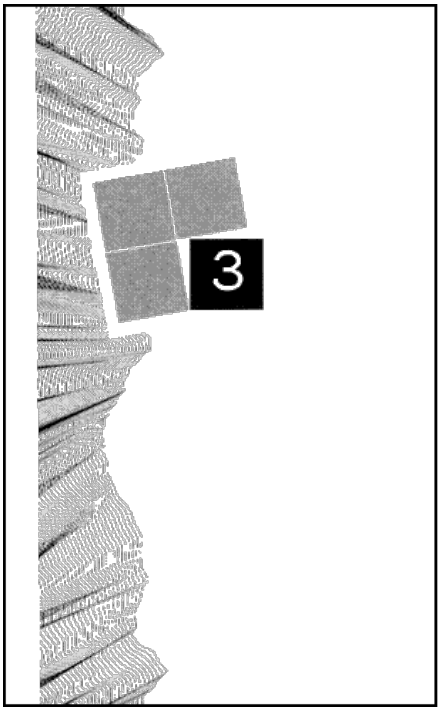
Подобный скачок эволюции не единственный. Есть мнение, что далекие предки наших постельных клопов питались соком растений. Об этой версии появления заклятых врагов человечества я когда-то прочел у мэтров нашей фантастики Аркадия и Бориса Стругацких.

Мне кажется — так это и было. И подобное будет не раз повторяться, если не примем меры предосторожности.

Фантасты любят писать об опасностях. Пишут серьезно и пишут шутя. Но только когда их шутливые образы воплощаются в нечто реальное, становится не до шуток.

Великий польский фантаст Станислав Лем придумал картофель-мутант, который охотился на людей. Я видел американский фильм «Помидоры-убийцы». Он был, к слову, признан худшим фильмом года.

С развитием генной инженерии что-то подобное может возникнуть. Мы только в начале больших изменений. Кактусы — только цветочки.



Наши авторы

Сергей Байтеряков: писатель, бизнес-консультант, топ-менеджер. Окончил МАИ. Живет в Москве. Пишет с 1993 года. Рассказы публиковались во многих сборниках и журналах. Лауреат литературной секции фестиваля «Зиланткон», финалист драматургического конкурса «Премьера-2007», многократный финалист сетевых литературных конкурсов.

Натан Блай (род. в 1981 г. в г. Уфа). По специальности — филолог. В нашем альманахе печатался рассказ «Пьющий» (№ 8 за 2009 г.). Живет в Екатеринбурге.

Александр Голубев (род. в 1960 г. в Южно-Сахалинске в семье моряка) окончил Петропавловск-Камчатское высшее инженерное морское училище, инженер-судоводитель. Посещал литобъединение «Земля над океаном» на Камчатке. Писал стихи и прозу, печатался в камчатской периодике, в журнале «Дальний Восток». Работает старшим помощником капитана на транспорте. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Наталья Егорова закончила МАИ, работала программистом, преподавателем института; сейчас занимается веб-разработкой. Пишет с 2003 года; стилистика — от юмористической фэнтези до киберпанка. Рассказы публиковались во многих сборниках и журналах. Лауреат мастер-класса М. и С. Дяченко, победительница конкурса короткого рассказа им. Ю. Дружинина, конкурса «Рваная Грелка», детского конкурса Московского КЛФ и других. С 2006 года вместе с Сергеем Байтеряковым ведет литературный семинар в Москве. Живет в Химках.

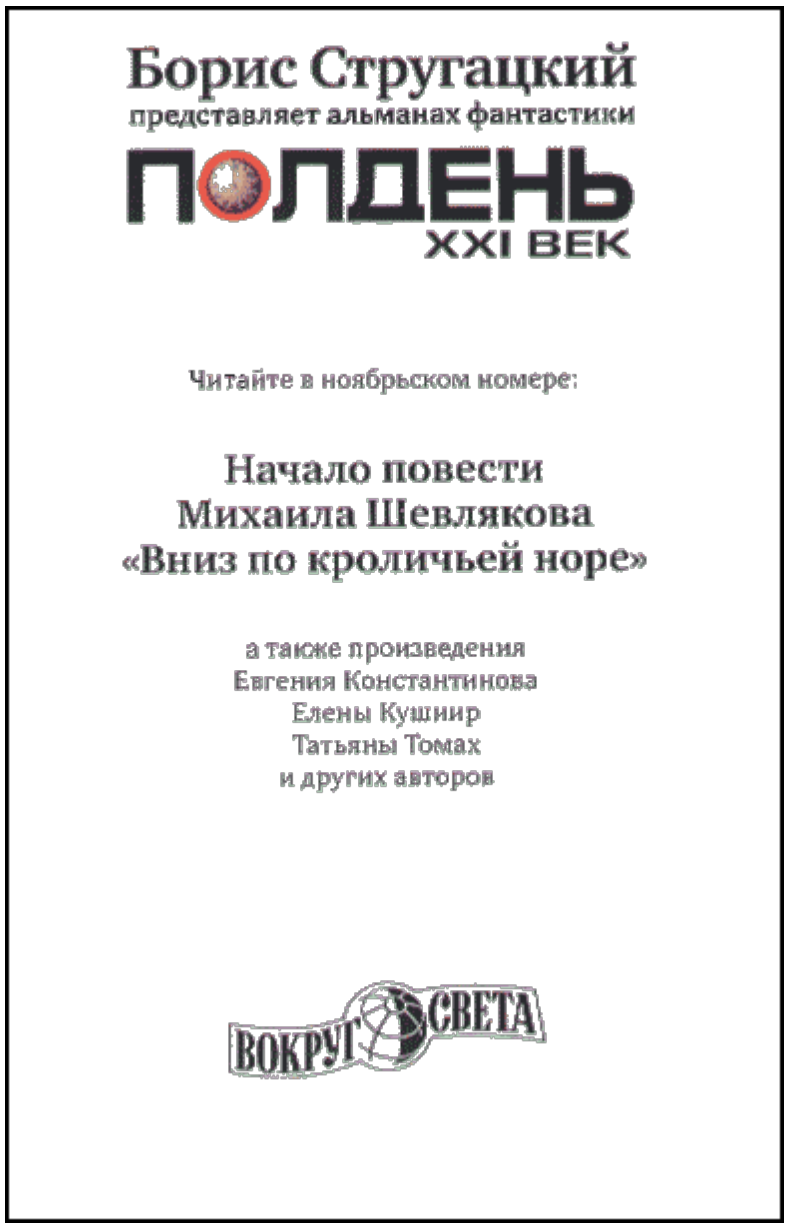
Людмила Макарова (псевдоним Людмиры Бекмачевой) род. в 1969 г. в Ижевске. Закончила Ижевский государственный мединститут, работала врачом-хирургом. С 2004 г. работает медицинским представителем в различных иностранных фармацевтических компаниях. Фантастические романы и рассказы издавались в издательстве АСТ и литературном журнале «Луч» (Удмуртская республика). Живет в Ижевске.

Михаил Нехорошев (род. в 1942 г.). По профессии инженер-радиотехник. С 1992 года занимается литературной критикой. Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Знамя». Живет в Санкт-Петербурге. В альманахе «Полдень, XXI век» печатался неоднократно.

Антон Первушин (род. в 1970 г. в Иваново). Выпускник санкт-петербургского политехнического университета. Член Союза писателей СПб. Член Федерации космонавтики России и Союза ученых Санкт-Петербурга. Член семинара Бориса Стругацкого и литературной студии Андрея Балабухи. Публикуется с 1990 года. Автор остросюжетных романов и документально-исторических книг. Лауреат нескольких литературных премий. В нашем альманахе печатался неоднократно. Адрес персональной страницы: http:// apervushin.narod.ru

Сергей Соловьев (род. в 1956 г. в Ленинграде). По профессии — математик, в данное время профессор в университете г. Тулуза (Франция). В 1985–1991 гг. член семинара Бориса Стругацкого. В литературе дебютировал в 1990 г. (рассказ «У гробового входа»). В 1993 г. вышел в свет роман «День ангела». Публиковался ряд рассказов (в ж. «Литературная учеба», «Lettres Russes» и др.), повесть «Меньшее из зол» (альманах «Подвиг», 2008) поэма «Фантом» (1991), перевод поэмы «The Waste Land»

Т.С. Элиота («Urbi», XXIV, 2000), научно-популярные статьи (в ж. «Химия и жизнь», «Новое литературное обозрение»). В нашем альманахе печатался неоднократно.



Подписка на журнал «Вокруг света» и альманах «Полдень XXI век»

Объединенный каталог «ПРЕССА РОССИИ». Индексы:

41700 — «Вокруг Света», годовая подписка;

84702 — «Вокруг Света», годовая льготная подписка;

41505 — «Вокруг Света», полугодовая подписка;

84701 — «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;

84704 — «Полдень. XXI век», годовая подписка;

84705 — «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;

83248 — «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;

84703 — «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

84707 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», годовая подписка;

84708 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;

83249 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;

84706 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог «Газеты. Журналы. Агентство „РОСПЕЧАТЬ“». Индексы:

80650 — «Вокруг Света», годовая подписка;

83321 — «Вокруг Света», годовая льготная подписка;

80475 — «Вокруг Света», полугодовая подписка;

83320 — «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;

83324 — «Полдень. XXI век», годовая подписка;

83323 — «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;

84170 — «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;

83322 — «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

83624 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», годовая подписка;

83625 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;

83084 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;

83623 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог российской прессы «ПОЧТА РОССИИ». Индексы:

99440 — «Вокруг Света», годовая подписка;

12464 — «Вокруг Света», годовая льготная подписка;

99118 — «Вокруг Света», полугодовая подписка;

12463 — «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;

12466 — «Полдень. XXI век», годовая подписка;

12467 — «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;

10853 — «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;

12465 — «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

12469 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», годовая подписка;

12470 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;

10854 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;

12468 — комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА ДЕЙСТВИТЕЛЬНА ДЛЯ ПРЕДЪЯВИТЕЛЕЙ ПОДПИСНОГО КУПОНА ЗА ПРЕДЫДУЩИЙ ПЕРИОД

notes

Примечания

1

Все названия фирм, улиц, событий вымышлены автором. Все совпадения случайны.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

03.11.2010